

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр
О народовластіи. (По поводу статьи свщ. Петрова о свободѣ). <i>Проф. А. Бѣльева</i>	419—444
Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ по свидѣтельству исторіи Церкви. <i>А. Вертеловскаго</i>	445—461
Миссіонеры, дѣйствовавшіе въ первые три вѣка христіанства. (Окончаніе). <i>Проф. Ан. Спасскаго</i>	462—478
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Герои М. Горькаго и ихъ міровоззрѣніе. (Литературно-психологическій очеркъ). (Окончаніе). <i>Н. Боголюбова</i>	293—319
Анализъ сочиненій Ренана: „Философскіе діалоги“ и „Будущее науки“. (Окончаніе). * * *	320—348
III. ИЗВѢСТІЯ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Имѣнные Высочайшіе указы.—Высочайшій приказъ.—Опредѣленія Святейшаго Синода.—Списокъ священниковъ церквей Харьковской епархіи, удостоенныхъ Его Высокопреосвященствомъ награжденія скуфьею и пабедренникомъ къ 6 мая 1906 года за усердную ихъ службу.—Епархіальныя извѣщенія.—Пріемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей въ продолженіе мѣсяца 1906 г. у Высокопреосвященнаго Арсевія, Архіепископа Харьковскаго.—II. День обновленія нравственнаго облика земли русской. (По Поводу открытія Государственной Думы). В.—17-е октября 1888 года и 17-е октября 1905 года. <i>Священника Д. Ромашкова</i> .—Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. (Продолженіе). <i>Священника Н. Вознесенскаго</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., п. № 17.

1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богосуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по десяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплату денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы вѣлучительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Г. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новикій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

О НАРОДОВЛАСТІИ.

(По поводу статьи св. Петрова о свободѣ).

Въ „Русскомъ Словѣ“ 1905 года, № 280, была помѣщена статья священника Г. С. Петрова подъ заглавіемъ: „Для чего нужна свобода?“

Повидимому, и самъ свящ. Петровъ и редакція газеты придавали этой, какъ и нѣкоторымъ другимъ политическимъ статьямъ о. Петрова, болѣе высокое значеніе, нежели какое имѣютъ фельетоны мелкой газеты: они распространяли ихъ въ народѣ отдѣльными листами, по копѣйкѣ за штуку, отпечатанными совершенно необычайнымъ крупнымъ шрифтомъ, какой употребляется развѣ только для большихъ церковныхъ евангелій.

Тема статьи высказана въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ: *Хозяинъ страны—народъ, а правительство—слуга народа.* Поэтому статья должна бы имѣть заглавіе *О народовластіи.* Впрочемъ несоотвѣтствіе содержанія статьи заглавію ея вещь не важная. Въ статьѣ обращаютъ на себя вниманіе способъ раскрытія и обоснованія идеи народовластія, а также и вообще авторскіе приемы свящ. Петрова.

Если бы священникъ Петровъ при раскрытіи и обоснованіи идеи народовластія опирался на теоріи тѣхъ философовъ, юристовъ, историковъ, соціологовъ и экономистовъ, которые начиная съ древнѣйшихъ временъ, а въ особенности въ послѣднія полтора столѣтія, изслѣдовали этотъ предметъ въ своихъ сочиненіяхъ, то не было бы и надобности опровергать взглядъ его на народовластіе, а нужно было бы считаться съ ученіями

тѣхъ мыслителей, на которыхъ онъ ссылался бы. Вѣдь свящ. Петровъ не философъ, не историкъ, не юристъ, не финансистъ и не социологъ, а потому можно ли и ожидать отъ него сужденій самостоятельныхъ и основательныхъ взглядовъ (о специальныхъ свѣдѣнiяхъ уже и не говоримъ) касательно столь сложнаго вопроса, какъ вопросъ о народовластiи, и нужно-ли обращать вниманiе на разсужденiе писателя о предметѣ, о которомъ онъ не имѣеть надлежащихъ, а можетъ быть даже и элементарныхъ свѣдѣнiй.

Но неосвѣдомленность свящ. Петрова въ наукахъ, къ области которыхъ относится ученiе о народовластiи, не остановила его бойкаго пера. Только вопросъ о народовластiи онъ разсмотрѣлъ на основѣ болѣе знакомой ему науки, на почвѣ богословiя. Поэтому и обсуждать его взглядъ нужно съ богословской точки зрѣнiя.

Въ своей статьѣ свящ. Петровъ ученiе о народовластiи прямо и рѣшительно называетъ „правдой Божiей“. Онъ основываетъ это ученiе на евангелiи, на словахъ Христа. Быть можетъ, онъ желалъ чрезъ это доставить больше авторитета своей статьѣ. Онъ приводитъ три слѣдующихъ изрѣченiя Христа ¹⁾.

- 1) *Сынъ человеческiй пришелъ не въ тмѣ, чтобы Ему служили, а чтобы Онъ Самъ послужилъ другимъ;*
- 2) *Кто у васъ наибольшiй, тотъ будь въсьмъ слуга;*
- 3) *Кому много дано, съ того много и взыщется.*

Читатель сразу видитъ, что во всѣхъ этихъ изрѣченiяхъ нѣтъ даже и словъ: царь, правитель, правительство, народъ, государство; ничего не сказано о народовластiи.

Въ частности, въ первомъ изъ приведенныхъ изрѣченiй Иисусъ Христосъ говоритъ о себѣ не какъ о мiрскомъ царѣ, какимъ онъ и не былъ—*царство Мое*, сказалъ Онъ, *не отъ мiра сего* (Ioан. 18, 36),—а какъ объ Искупителѣ мiра, какъ о Спасителѣ людей. Это будетъ ясно, если слова Его привесть полностью: *Сынъ человеческiй не для того пришелъ, чтобы*

¹⁾ Помѣщаемъ слова евангелiя съ тѣми неточностями, какiя допущены свящ. Петровымъ.

Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ (Матѳ. 20, 28).

Христосъ пришелъ послужить всѣмъ—богатымъ и бѣднымъ, знатымъ и простолюдинамъ, злымъ и добрымъ, чтобы всѣхъ спасти. Въ дѣлѣ спасенія предъ Богомъ и Христомъ цари не выше нищихъ и нищіе не ниже царей. Что всѣ люди, не исключая и царей, должны подражать Христу въ дѣлѣ взаимнаго услуженія, это такъ; но именно взаимнаго услуженія. Не означаютъ же слова Христа того, что правительство должно служить народу, а народъ можетъ сидѣть сложа руки. Отецъ и мать должны сдѣлать все то добро и оказать всю ту помощь своимъ дѣтямъ, какія они могутъ сдѣлать; но это не означаетъ ни того, что власть въ семьѣ принадлежитъ не родителямъ надъ дѣтьми, а дѣтямъ надъ родителями, а равно не освобождаетъ дѣтей отъ обязанности дѣлать родителямъ, въ мѣру силъ и средствъ, добро и только добро. Въ разсматриваемыхъ словахъ Христа нѣтъ даже и намека на народовластіе и вообще на государственный строй и политическое взаимоотношеніе между народомъ и правительствомъ, или между различными классами общества.

Второе изрѣченіе Христа свящ. Петровъ переименовалъ. Почему? По недостатку уваженія къ словамъ Христа? По невзанію? Или намѣренно? Христосъ не сказалъ: Кто изъ васъ большій, тотъ будь всѣмъ слуга“, а сказалъ: „Кто *хочетъ* быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою (Марк. 10, 43). Кто *хочетъ*, т. е., кто домогается быть большимъ, какъ домогались, и притомъ незаконно, самовольно, быть первыми и большими, среди апостоловъ Іаковъ и Іоаннъ. Слова: кто *хочетъ* быть большимъ, не то же, что слова: кто *есть* большій.

А какой смыслъ имѣютъ подлинныя слова Христа? Они были обращены къ апостоламъ Іакову и Іоанну, на ихъ самонительное, и возбуждившее въ прочихъ ученикахъ негодованіе домогательство получить первенство надъ послѣдними въ царствѣ Христовомъ. Іисусъ Христосъ и говоритъ имъ, что они—не мірскіе правители, не князья, которые господствуютъ надъ народомъ. Ихъ званіе и служеніе духовное, а потому и

власть ихъ должна имѣть совсѣмъ иной характеръ. Христосъ не отождествляетъ, а прямо противопоставляетъ служеніе апостоловъ, а въ дальнѣйшихъ словахъ и свое служеніе, служенію мірскихъ правителей. *Между вами да не будетъ такъ, говоритъ Онъ, а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою* (Марк. 10, 43). По отношенію къ настоящему, какъ и ко всякому времени, изъ словъ Христа строго логически можно вывести только то заключеніе, что преемники апостольскаго служенія—епископы и прочіе священнослужители—должны быть слугами всѣхъ, и, конечно, прежде всего въ дѣлѣ ихъ спасенія, а потомъ уже и въ устроеніи ихъ житейскаго благосостоянія. А какъ должны поступать представители мірской государственной власти, Іисусъ Христосъ не говоритъ.

Впрочемъ и по отношенію къ епископамъ и священникамъ слова Христа совсѣмъ не означаютъ того будто не они должны имѣть власть,—конечно, духовную,—надъ своими паствами, а паствы должны господствовать надъ ними, будто епископы и священники—приказчики или работники своихъ пасомыхъ, а пасомые ихъ хозяева. Когда нѣкоторые изъ коринтянъ стали пренебрегать паптырскою властью апостола Павла, то онъ строго порицалъ ихъ за это. Онъ проявилъ свою власть надъ Коринтскою церковью и объявилъ себя не подсуднымъ ей, говоря, что для него очень мало значить какъ судятъ о немъ коринтяне, что Судія ему—Господь (1 Кор. 4, 3, 4). Мало того: онъ прямо спрашиваетъ ихъ: *Чего вы хотите? Съ жезломъ прійти къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости?* (1 Кор. 4 21). И онъ примѣнилъ на дѣлѣ жезлъ своей власти, отлучивши коринтскаго кровосмѣсника съ цѣлью (спасти его душу отъ гибели. А во второмъ посланіи къ коринтянамъ онъ и прежде согрѣшившимъ и встѣмъ прочимъ, всѣмъ сомнѣвавшимся, говоритъ-ли въ немъ Христосъ, властно и строго говоритъ: *Когда опять прійду, не пощажу* (13, 2. 3). Въ настоящее время, когда многіе и очень многіе во имя свободы, человѣчности, новаго устроенія жизни, быта и правленія, интересовъ народа, домогаются поколебать и ниспровергнуть порядокъ, власть, законы, особенно благовременно не забывать

оба посланія апостола Павла къ коринтеянамъ въ примѣненіи ихъ къ теперешнему состоянію русской церкви.

Третье изреченіе относится рѣшительно ко всѣмъ, а не къ правительству только. Оно означаетъ, что кому дано десять талантовъ, съ того больше взыщется, нежели съ получившаго пять талантовъ. Рѣчь идетъ объ отчетѣ, который каждый отдаетъ въ своей жизни и дѣлахъ, о судѣ надъ каждымъ. Безспорно, что и съ правительства много взыщется, такъ какъ ему много дано. Чьему суду подлежитъ правительство? Какъ и всякій человѣкъ, оно подлежитъ суду Божию, суду потомства, суду исторіи, суду другихъ народовъ, суду своего народа, своихъ современниковъ. Но это не значитъ, что правительство—слуга народа, а народъ—его владыка, или что народъ есть единственный и исключительный его судья и распорядитель. Между правительствомъ и народомъ должна быть взаимопомощь. Правительство всѣ врученныя ему отъ Бога средства, а въ числѣ ихъ и законную власть, должно употреблять на благо народа и государства; но и народъ въ своей совокупности, въ отдѣльныхъ своихъ группахъ и въ отдѣльныхъ лицахъ долженъ не противодѣйствовать, а помогать правительству въ созиданіи блага народа и пользы государства. *Другъ друга тѣлоты носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2).

Не находя въ приведенныхъ свящ. Петровымъ изреченіяхъ Христа ученія ни о народовластіи, ни о гражданскомъ правительствѣ или мірскихъ властяхъ, ни о взаимныхъ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ, мы считаемъ примѣненіе этихъ изреченій, безъ всякихъ ограниченій, къ мірскому правленію и къ государственной власти невозможнымъ потому, что въ государствѣ, и не въ нашемъ только, а во всякомъ, дѣйствуютъ нормы юридическія, правовыя, законническія и въ евангеліи заповѣданы идеалы и указаны нормы религіозныя и нравственныя. Конечно, законническія или правовыя нормы не противоположны религіознымъ и нравственнымъ нормамъ. Въдъ и въ этихъ и чрезъ нихъ осуществляется одна изъ добродѣтелей, составляющая требованіе и нравственнаго закона, это—справедливость, правда. Но уже то одно обстоятель-

ство, что въ законахъ государственныхъ уголовныхъ и гражданскихъ осуществляется только одна изъ добродѣтелей указываетъ на узкость правового государственнаго и гражданского строя сравнительно съ широтой и многосодержательностию нравственнаго закона; а еще уже окажется мірской законъ (будемъ такъ его называть) въ сравненіи съ нравственнымъ, если съ послѣднимъ сливается законъ религіозный и если, притомъ, въ наличности имѣется религіозный и нравственный законъ не натуральный или естественный, а богооткровенный. А таковъ именно и есть религіозный и нравственный законъ евангельскій, Христовъ. Если даже объ откровенномъ законѣ ветхозавѣтномъ псалмопѣвецъ сказалъ: *широка заповѣдь Твоя зѣло* (Псал. 118), то что же сказать о широтѣ несравненно совершеннѣйшаго закона—евангельскаго! Но законъ евангельскій безконечно совершеннѣе мірскаго закона, хотя бы этотъ былъ наилучшій не широтой только и всеобъемлемостию, не количественно только, а что особенно важно—своею возвышенностию, чисто нравственнымъ характеромъ, святостию, безусловной истинностию, идеальностию, божественной силой. Между нимъ и мірскимъ закономъ такое же различіе, какъ между небомъ и землей. Законъ евангельскій—небесный законъ, а законъ мірской—земной; тотъ—законъ Божій, а этотъ—законъ человѣческой; тотъ законъ истинный, святой, совершенный и возвышенный, а этотъ—законъ не совершенный и немогущій быть совершеннымъ. Законъ мірской даже и въ христіанскомъ государствѣ есть тѣнь закона евангельскаго. Задача евангельскаго закона—очистить людей отъ грѣха, сдѣлать ихъ святыми, возвестъ на небо; задача мірскаго закона помѣшать водворенію ада на землѣ, предохранить и защитить добрыхъ отъ злыхъ, дать просторъ доброй дѣятельности, стѣснить и ограничить дѣятельность злотворную.

Законъ мірской не только разнороденъ и не согласенъ съ закономъ евангельскимъ, но иногда требованія перваго прямо противоположны требованіямъ втораго. Приведемъ примѣръ. Св. Серафимъ Саровскій, избитый въ своей отшельнической лѣсной избушкѣ грабителями до полусмерти, запретилъ настоятелю и братіи монастыря разыскивать злодѣевъ, угрожая въ

случаѣ неисполненія этого требованія, покинуть Саровъ. Поступая такъ, онъ подражалъ Христу, молившемуся на крестѣ за своихъ распинателей: *Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ* (Лук. 23, 34). Онъ былъ истинный христiанинъ, святой человѣкъ, жилъ по евангелію. Монахи, согласно его желанію, не разыскивали преступниковъ; но представители мірскаго закона, если бы они узнали о злодѣянiи, обязаны были бы отыскивать злодѣевъ, и чѣмъ болѣе они проявили бы въ этомъ дѣлѣ искусства и усердія, тѣмъ лучше; и если бы они открыли злодѣевъ, то законъ подвергъ бы ихъ заслуженной ими карѣ, не взирая на то, что лицо потерпѣвшее простило имъ злодѣянiе и не желало, чтобы они были разысканы и подвергнуты наказанію. Мірскія власти поступаютъ такъ во всякихъ государствахъ, какова бы ни была въ нихъ форма правленія. Почему? Потому, что государство руководствуется юридической или законнической точкой зрѣнiя, въ силу которой преступленіе наказывается съ цѣлію соблюсти права и интересы не потерпѣвшаго только лица, но еще правосудія и общества. Безданность уничтожила бы охранительную силу правосудія въ явный ущербъ для общества: преступники стали бы повторять свои злодѣянiя, число преступниковъ умножилось бы, а мирные и добрые граждане остались бы безъ охраны со стороны закона и несчастія ихъ умножились бы. Можетъ-ли какое бы то ни было государство допустить это? И тѣмъ не менѣе это охранительное и карательное значеніе мірскаго закона существенно расходится съ требованіями закона евангельскаго.

Не нужно еще упускать изъ вида, что и въ наиболѣе благоустроенныхъ государствахъ правовая норма, несовершенная по самому существу своему, чрезвычайно понижается въ своемъ достоинствѣ на практикѣ, при осуществленіи ея въ жизни. Причинъ несоотвѣтствiя осуществленія закона въ жизни самому закону очень много: несовершенство, устарѣлость и непрактичность иныхъ законовъ; излишній формализмъ, непониманіе смысла закона, упущенія, небрежность, злоупотребленія со стороны исполнителей закона и т. п.

Но если самыя совершенныя законническія нормы, существую-

щія даже въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ, государствахъ христіанскихъ, не совпадаютъ съ завѣтами евангелія, далеко и во всѣхъ отношеніяхъ ниже ихъ, то примѣнять къ правительству русскому, или какому угодно, нормы и идеалы евангелія и на основаніи этого мѣрила оцѣнивать, судить и осуждать его, значитъ обваруживать политическую наивность. Вотъ общественная дѣятельность и личная жизнь пастыря, дѣйствительно, должны быть оцѣниваемы на основѣ евангельскихъ нормъ и идеаловъ. Онъ долженъ по возможности осуществлять ихъ въ своей жизни и подавать другимъ примѣръ жизни по евангелію и учить другихъ жить по евангелію. Но если бы онъ достигъ столь высокаго нравственнаго совершенства, что имѣлъ бы силу прощать и даже благотворить своимъ личнымъ врагамъ, нанесшимъ оскорбленіе словами и дѣйствіями его личности, или причинившимъ ущербъ его имуществу, это отнюдь не давало бы ему права порицать и обвинять въ не-евангельскомъ образѣ дѣйствованія судебныхъ слѣдователей за то, что они разыскиваютъ и уличаютъ подозрѣваемыхъ въ убійствахъ или другихъ преступленіяхъ, судей за то, что они присуждаютъ къ наказанію пойманныхъ и уличенныхъ преступниковъ, а правительство за то, что оно издало уголовные законы и учредило суды, да еще платитъ жалованье судьямъ. Представимъ себѣ такой случай. На свящ. Петрова, по ошибкѣ принявши его за другого священника, напалъ революціонеръ. Прибѣжавшій на помощь Петрову русскій патріотъ, а по терминологіи Петрова черносотенецъ, бросился на революціонера съ обнаженнымъ оружіемъ. Тогда свящ. Петровъ говоритъ черносотенцу: не убивай его и не мѣшай ему дѣлать со мной, что ему угодно. Это согласно съ евангеліемъ. Но вотъ другой случай. Революціонеръ занесъ ножъ надъ безоружнымъ черносотенцемъ. Оказавшійся здѣсь же священникъ Петровъ не только ничѣмъ не помогъ черносотенцу, но и прибѣжавшему на крики послѣдняго стражнику, бросившемуся на революціонера, воспретилъ дѣйствовать оружіемъ, приказалъ уйти и оставилъ черносотенца на произволъ судьбы. Поступокъ этотъ согласенъ съ евангеліемъ, или нѣтъ? Говоримъ это потому, что едва-ли когда нибудь столь часто ссылались при оцѣнѣ

государственной и общественной жизни на заповѣди и идеалы евангелія, какъ въ наши дни. Но замѣчательно, что словами евангелія измѣряютъ и безусловно осуждаютъ жизнь и дѣятельность другихъ людей, людей иного политическаго лагеря; но къ самимъ себѣ и къ своему лагерю евангельской оцѣнки и не думаютъ примѣнять и тѣмъ обнаруживаютъ, что сами-то они въ своей жизни и дѣятельности всего меньше руководятся евангелиемъ.

Конечно хорошо было бы, если бы христіанскія государства были устроены по закону евангельскому; но... „радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“. Какъ устроить государства по евангелію, когда входящіе въ составъ ихъ народы въ одной своей части враждебны къ евангелію, въ другой равнодушны, въ третьей безсильны исполнить его требованія и только въ малой долѣ желаютъ и стараются жить по евангелію. Можетъ ли государство хотя и христіанское замѣнить юридическія, низшія нормы нравственными и религіозными, высшими, когда этого не можетъ сдѣлать христіанская семья? Отецъ, передавая наслѣдство дѣтямъ, оформливаетъ передачу юридическими документами; братъ даетъ родному брату деньги подъ вексель, либо подъ закладную на его домъ или землю; женихъ обезпечиваетъ полученіе отъ тестя или тещи выговореннаго приданнаго нотаріальнымъ документомъ, даже мужъ и жена составляющіе по писанію одну плоть, часто имѣютъ личное имущество, неприкосновенное для другой половины. Кстати скажемъ, что въ старину давали деньги на совѣсть, безъ документовъ, и должники почти всегда возвращали деньги. Почему? Потому что боялись Бога и людей стыдились. А теперь дать деньги на слово — глупость, безразсудство: даже и родной человѣкъ не отдастъ ихъ. Теперь деньги, даже данныя подъ залогъ имущества при прочныхъ документахъ, займодавецъ не всегда получаетъ. Но это не значитъ, что дѣло портятъ документы, юридическій строй. Замѣните теперь документы честнымъ словомъ, какъ прежде было, и вы совсѣмъ не получите денегъ, потому что нѣтъ прежней честности, нѣтъ стариннаго благочестія, упала нравственность. Но, съ другой стороны, такая безпомощность праваго строя охранить

интересы гражданъ даже въ ихъ личныхъ сдѣлкахъ заставля-
етъ признать мечтательными надежды сторонниковъ освободительнаго движенія на то, что правовой строй парламентскаго управленія страной уврачуесть всѣ недуги русскаго народа и русскаго государства и водворить свободу, правду и счастье въ Русской землѣ.

Добавимъ еще, что въ нашемъ государственномъ строѣ и въ массѣ русскаго народа остались еще, къ счастью, черты патріархальнаго быта; важнѣйшія изъ нихъ: взглядъ на государя, какъ на отца народа, и какъ на помазанника Божія, довѣріе и любовь къ нему, повиновеніе ему не за страхъ, а за совѣсть, преданность ему, и отечеству, а съ другой стороны, отношеніе царя къ народу, какъ отца къ своей семьѣ. Этотъ патріархально-семейный и религіозно-нравственный духъ взаимныхъ отношеній между царемъ и народомъ ослабляетъ недостатки праваго строя, восполняетъ и возвышаетъ этотъ послѣдній. Поэтому не добрую услугу оказываютъ русскому народу и русскому государству тѣ, которые, подобно священнику Петрову, вытравляютъ этотъ духъ. Чѣмъ болѣе они подорвутъ довѣріе и преданность народа царю и вліяніе царя на народъ, тѣмъ болѣе вреда принесутъ этому самому народу и русскому царству. Отвлеченный законъ никогда не замѣнитъ духа жизни народа, созданнаго народомъ и оживлявшаго народъ въ теченіе тысячи лѣтъ. Читая нотаціи правительству за его дѣятельность, не соответствующую евангелію, и въ то же время восхваляя народъ за его мятежническую борьбу противъ правительства, свящ. Петровъ или противорѣчитъ себѣ, или говоритъ не искренно; потому что любовь и преданность народа царю, вытравляемая изъ души народа революціонерами и свящ. Петровымъ, ближе къ духу и ученію евангелія, нежели чисто правовой строй, неизбѣжный при народовластіи.

Сославшись на изреченія евангелія, въ которыхъ нѣтъ и намека ни на политическую и гражданскую свободу, ни на правовое устройство государства, ни на народовластіе, ни вообще на какой бы то ни было способъ политическаго прав-

ленія, свящ. Петровъ самоувѣренно, догматически изрекаетъ правила народовластія, какъ какія либы аксіомы.

Онъ говоритъ: „правительство—ставленникъ. Чей ставленникъ? Народа“.

Прежде всего не видно, разумѣеть-ли онъ подъ правительствомъ верховную власть, проще—царя, или администрацію, бюрократію, или то и другое вмѣстѣ.

Разсматривая выставленное положеніе по существу, мы должны сказать, что многіе государствѣды дѣйствительно признаютъ суверенитетъ или верховенство власти за народомъ. И если бы свящ. Петровъ сказалъ, что это признаютъ такія-то и такія-то школы, такіе-то и такіе-то ученые, иностранные и русскіе, и что онъ присоединяется къ ихъ возрѣнію, то, въ такомъ случаѣ, пришлось бы опровергать или признать истиннымъ возрѣніе тѣхъ ученыхъ, не обращая вниманія на голосъ свящ. Петрова. Но вѣдь свящ. Петровъ свое ученіе о народовластіи усиливается обосновать на Священномъ Писаніи. А писаніемъ приведенное изреченіе не только не подтверждается, а даже прямо опровергается. Св. Петрову, конечно, хорошо извѣстны слова апостола Павла: *Нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены* (Римл. 13, 1); но онъ почему-то умолчалъ о нихъ. Если даже въ этихъ словахъ подъ существующими властями разумѣть суверенитетъ или верховенство народа, то и въ такомъ разѣ нельзя не удивляться, что Петровъ, будучи священникомъ, умалчиваетъ о высочайшемъ источникѣ власти—Богѣ, не взирая на нрямое и рѣшительное свидѣтельство апостола. Но на самомъ дѣлѣ апостолъ имѣетъ въ виду не верховенство народа. Вѣдь эти слова находятся въ посланіи его къ римлянамъ. А у римлянъ въ то время верховная, даже неограниченная, власть была въ рукахъ цезаря, императора, которымъ были поставляемы и отъ котораго зависѣли всѣ власти въ государствѣ, во всемирной Римской имперіи. Очевидно, римскаго императора и римскія судебныя и административныя власти апостолъ и разумѣетъ. Вѣдь онъ писалъ не философскій или юридическій трактатъ; онъ не отвлеченно разсуждаетъ о власти, безотносительно къ мѣсту и времени. Посла-

нія апостоловъ всегда имѣли практическое, наставительное значеніе и имѣли въ виду прежде всего тѣхъ, къ кому они были посылаемы. Въ частности и рѣчь апостола Павла о власти имѣла наставительное для римскихъ христіанъ значеніе, какъ это ясно видно изъ словъ, что не должно противиться власти, что противящіеся навлекутъ на себя осужденіе, что начальствующіе страшны только для злыхъ, что кто хочетъ не бояться власти, тотъ пусть дѣлаетъ добро, что нужно повиноваться власти не по страху только, а по совѣсти, что начальникъ есть Божій слуга и носить мечъ для мщенія злымъ.

Но, можетъ быть, апостолъ подъ властію, установленной Богомъ, разумѣетъ власть народа, въ данномъ случаѣ верховную власть населенія Римской имперіи, отъ которой уже стоятъ въ зависимости власть цезарей, получившихъ ее отъ народа, и власть прочихъ начальниковъ, получившихъ ее отъ цезарей. Вложить такой смыслъ въ слова апостола, конечно, желательнo такимъ „народовластникамъ“, какъ свящ. Петровъ. Но понимать такъ слова апостола нельзя уже потому, что въ такомъ случаѣ они были бы не согласны съ исторіей. Римскіе цезари не были избраны народомъ Римской имперіи и не отъ него они получили власть свою. Первые цезари уничтожили равнѣ существовавшій въ Римѣ образъ правленія—республиканскій и замѣнили монархическимъ образомъ правленія диктаторски, по своей волѣ, опираясь на легионы, а легионы подчинились имъ и стояли за нихъ потому, что они прославились военными подвигами, блескомъ побѣдъ и завоеваній. Народъ и сенатъ римскіе хотя бы и не желали признать ихъ своими властелинами, ничего не могли сдѣлать, такъ какъ власть въ концѣ концовъ остается за тѣмъ, на чьей сторонѣ войско. А послѣдующіе цезари занимали престолъ Римской имперіи наследственно, либо опять таки были возводимы на него войскомъ. Многочисленные народы, входившіе въ составъ Римской имперіи, не исключая и самого римскаго народа, населявшаго Италію съ Римомъ, не принимали ни малѣйшаго участія въ избраніи или возведеніи на престолъ цезарей.

Самый характеръ и содержаніе рѣчи апостола о властяхъ, показываетъ, что онъ говорилъ о дѣйствительныхъ тогдашнихъ

властяхъ, а не отвлеченно о верховенствѣ всего населенія Римской имперіи. Напр., онъ говоритъ о начальникахъ, какъ носящихъ мечъ; даетъ наставленіе, какъ можно не бояться власти и заслужить похвалу отъ нея; увѣщаетъ повиноваться власти. Развѣ христіане, жившіе въ Римѣ, могли бояться народовъ Римской имперіи въ ихъ совокупности, повиноваться имъ, или противиться имъ?

Само собой понятно, что, увѣщая римлянъ своего времени повиноваться властямъ римскимъ—цезарю и всѣмъ начальствовавшимъ, апостоль тѣмъ самымъ заповѣдуетъ всѣмъ людямъ подчиняться тѣмъ властямъ, какія въ какое время и въ какой странѣ будутъ. Онъ говоритъ: *всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ* (Римл. 13, 1). Онъ указываетъ и высокое, непререкаемое для христіанъ всякаго времени и мѣста, основаніе этой покорности,—то именно, что нѣтъ власти, которая была бы не отъ Бога, что существующія власти установлены отъ Бога и что противящійся власти противится Божію установленію. Такимъ образомъ ясно, что апостоль Павелъ высшую, т. е. верховную власть, признаетъ происходящей отъ Бога, установленной отъ Бога, и по этой причинѣ требуетъ покорности или подчиненія ей. Откуда же свящ. Петровъ взялъ, что правительство есть ставленникъ народа?

Въ библейской исторіи еврейскаго народа были даже событія, записанныя въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, которыя дѣломъ подтверждаютъ ученіе апостола, что высшія власти поставляются Богомъ. Такъ при самомъ началѣ учрежденія царской власти въ народѣ еврейскомъ первый царь этого народа Саулъ былъ избранъ Богомъ, и Богъ же указалъ его Самуялу, а потомъ и народу, который, за исключеніемъ немногихъ, сейчасъ же призналъ его своимъ царемъ. Богъ избралъ и назначилъ своего избранника царемъ, а не предоставилъ этого дѣла самому народу, не взирая на то, что желаніе имѣть царя исходило отъ народа и что Богъ не одобрялъ этого желанія, такъ какъ въ немъ скрывалось домогательство народа освободиться отъ непосредственнаго водительства Божія, смѣнить теократическое управленіе монархическимъ, замѣнить Божіе правленіе человѣческимъ,—такимъ,

какое было у прочихъ народовъ“. И мало того, что избралъ, назначилъ и указалъ народу его перваго царя: Онъ повелѣлъ еще Самуилу помазать его на царство. И это произвело въ Саулѣ переворотъ: *Богъ далъ ему иное сердце*, а когда сошелъ на него Духъ Божій, то онъ сталъ пророчествовать. Все это рассказано въ Первой книгѣ Царствъ, въ 8-й, 9-й и 10-й главахъ. И по словамъ Самуила Богъ упрочилъ бы его царствованіе надъ Израилемъ на всегда. Но такъ какъ Саулъ же по вступленіи на престолъ не исполнилъ повелѣнія Господа, то Самуиль ему сказалъ, что теперь не устоятъ его царствованію (1 Цар. 13 гл.). Это потомъ и оправдалось: въ сраженіи на горѣ Гелвуѣ израильтяне были разбиты филистимлянами, трое сыновей Сауловыхъ были убиты, а самъ Саулъ, чтобы не попасться въ руки враговъ палъ на свой мечъ и умеръ (1 Цар. 31 гл.). Раньше еще смерти Саула Господь отступилъ отъ него (1 Цар. 18, 12), *отступилъ отъ него Духъ Господень и возмушалъ его злой духъ отъ Господа* (1 Цар. 16, 14). Раньше же смерти Саула и его сыновей Богъ указалъ Самуилу на семью Иессея, Вифлеемлена, и изъ восьми сыновей Иессея указалъ на самаго младшаго Давида, какъ на преемника Саулу, и Самуиль помазалъ его на царство, *и почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ* (1 Цар. 16 гл., 2 Цар. 12, 7). Богъ же предъизбралъ на царство изъ многихъ сыновей Давидовыхъ Соломона еще при жизни Давида (1 Паралип. 28, 5—7). Богъ отторгнулъ отъ сына и преемника Соломонова Ровоама половину царства, сѣверную, сдѣлавшуюся особымъ царствомъ—израильскимъ, и поставилъ вождемъ его Иеровоама, возвысивши его изъ среды простого народа (3 Цар. 14, 7. 8). Но такъ какъ Иеровоамъ и его потомки—преемники не жили по заповѣдямъ Божиимъ, то чрезъ пророка Ахію было предречено женѣ Иеровоама, что *возстанитъ Себѣ Господь надъ Израилемъ царя, который истребитъ домъ Иеровоамовъ* (3 Цар. 14 гл.). Дѣйствительно, въ свое время по повелѣнію Божию былъ помазанъ на царство Израильское нѣкто Іиуй и сдѣлался царемъ израильскимъ, истребивши царствовавшій домъ (3 Цар. 19, 16; 4 Цар. 9 и 10 главы). Безъ сомнѣнія, Богъ поставлялъ и низлагалъ не

однихъ только царей Израильскаго и Іудейскаго царства. Онъ низлагаетъ царей и поставяетъ царей, говоритъ пророкъ Давидъ о всякихъ вообще царяхъ (Дан. 2, 21). Пусть въ иныхъ случаяхъ избираетъ себѣ въ цари то или другое лицо народъ, какъ напр. въ смутное время русскій народъ избралъ царемъ Михаила Федоровича Романова; но народъ избираетъ и поставяетъ царемъ того, кто уже предъизбранъ и предназначенъ быть царемъ волей Божіей. Пришлось бы отвергнуть промысль Божій о людяхъ и о человѣческомъ родѣ, если бы даже въ дѣлахъ такой огромной важности, какъ избраніе царей, не было признано главенствующаго значенія за волей Божіей. Извѣстная поговорка: „гласъ народа—гласъ Божій“, не означаетъ ни того, что голосъ народа столь же и всегда безошибоченъ, истиненъ и святъ, какъ голосъ Бога, ни того, что Богъ всегда дѣлаетъ то, чего не захочетъ народъ: она означаетъ, что голосъ народа есть проявленіе воли Божіей, то внушающей народу его голосъ и одобряющей его, то попускающей его проявленіе и осуществленіе. Послѣдній случай бываетъ тогда, когда желаніе народа не согласно съ волей Божіей и не соотвѣтствуетъ благу самого народа, но осуществляется въ силу настойчивости этого желанія, которое въ свою очередь есть неизбѣжное проявленіе природнаго характера народа и того состоянія, въ какомъ онъ находится въ извѣстное время. Почему Богъ поступаетъ такъ? Во-первыхъ, потому, что Онъ не желаетъ нарушать свободы не только народа, но и cadaго человѣка; во вторыхъ, потому, что народъ бываетъ достоинъ той участи, хотя бы и печальной, которая вытекаетъ изъ его настойчиваго желанія, опредѣляемаго природой народа и состояніемъ, въ какомъ онъ находится. Примѣръ видимъ въ исторіи еврейскаго народа. Этотъ народъ заявилъ Самуилу желаніе имѣть царя, какъ у прочихъ народовъ, мотивированное тѣмъ, что сыновья Самуила судили народъ неправедно. Это желаніе не понравилось Самуилу, не угодно оно было и Богу, и Богъ чрезъ Самуила убѣждалъ народъ отказаться отъ этого желанія, представивши крупныя невыгоды и тяжести для самого народа отъ желаемаго имъ новаго образа правленія. Но народъ остался непреклоненъ. А Богъ,

предвидя это, еще раньше сказалъ Самуилу: *послушай голоса народа во всемъ, что они говорятъ тебѣ* (1 Цар. 8, 7). Почему послушай? Не потому, что и должно было послушаться народа, не потому, что онъ желалъ блага, а потому, что таковъ народъ, поневолѣ нужно согласиться съ нимъ. *Не тебя они отвергли, сказалъ Богъ Самуилу, но отвергли Меня, чтобъ Я не царствовалъ надъ ними. Какъ они поступали съ того дня, въ который Я вывелъ ихъ изъ Египта и до сего дня оставляли Меня и служили инымъ богамъ, такъ поступаютъ они и съ тобою. И такъ послушай голоса ихъ* (1 Цар 8, 7—9). Эти слова ясно показываютъ, что гласъ народа, согласный съ природой, характеромъ, духомъ и наклонностями народа, не всегда, однако, бываетъ согласенъ съ волей и голосомъ Божиимъ.

Когда историки и социологи, юристы и финансисты, философы и экономисты въ дѣлѣ устройства государства признають волю народа верховной, совсѣмъ умалчивая о первоверховной промыслительной волѣ Божіей, то удивляться этому нечего. Мы не говоримъ уже о томъ, что иные изъ нихъ и въ Бога то не вѣруютъ, а если и вѣруютъ, то мало знаютъ Библию и мало придають значенія религіи въ судьбахъ человѣчества. Помимо всего этого они поставляютъ задачей изслѣдовать, открыть и объяснить только естественные законы, причины и условія жизни и развитія народовъ и ихъ государственнаго устройства. Все это они изслѣдуютъ разсудочно на основаніи историческихъ и другихъ матеріаловъ. Но разсудочный анализъ не настолько тонокъ и слишкомъ одностороненъ, чтобы ученые люди въ естественныхъ законахъ общежитія почували и усмотрѣли соприсутствіе высшей не земной силы. Совсѣмъ иное нужно сказать о Петровѣ. Какъ богословъ, какъ священникъ, опирающійся притомъ въ своей статьѣ на евангеліе онъ долженъ знать приведенныя выше событія изъ библейской исторіи еврейскаго народа и что еще важнѣе вѣрить въ истинность повѣствованія о нихъ, а вѣруя, проповѣдывать вѣру, учить согласно съ Словомъ Божиимъ. Плохой тотъ богословъ и неистинный тотъ пастырь, кто указываетъ только тѣ реченія Священнаго Писанія, которыя по видимости подтвер-

ждають заимствованные имъ отъ инуду взгляды и замалчиваетъ тѣ мѣста, которыми послѣдніе ниспровергаются.

Назвавши, вопреки писанію, правительство ставленникомъ народа, священникъ Петровъ дальше заявляетъ: „Правительство—слуга народа“. Но Писаніе говоритъ опять таки совсѣмъ иное. По ученію апостола Павла, *начальствующій есть Божій слуга* (Римл. 13, 4. 5). Усиленно, тоекратно повторяетъ апостоль, что начальникъ есть *Божій слуга*.

Свящ. Петровъ еще изрѣкаетъ: „Правительство—только исполнитель народной воли“. Это опять не правда. Апостоль Павелъ прямо и рѣшительно заповѣдуетъ: *Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ* (Римл. 13, 1). Конечно цѣлый народъ не тоже, что каждый человекъ этого народа въ отдѣльности. Однако если всякая душа народа должна быть покорна высшей власти, то и всѣ души народа должны подчиняться ей, ибо народъ составляется изъ отдѣльныхъ душъ.

Апостоль указываетъ и основанія такого подчиненія. *Власти говоритъ онъ, установлены отъ Бога. Поэтому противящійся власти противится Божію установленію.* (Рим. 13, 1, 2). Такъ какъ далѣе противленіе волѣ Божіей есть грѣхъ, а грѣхъ влечетъ за собой наказаніе, то апостоль Павелъ при-совокупляетъ предостереженіе, какъ бы угрозу, говоря: *А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе* (Рим. 13, 2).

И такъ, по прямому ясному и безспорному ученію апостола Павла правительство—ставленникъ Божій, а не народа; оно—слуга Божій, а не народа. Апостоль не сказалъ, что правительство—только исполнитель народной воли, а, напротивъ, зановѣдалъ, чтобы всякая душа была покорна высшимъ властямъ.

Кстати, въ настоящее время со всѣхъ сторонъ раздаются соболизнованія о зависимости русской православной церкви отъ правительства. Утверждаютъ, что эта зависимость, начавшаяся съ Петра Великаго, заразила іерархію духомъ раблѣпія, отняла у нея мужество и силу и тѣмъ нанесла огромный вредъ Церкви. Признавая эту зависимость совершенно

несогласной съ духомъ евангелія и чрезвычайно вредной для церкви и христіанства, писатели свѣтскіе и духовные на перерывъ требуютъ освобожденія церкви отъ государства, полного простора дѣятельности іерархіи и самой паствы. Надѣются и даже высказываютъ увѣренность, что освобожденіе пастырей и мірянъ отъ гнета государства въ дѣлахъ церковныхъ уничтожитъ недовѣріе мірянъ къ пастырямъ, тѣхъ и другихъ возбудитъ отъ снѣжки, развяжетъ всѣмъ руки и языки, и нива церковная изъ бесплодной пустыни превратится въ тучную пажить и разцвѣтетъ чуть-ли не съ такимъ же блескомъ, какъ въ первые вѣка христіанства. Иные добавляютъ, что даже и помощь государства Церкви вредила этой послѣдней, усыпляя пастырей Церкви надеждами на внѣшнюю силу и подрывая довѣріе къ нимъ.

Предметъ этотъ очень сложный, подробное обсужденіе его слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону, а потому мы выскажемъ только свой взглядъ на него безъ обстоятельнаго изслѣдованія и подробнаго обоснованія.

Во-первыхъ, и мы признаемъ зависимость, не Церкви однако, а собственно іерархіи, отъ государственной власти въ Россіи чрезмѣрной и считаемъ желательнымъ и полезнымъ, какъ для Церкви, такъ и для государства, дарованіе большей свободы іерархіи и паствѣ въ дѣлахъ церковныхъ.

Во вторыхъ, писатели свѣтскіе и духовные въ настоящее время сильно преувеличиваютъ ущербъ нанесенный іерархіи, а чрезъ нее и церкви, чрезъ зависимость первой отъ свѣтской власти, а съ другой стороны—умалютъ или и совсѣмъ замалчиваютъ пользу, приносимую правительствомъ церкви. То и другое будетъ признано, но только не теперь: теперь по духу времени во всемъ винятъ государственную власть, и безпристрастная, трезвая и правильная оцѣнка взаимнаго отношенія между церковью и государствомъ почти не возможна.

Въ третьихъ, надежды на то, что съ освобожденіемъ церкви отъ государственныхъ гнета и опеки церковь освободится отъ базилія и недужности, разцвѣтетъ и усилится, мечтательны. Въ эпохи, подобныя переживаемой теперь, въ эпохи перехода отъ стараго строя къ новому, люди легко впадаютъ въ пре-

увеличенія въ порицаніяхъ стараго строя и въ хвалебныхъ пѣсняхъ ожидаемымъ новымъ порядкамъ. Люди становятся похожи на юношей, которымъ ихъ будущность представляется въ радужномъ свѣтѣ. Но время, суровый жизненный опытъ заставляеть ихъ потомъ разочароваться чуть не во всѣхъ своихъ надеждахъ. Опытъ жизни покажетъ, что старое было уже не такъ плохо, чѣмъ какимъ оно казалось въ эпоху смуты, разочарованія и недовольства, а съ другой стороны, и новое далеко не оправдаеть всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ.

Въ четвертыхъ, полное отдѣленіе церкви отъ государства, чего требуютъ революціонныя и вообще лѣвыя партіи, есть дѣло безразсудное, вредное для церкви не меньше, чѣмъ для государства и даже не возможное. Уже то одно, что этого раздѣла домогаются люди или равнодушные къ вѣрѣ, или прямо не вѣрующіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебные къ существующему государственному образу правленія, предвѣщаетъ огромный вредъ отъ раздѣла какъ для церкви, такъ и для государства, даже до степени полнаго разгрома ихъ. Это домогательство враговъ церкви и государства раздѣлитъ ихъ на два обособленныхъ, а если возможно, и непріязненныхъ другъ другу лагеря, какъ нельзя лучше свидѣтельствуеть о томъ, что церковь и государство въ цѣляхъ своего самосохраненія, для соблюденія своихъ пользъ и для преуспѣванія должны идти рука объ руку, быть въ тѣсномъ союзѣ, помогать другъ другу, а не быть равнодушными другъ къ другу и тѣмъ болѣе не враждовать и не бороться другъ противъ друга. Конечно, взаимное общеніе и взаимное содѣйствіе церкви и государства дѣлаеть неизбежной и ихъ взаимную зависимость, но въ этомъ нѣтъ большой бѣды: вредъ, причиняемый церкви зависимостью ея отъ государства, можетъ быть вознагражденъ съ избыткомъ пользою отъ взаимообщенія церкви съ государствомъ, пользою для обѣихъ сторонъ, и не матеріальной только.

Въ пятыхъ, нынѣ теперешніе писатели служеніе и подчиненіе церкви государству признають несогласнымъ съ евангелиемъ, съ духомъ и задачами церкви. Но неужели апостолъ Павелъ меньше ихъ былъ проникнутъ духомъ евангелія, хуже

ихъ понималъ ученіе Христа, права, обязанности и пользы церкви, меньше ихъ радѣлъ о благѣ христіанства? А между тѣмъ онъ не только дозволилъ, а прямо заповѣдалъ всякой душѣ, не исключая, можно думать, и пастырей церкви, быть покорной высшимъ властямъ.

Въ шестыхъ, когда христіанская церковь имѣла меньше гражданскихъ и всякихъ иныхъ правъ? Когда она пользовалась меньше гражданской и всякой иной свободой? Не въ первые ли вѣка своего существованія? Тогда христіане не имѣли права проповѣдывать свою вѣру и подвергались смертной опасности даже за одно исповѣданіе своей вѣры, за однимъ христіанъ. Тогда они были окружены язычниками, которые, какъ представители господствующей въ государствѣ религіи, имѣли всю власть и силу въ своихъ рукахъ и употребляли ихъ для поправанія и искорененія Христіанской религіи, считавшейся зловредной, враждебной и опасной язычеству и самому государству. Христіанъ принуждали отречься отъ Христа, а въ случаѣ несогласія мучили и убивали ихъ. Не менѣе враждебно относились къ нимъ іудеи. Да и число христіанъ было ничтожно въ сравненіи съ облежавшей и угнетавшей ихъ массой враговъ. И однако никогда христіанство не было столь могущественно и прекрасно, какъ въ первые вѣка, и побѣда осталась за нимъ. Побѣда надъ кѣмъ или чѣмъ. Надъ язычествомъ. Христіане не боролись ни съ царями, ни съ прочими властями, ни вообще съ государствомъ, не смотря на то, что они были языческіе и враждебные христіанству. Совсѣмъ напротивъ. Вотъ что отъ лица христіанъ говорить, обращаясь къ римскимъ императорамъ, Св. Іустинъ философъ: „Мы вездѣ стараемся прежде всего платить подати и повинности поставленнымъ отъ васъ чиновникамъ, ибо такова Его заповѣдь... *Отдавайте кесарево кесарю и Божіе Богу.* Поэтому хотя поклоняемся единому Богу, но въ другихъ отношеніяхъ и вамъ охотно служимъ, признавая васъ царями и правителями людей, и молясь о томъ, чтобы вы, при царской власти, были одарены и здравымъ сужденіемъ“¹⁾. Это

¹⁾ Диалогія первая, представленная въ пользу христіанъ Антонину Благочестивому § 17.

согласно съ заповѣдію апостола Павла: *прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, молечія, благодаренія за всѣхъ чловѣковъ, за царей, и за всѣхъ правительствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 1, 2). Все это нужно бы помнить, твердо помнить многимъ теперешнимъ борцамъ „за свободу“. Во имя правды, ссылаясь на высокіе идеалы евангеліскіе, одни изъ нихъ ратуютъ за освобожденіе церкви отъ власти и опеки правительства, другіе хлопчугъ о благѣ народа, разумѣя собственно просто-народье: требуютъ скорѣйшаго осуществленія всевозможныхъ мѣропріятій для уравненія его въ правахъ съ другими сословіями, для поднятія его матеріальнаго благосостоянія и т. п. Но въ этихъ благочестивыхъ по виду желаніяхъ скрыта, а то и явно выступаетъ, злоба противъ правительства, ненависть и зависть къ имущимъ классамъ, домогательство властвованія, науськиваніе низшихъ классовъ противъ высшихъ, народа противъ властей и противъ царя, животная, не разбирающая средствъ, борьба за существованіе, даже разнузданное своеволие, борьба страстей, племенная вражда, увлеченіе сумазбродными и утопическими ученіями, призывъ къ мятежу, къ кровопролитію. Начавши ученіемъ Христа, кончаютъ дѣлами діавола. Мѣсто-ли молитвѣ за царя и за всѣхъ, когда и устное и печатное слово пропитано безсовѣстной ложью, наглою клеветой, злобой и ненавистью, завистью и враждой, когда оно скрыто или явно призываетъ къ бунту, къ забастовкамъ, къ насиліямъ, къ грабежамъ, къ рѣзнямъ? Въ результатѣ вмѣсто тихаго и безмолвнаго житія еще большее обнищаніе и разореніе того самаго народа, о матеріальномъ благосостояніи котораго будто бы хлопчутъ борцы за его свободу и права; разоренные обнищали, разорители стали преступниками; одни убиты или искалечены, другіе стали убійцами; ученики бунтуютъ противъ учителей; братья проливаютъ кровь братьевъ; вдовы и сироты оплакиваютъ своихъ погибшихъ кормильцевъ и голодаютъ. Русская земля переполнилась кровью и слезами. Чего же было и ждать, когда печать систематически, злонамѣренно мучила народъ, усиливала недовольство

правительствомъ, разжигала страсти, будила классовую неприязнь, призывала къ бунту? И все это провозглашали во имя блага народа подъ предлогомъ заботъ объ униженныхъ и обездоленныхъ, подъ флагомъ челоуѣколюбія, съ цѣлію дать всѣмъ свободу, ссылались на ученіе Христа. Кто такъ говорили? Да тѣ, которые примѣняли іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства. И какія средства? Гнусныя, злодѣйскія, прямо разбойническія. Желавшіе освобожденія призывали къ насилію и производили насиліе. Радѣтели о благахъ народа разоряли этотъ самый народъ. Поклонники свободы насильно навязывали народу народовластіе, котораго онъ не желаетъ, и отвергали царя, котораго они чтутъ, какъ отца своего и какъ помазанника Божія. Призывали къ евангельскому милосердію, а сами разжигали вражду и прославляли убійцъ.

Вотъ, напр., священникъ Петровъ читаетъ назидательныя наставленія правительству изъ евангелія, а самъ переиначиваетъ слова евангелія и извращаетъ ихъ смыслъ. Мало этого, съ легкомысліемъ фельетониста, какъ балаганный клоунъ, онъ сравниваетъ русское правительство съ Голіаѳомъ, а русскій народъ съ Давидомъ, убившимъ Голіаѳа камнемъ изъ пращи. Голіаѳъ былъ индѣрецъ по отношенію къ народу еврейскому и вмѣстѣ съ филистимлянами шелъ покорить и поработить его; а русское правительство, какъ бы оно ни было ничтожно или злоредно въ глазахъ свящ. Петрова, всетаки исповѣдуетъ одну съ русскимъ народомъ православную вѣру. Голіаѳъ былъ иноплеменникъ для евреевъ; а русское правительство единоплеменно съ русскимъ народомъ, составляющимъ три четверти всего населенія Россіи, и русскій народъ съ своими царями и его цари съ своимъ народомъ создали могущественное и обширнѣйшее русское царство. Затѣмъ, неужели свящ. Петрову не извѣстно, что противъ русскаго правительства боролся и борется вовсе не русскій народъ, а только часть его, и въ этой части главари не столько русскіе, сколько евреи. Давидъ осмѣлился выступить на единоборство съ Голіаѳомъ и поразилъ его потому, что одушевленъ былъ духомъ Божиимъ, говоря Голіаѳу: *„я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа, Бога воинствъ израильскихъ* (1 Цар. 17, 45); а революціонеры

возжигающіе пламя бунта въ русскомъ народѣ противъ русскаго правительства, развѣ они дѣйствуютъ во имя Бога? Многіе-ли изъ нихъ вѣруютъ въ Бога? Во всякомъ случаѣ бунтъ, междоусобная брань не Божіе дѣло. Давидъ боролся за свое отечество, за свой народъ, за своего царя; а эти безпочвенные, антинаціональные космополиты за кого и за что они борются? Они говорятъ, что они борются за русскій народъ, за бѣднѣйшую часть русскаго народа. Но если бы они, не говоримъ любили, а хотя бы жалѣли русскій народъ, то рѣшились-ли бы они производить забастовки, разоряющія народъ? Не любятъ и не цѣнятъ они и Россію, какъ государство, а иначе они не стали бы предлагать автономіи окраинъ Россіи, приобрѣтённыхъ цѣною потоковъ русской крови, не стали бы строить планы о разчлененіи Россіи, объ образованіи изъ единой и нераздѣльной Россіи федераціи самостоятельныхъ частей. Не будетъ-ли такая федерація напоминать удѣльнаго устройства Руси съ его кровавыми междоусобицами, закончившимися порабощеніемъ Россіи монгольской ордѣ? Кто, кромѣ враговъ Россіи, или безмозглыхъ доктринеровъ, можетъ предлагать планъ разчлененія, а чрезъ то и ослабленія Россіи? Когда Давидъ съ приближенными ночью прокрался въ станъ Саула, проникъ даже въ палатку послѣдняго, то Авесса просилъ позволенія у Давида заколоть спящаго Саула, этого личнаго врага и гонителя Давидова; но Давидъ воспретилъ ему, говоря: *Не убивай его, ибо кто, поднявъ руку на помазанника Господня, останется ненаказаннымъ?... Меня да не попуститъ Господь поднять руку мою на помазанника Господня* (1 Цар. 26, 9, 10). И кого же сравниваетъ съ Давидомъ священникъ Петровъ? Тѣхъ, которые рвали, топтали русскіе національные флаги, поднимали красный флагъ—символь рѣзни и крови, поносили царя, пѣли революціонную марсельезу, издавали дикіе вопли: „крови! крови!“ били и убивали осмѣливавшихся сказать слово въ защиту царя, проявлявшихъ патриотическія чувства, любовь къ Россіи и къ русскимъ, называли ихъ презрительно черносотенцами. Царь и русское правительство—Голіаѳъ; соціалисты, анархисты, революціонеры, убійцы изъ за угла, жида и жидовствующіе враги Россіи и

русскаго народа—Давидъ. Только свящ. Петровъ и могъ сдѣлать такое сравненіе.

Точно въ насмѣшку надъ самимъ собой, или надъ здравымъ смысломъ читателей свящ. Петровъ оканчиваетъ свою статью словами Христа: „Познайте истину, и истина васъ сдѣлаетъ истинно свободными. (Слова „истинно“ въ этомъ евангельскомъ изреченіи нѣтъ; свящ. Петровъ восполняетъ слова Христа своими словами). Самъ то свящ. Петровъ держится ли истины; уважаетъ-ли и любитъ-ли истину? Онъ — дѣятельный сотрудникъ *Русскаго Слова*; а въ какой иной газетѣ печаталось больше лжи, особенно въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1905 года, какъ не въ *Русскомъ Словѣ*? Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты. Свящ. Петровъ перечислилъ съ полдюжины свободъ, но опустилъ еще одну—свободу лжи. Въ газетахъ, особенно либеральныхъ, ложь и прежде текла ручьями, а съ дарованіемъ свободы печати въ газетахъ, подобныхъ *Русскому Слову*, она полилась рѣками—мутными, грязными, зловонными, угрожая залить, затопить, задушить смрадомъ все живое и доброе. Для *Русскаго Слова* священникъ Петровъ—самый подходящий сотрудникъ, а для фельетоновъ Петрова *Русское Слово*—приличная газета. Пишетъ онъ много, пишетъ какъ будто съ увлеченіемъ; но при чтеніи его статей невольно вспоминаются слова, обращенныя къ герою лжи въ комедіи Грибоѣдова *Горе отъ ума*: „ври, да знай же мѣру“. Вѣдь этотъ герой тоже говорилъ съ увлеченіемъ, быть можетъ, самъ вѣря своей лжи. Ложь бываетъ и краснорѣчивая, и такая особенно опасна и вредна.

Истина освобождаетъ; но вѣдь Христосъ говоритъ о свободѣ нравственной, внутренней, духовной, а отнюдь не о свободѣ политической, или гражданской.

Это Онъ прямо разъяснилъ. На Его слова іудеямъ, что истина сдѣлаетъ ихъ свободными, если они познаютъ истину, они возразили: *Мы стѣмя Авраамово и не были рабами никому никогда; какъ же Ты говоришь: сдѣлаетесь свободными? Иисусъ отвѣчалъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ: всякій дѣлающій грѣхъ, есть раба грѣху* (Іоан. 8, 32—34). Истина освобождаетъ отъ рабства грѣху, а не отъ рабства политическаго.

или гражданскаго. Ни въ этомъ мѣстѣ, ни вообще когда бы то ни было ни Христосъ, ни апостолы ничего не говорили о политической, и гражданской свободѣ, о политическомъ и гражданскомъ рабствѣ. А свящ. Петровъ примѣняетъ, совершенно произвольно, слова Христа къ гражданскимъ свободамъ, которыя онъ тутъ же и перечисляетъ. О чемъ Христосъ и апостолы учили постоянно—о раскаяніи во грѣхахъ, о молитвѣ, о вѣрѣ въ Бога, о добродѣтели, о любви къ Богу и къ людямъ, о прощеніи обидъ и т. п.,—объ этомъ свящ. Петровъ ничего не говоритъ; а о чемъ они совсѣмъ не говорили, о политической и гражданской свободѣ, объ экономическомъ состояніи народа, объ отношеніи народа къ правительству и т. п.,—объ этомъ онъ пишетъ въ газетахъ, говоритъ въ собраніяхъ, ссылаясь, притомъ, на евангеліе. Скажутъ: теперь такое время; всѣ ждутъ отвѣтовъ на вопросы, выдвинутые самой жизнію, вопросы касательно государственнаго устройства и экономическаго состоянія народа. Можно ли и должно-ли молчать тѣмъ, кто имѣетъ даръ и обязанъ говорить и писать. Это справедливо. И мы ничего бы не сказали противъ того, если бы свящ. Петровъ, обладая познаніями по наукамъ государствовѣдѣнія, сталъ дѣлиться ими съ своими читателями.

Но онъ этихъ познаній не имѣетъ. Онъ разсуждаетъ какъ богословъ, онъ основывается на евангеліи, а евангельскія изреченія такъ же пристали къ его разглагольствіямъ о гражданскихъ свободахъ и народовластіи, какъ богатая и прекрасная одежда, одѣтая на лохмотвое, грязное и вонючее бѣлье. Такое смѣшеніе истины евангельской, божественной, съ политическими и экономическими ученіями, ученіями не бесспорными и пропитанными духомъ недовольства, озлобленія, борьбы и политическихъ страстей, можетъ свидѣтельствовать о чемъ угодно, но никакъ не о любви и уваженіи къ евангельской истинѣ. Свящ. Петровъ рабъ не Христа, а, повидимому, тѣхъ, которые на Крестьянскомъ Съѣздѣ въ Москвѣ называли Христа первымъ социалистомъ и которые, подъ предлогомъ попеченія о бѣдныхъ людяхъ, готовы проливать кровь, убивать изъ за угла. Онъ—рабъ модныхъ политическихъ ученій и движеній. Онъ—рабъ моды, моды освободительнаго движенія. При рабствѣ скоропреходя-

щему духу времени, въ которомъ, при томъ, есть что то болѣзненное, можетъ ли быть мѣсто той свободѣ, которая дается познаніемъ истины и святостію жизни?

Въ заключеніе скажемъ, что фельетонная статья свящ. Петрова, помѣщенная въ мелкой газетѣ, сама посебѣ не заслуживаетъ разбора. Если тѣмъ не менѣе мы сдѣлали разборъ ея, то по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, Петровъ приписываетъ къ своей фамиліи свое званіе „священникъ“, а это придаетъ его статьямъ совсѣмъ особое значеніе. Во 2-хъ, теперь какая-то мода ссылаться кстати и не кстати при обсужденіи и рѣшеніи политическихъ вопросовъ на евангеліе, такъ что статья свящ. Петрова типична для настоящаго времени.

А главное, важны, особенно въ настоящее время, самые вопросы, обсуждаемые въ нашей статьѣ, безъ отношенія къ тому, кто и какъ ихъ рѣшаетъ.

А. Бѣляевъ.

Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ, по свидѣтельству исторіи Церкви.

Въ наше время употребляется много усилій ва то, чтобы устранить различныя печальныя явленія въ современной жизни и достигнуть возможно большаго благосостоянія путемъ проведенія разнаго рода реформъ (административныхъ, экономическихъ и общественныхъ). Но думаемъ ли мы о томъ, что всякаго рода внѣшнія реформы въ нашемъ быту могутъ имѣть силу и сопровождаться благотворными послѣдствіями въ жизни прежде всего и главнымъ образомъ подъ условіемъ религіозно-нравственнаго усовершенствованія каждаго отдѣльнаго члена общества, согласно съ требованіями божественной христіанской религіи, сущность которой состоитъ въ ученіи о любви къ Богу и ближнимъ? Что это ученіе представляетъ отличительную особенность исповѣдуемой нами религіи, это каждому извѣстно. Но всякій ли старается постигнуть возвышенный, глубокой смыслъ этого ученія, сознать его возможность для жизни? И еще болѣе—всякій ли, по убѣжденію въ глубокой содержательности заповѣди Спасителя, употребляетъ активныя усилія къ тому, чтобы руководствоваться завѣщанною заповѣдью въ жизни, чтобы осуществлять её въ томъ положеніи, которое онъ занимаетъ, примѣнительно къ различнымъ условіямъ дѣйствительности, не ограничиваясь однимъ внѣшнимъ формальнымъ исповѣданіемъ христіанской вѣры? Не представляется ли для многихъ самое напоминаніе о возможности этой заповѣди Христовой наивнымъ, сентиментальнымъ? Вѣдь теперь не только въ устной рѣчи, но и въ литературныхъ художественныхъ произведеніяхъ проводятся такія сужденія,

что каждый долженъ прежде всего думать о себѣ, что „человѣкъ человѣку волкъ“, что настоящее счастье заключается въ возможно большей суммѣ наслажденій, которыми нужно пользоваться въ свободную минуту, что слѣдованіе заповѣданному Христомъ ученію обрекаетъ человѣка на неосмысленныя лишенія и страданія, осуждаетъ его на непонятныя мистико-аскетическіе подвиги, дѣлаетъ его существомъ пассивнымъ, безвольнымъ, вызывающимъ вполне заслуженное презрѣніе. Только человѣкъ, преисполненный физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, возвышающійся надъ презрѣнною толпой, руководящійся своимъ умомъ, своею волей, съумѣвшій отрѣшиться отъ всякихъ обязательствъ, предписываемыхъ закономъ и разнаго рода заповѣдями, освященными общественными традиціонными вѣковыми предразсудками—только такой „сверхчеловѣкъ“—истинный герой, заслуживающій преклоненія. (Ницше). Но точно ли руководство своимъ умомъ, своею эгоистическою волею можетъ привести человѣчество къ необходимому благоденствію, независимо отъ обязательствъ, предписываемыхъ христіанскою религіею, особенно, если общество будетъ богато сверхчеловѣками? Мы думаемъ, что безпристрастное рѣшеніе этого вопроса, рѣшеніе притомъ могущее имѣть убѣдительную силу, возможно при посредствѣ исторіи человѣчества, давно признаваемой „учительницей истины и правды“¹⁾. Свидѣтельство же исторіи должно привести насъ къ тому общему выводу, что человѣчество, даже не смотря на высокіе успѣхи въ культурѣ, въ развитіи наукъ и искусствъ, страдало особенно тогда, когда основою жизни служилъ эгоизмъ, когда заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ или была неизвѣстна, или игнорировалась и забывалась. Когда же это ученіе о любви получило силу и осуществилось въ жизни, тогда послѣдовали такого рода широкія и благотворныя переменны въ разныхъ сферахъ жизни, которыя вполне соответствовали дѣйствию лучей солнечнаго свѣта и теплоты, согревающихъ и оживляющихъ природу послѣ продолжительнаго зимняго холода, отъ котораго происходитъ оцѣпенѣніе.

¹⁾ *Historia testis temporum, lux veritatis, vitae memoria, magistra vitae, nuntia vetustatis* (Cicero).

Въ древнемъ мірѣ до пришествія Іисуса Христа, мы замѣчаемъ въ религіозно-нравственной жизни человѣчества преобладаніе трехъ ненормальныхъ типовъ. Таковы типы; *античный* классическій, выработавшійся на греко-римской почвѣ, *буддійскій*, образовавшійся въ Индіи, и типъ *фарисейскій*, сложившійся на почвѣ іудейской, вслѣдствіе извращенія. Богооткровенной религіи, данной избранному Еврейскому народу. Каждый изъ этихъ типовъ, по своимъ особенностямъ, до противоположности отличался отъ другихъ типовъ. Всѣ типы должны быть признаны одинаково односторонними, при сопоставленіи съ идеальными началами абсолютно совершенной религіи христіанской.

На почвѣ классической выработался типъ, обозначаемый иногда подъ именемъ „натуралистическаго оптимизма“, при которомъ, вслѣдствіе присущихъ античному міру интеллектуальныхъ и эстетическихъ свойствъ, вся природа представлялась въ самомъ наилучшемъ видѣ, какъ художественное воплощеніе красоты; все въ этой природѣ представлялось совершенствомъ, при чемъ *проявленіе въ ней зла ослаблялось и какъ бы игнорировалось*. Царемъ природы, однако, признавался человѣкъ, какъ самое совершенное существо. Въ идеальномъ типическомъ видѣ, при совмѣщеніи лучшихъ физическихъ и духовныхъ силъ — интеллектуальныхъ и эстетическихъ, проявляющихся въ отдѣльныхъ людяхъ въ одноѣ лицѣ, человѣкъ возводится въ героя, въ божественное существо, служащее предметомъ и почитанія и преклоненія. Въ немъ самомъ заключаются нормы целесообразной и законной дѣятельности. Такими героями, или богами, замѣнившими собою единого Бога и былъ населенъ Олимпъ. Религія грековъ и римлянъ — *религія красоты и силы*.

Въ Индіи, въ противоположность этому типу, выработался *мистико-аскетическій типъ*, подъ вліяніемъ мрачнаго, пессимистическаго взгляда на міръ, какъ лежащій *исключительно во злѣ*, побуждающаго потому къ полному отрѣшенію отъ него и погруженію въ нирвану, въ чемъ и должно заключаться истинное блаженство.

На іудейской почвѣ выработался, вслѣдствіе извращенія Богооткровенной религіи, *типъ фарисейскій*, признававшій не-

обходимымъ искать для человѣка, какъ грѣховнаго существа, оправданія путемъ точнаго, пунктуальнаго исполненія воли Единаго Бога, Праведнаго Иеговы, путемъ исполненія такого, которое легко ограничивается однимъ внѣшнимъ исповѣданіемъ вѣры, формальнымъ бездушнымъ и лицемернымъ благочестіемъ. Такого рода типическія религіозно-нравственныя возрѣнія особенно тогда, когда они развивались съ строгою логическою послѣдовательностью, должны были сопровождаться самыми печальными послѣдствіями въ томъ случаѣ, если они примѣнялись къ жизни. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдимся, если будетъ намъ позволено, хотя въ общихъ и характерныхъ чертахъ, обратить вниманіе на практическое примѣненіе указанныхъ возрѣвій, чтобы должнымъ образомъ понять и оцѣнить переломъ, произведенный въ мірѣ христіанствомъ, на основаніи возвѣщенной заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ.

Классическій міръ, вслѣдствіе оптимистическаго взгляда на природу вообще и на человѣка въ частности, не могъ придти къ сознанію силы зла, препятствующаго достиженію совершенства. Притомъ политеизмъ, даже въ высшей формѣ антропоморфизма, не могъ выработать самаго абсолютнаго идеала совершенства, лежащаго за предѣлами конечныхъ тварей. Этимъ объясняется, что вмѣсто любви всякая отдѣльная личность руководилась часто съ безпощадною суровою послѣдовательностью *эгоизмомъ*, преслѣдуя частные интересы, въ ущербъ интересамъ общества, а въ международныхъ отношеніяхъ—интересы національныя, причемъ съ безпощадною жестокостью понирались интересы международныя, что опредѣленно проявлялось въ отношеніи побѣдителей къ побѣжденнымъ. Эгоизмъ, особенно при крайнемъ потемнѣніи религіознаго чувства, при оправданіи всякихъ натуральныхъ, чувственныхъ потребностей, служилъ главной причиной безнравственности. Счастье поставлялось преимущественно въ чувственныхъ наслажденіяхъ. При нравственной распущенности, въ классическомъ мірѣ не только сохранялись соціальныя и семейныя недуги, которыми страдалъ древній Востокъ, но едва ли еще не усиливались. Къ такимъ недугамъ, въ основахъ подрывавшихъ начало любви, принадлежали—семейный деспо-

тизмъ. безправное и угнетенное положеніе женщинъ, произвольное и жестокое отношеніе къ дѣтямъ, порабощеніе рабовъ и т. д. Правда, философы стремились уничтожить такого рода печальныя ненормальности, но изъ нихъ попытки къ улучшенію строя жизни далеко не были успѣшны. Здѣсь мы не будемъ касаться такихъ ученій, какъ эпикурейское, которое, при отрицаніи идеальнаго духовнаго міра, свело счастье къ удовольствіямъ—были ли эти удовольствія духовныя, или чувственныя. Эпикуреизмъ служилъ только принципіальнымъ оправданіемъ грубаго эвдемонизма, какъ логическаго слѣдствія натуралистическаго оптимизма. Достаточно для нашей цѣли ограничиться тѣмъ, что было достигнуто болѣе совершенными философскими системами—платоновскою въ Греціи и стоической въ Римѣ. Платоновская философія отвергла вульгарный политеизмъ, признала существованіе Единаго Бога (подъ вліяніемъ замѣчаемой въ мірѣ разумной и гармонической цѣлесообразности), расширила задачу въ достиженіи совершенства человѣка указаніемъ необходимости для него возможно большаго уподобленія Божеству ¹⁾. Но она не устранила главнаго препятствія къ достиженію совершенства: не признала во всей силѣ тяжести грѣха, отдѣляющаго человѣка отъ Бога, а также необходимости очищенія отъ грѣха путемъ непрерывной дѣятельной борьбы съ нимъ человѣка, при высшей сверхъестественной помощи Божіей. Коренная ошибка платоновской этики, сопровождавшаяся роковыми пагубными послѣдствіями въ религіозно-нравственной жизни, заключалось въ положеніи, что „*знаніе есть добродѣтель*“. Смыслъ этого положенія тотъ, что знающій, въ чемъ заключается добродѣтель, поэтому уже самому будетъ добродѣтельнымъ ²⁾. Какъ будто личный опытъ недостаточно каждаго убѣждаетъ, что разумъ не можетъ быть руководителемъ въ нравственной жизни, потому что и, при сознаніи необходимости стремленія къ добру, проявляется въ че-

1) Ὁμοίωσις θεῶν κατὰ τὸ δυνατόν (Theaet. pag. 176; de republica lib. X pag. 320. ed. H. Stephani).

2) Такое положеніе впервые было высказано Сократомъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что кто знаетъ, въ чемъ польза и вредъ, тотъ стремится достигнуть первой и избѣжать второго. Xenopt Memorabilia VI, 6. 11. Οἱ εἰδότες ὡς δεῖ χρῆσθαι οὗτοι καὶ δύνανται III, 9. 5.

ловѣкъ невольная склонность ко злу (Рим. 7, 14—24), что, кромѣ знанія, необходимо еще болѣе активное усиліе воли къ совершенію добра, что даже при дѣятельномъ стремленіи къ идеальной цѣли она не всегда можетъ достигаться, при ограниченности личныхъ силъ человѣка. Не останавливаясь частнѣе на разборѣ этого ошибочнаго положенія, мы позволимъ себѣ замѣтить, что платоновская философія, при своихъ сравнительно идеальныхъ особенностяхъ, не повела къ устраненію указанныхъ недуговъ древняго міра. Въ своемъ идеальномъ государствѣ Платонъ допускаетъ своего рода аристократическую кастичность, раздѣляя общество на три класса на ремесленниковъ, воиновъ и философовъ, съ особымъ выдѣленіемъ по правамъ послѣднихъ. Платонъ подрываетъ достоинство брака, примѣняя коммунизмъ не только по отношенію къ пользованію имуществомъ, но и по отношенію къ женщинамъ. Въ идеальномъ государствѣ Платона нѣтъ мѣста для благотворительности. Нищія просто изгонялись изъ него. Жизнь человѣка имѣла еще смыслъ, поскольку онъ *приносилъ государству пользу* своимъ трудомъ; но разъ какой-нибудь бѣднякъ дѣлался къ нему неспособнымъ, жизнь его не имѣла больше цѣны. Такой человѣкъ, сдѣлавшійся вслѣдствіе болѣзни и старости неспособнымъ къ труду, даже нарушалъ гармонію общаго благополучія и радости въ идеальномъ государствѣ ¹⁾. Подобно платонизму, на римской почвѣ сдѣлана была попытка къ ослабленію нравственной распущенности, языческой кастичности и безправности со стороны стоической философіи. Эта философія несомнѣнно оказала своею моралью значительную услугу, особенно въ Римѣ со времени имперіи, развитіемъ новыхъ идей—о необходимости возвышенія надъ чувственностью и слѣдованіи въ дѣятельности нравственному долгу, о всеобщей солидарности людей, въ силу единства происхожденія, о космополитизмѣ, о благородствѣ, великодушіи въ отношеніи каждаго члена общества къ другимъ членамъ и даже объ устраниеніи національнаго международнаго антагонизма. Но стоицизмъ не проявилъ послѣдовательности въ проведеніи

¹⁾ Luthard, Die antike Ethik in ihrer geschichtl. Entwicklung als Einleitung in die Geschichte der christlichen Moral dargestellt. Leipzig 187.

въ жизнь возвышенныхъ гуманныхъ идей. Мораль стоическая не основывалась на ученіи о Богѣ, какъ личномъ совершенномъ Существовѣ. Божество стойковъ—міровая душа, оживляющая вселенную, проявляющаяся особенно въ человѣческомъ разумѣ. Разумъ—божественное начало въ человѣкѣ, повинующаяся Богу—въ сущности слѣдовать своему разуму. Повторялось при этомъ выводѣ прежнее ошибочное положеніе, что добродѣтель есть знаніе. Мораль стоицизма была лишена идеальности и вслѣдствіе отсутствія вѣры въ безсмертіе. *Праведность человека смѣшивалась съ мудростью.* Истинно счастливымъ и совершеннымъ признавался мудрецъ, который въ себѣ самомъ находитъ утѣшеніе и способности среди міровыхъ страданій. Задача мудреца состоитъ въ томъ, чтобы возвышаться надъ всякими аффектами. Мудрецъ, по словамъ Сенеки, подобно Юпитеру, на все смотритъ равнодушно и презрительно ¹⁾. Отсюда—ригоризмъ и безсердечіе къ нуждающимся и угнетеннымъ. По словамъ Сенеки, какъ суевѣріе есть болѣзненное извращеніе религіи, такъ состраданіе есть болѣзненное извращеніе милости и доброты. Состраданіе—порокъ слабого духа, который падаетъ при видѣ чужихъ страданій. Старухи сострадательны, но не мудрецъ. Самое прощеніе обидъ, полученныхъ отъ враговъ, по Сенека, можетъ проистекать не изъ любви къ ближнимъ, а изъ мотивовъ утилитарныхъ. Какъ мало стоическая мораль смягчала нравы даже передовыхъ представителей римскаго общества можно заключить изъ слѣдующаго замѣчанія. „Худо служить нищему тотъ, кто даетъ ѣсть (говорится въ драмѣ Плавта); потому что то, что онъ даетъ ему, пропадаетъ, и бѣдному онъ только удлиняетъ жизнь къ бѣдственности“. Потому Лактанцій впоследствии въ правѣ былъ сдѣлать такой отзывъ о древней философіи. „Милосердіе и человѣколюбіе—добродѣтели, которыя свойственны праведникамъ и почитателямъ Бога. О нихъ ничего не учила философія“ ²⁾.

¹⁾ Sapiens tam aequo animo omnia apud alios videt contemnitque, quam Iupiter. Seneca — Epist. 78.

²⁾ De Clementia 11, 5, 6.

³⁾ Ульоризъ, Христіанская благотворительность въ древней Церкви изд. Лопухина Спб. 1899 стр. 10

⁴⁾ Ibid. Lactantius, Institutiones VI, 10.

Но если философы до известной степени своими возвышенными идеями могли способствовать облагораживанію болѣе передовыхъ язычниковъ, составлявшихъ своего рода интеллигенцію, то языческое общество, въ своемъ громадномъ большинствѣ, продолжало слѣдовать въ жизни тому традиціонному консервативному теченію, которое было слѣдствіемъ эгоизма и чувственности. Какова была эта жизнь ко времени появленія христіанства—известно. Въ средѣ высшихъ богатыхъ классовъ проявлялась чрезмѣрная роскошь, усиливалась чрезмѣрная распущенность, въ видѣ разныхъ необузданныхъ оргій и вакханалій, а въ средѣ пролетаріевъ и рабовъ нищета и безправность доходили до крайней степени. Каково было положеніе рабовъ въ Римѣ можно заключить хотя бы изъ положенія гладіаторовъ. Кто изъ насъ въ раннихъ лѣтахъ не содрогался при представленіи о безцѣльномъ пролитіи крови на аренѣ Римскаго цирка, чтобы доставить зрителямъ особое удовольствіе? „Здѣсь, по замѣчанію св. Кипріана, человекъ убивался въ забаву человека; убійство возводилось въ искусство. Не только открыто совершалось преступленіе, но еще учили какъ его совершать“¹⁾. Къ разряду гладіаторовъ причислялись плѣнники, рабы, преступники, осужденные на смертную казнь. Ихъ особымъ образомъ воспитывали и приготавливали, сообразно ихъ назначенію, къ ужасной участи и потомъ цѣлыми толпами загоняли, какъ на бойню, въ огромный амфитеатръ, гдѣ они принуждены были сражаться одни съ другими и на смерть другъ друга убивать для потѣхи гражданскаго званія, возраста и пола. Эти кровавыя зрѣлища поглощали иногда двадцать и тридцать тысячъ человекъ въ продолженіе одного мѣсяца. Весь Римъ, весь міръ языческой стремились къ этимъ бойнямъ людей и находилъ удовольствіе въ этой рѣзвѣ. Тутъ не было мѣста никакому состраданію, даже инстинктивному. Разкаленнымъ желѣзомъ и ударами бича принуждали сражаться тѣхъ изъ этихъ несчастныхъ, которые умѣли защищаться отъ меча. При журчаньи льющейся крови, при видѣ ужасныхъ ранъ, при смертномъ хрипѣньи безчувственный на-

¹⁾ Св. Кипріана: Письмо къ Донату, стр. 11. (Творенія Кипріана изд. Кіев. дух. акад. т. I.

родъ выражалъ дикую радость. Когда падалъ израненный гладіаторъ и оказывался неспособнымъ продолжать борьбу, тысячи рукъ протягивались съ указаніемъ добить его, и если онъ просилъ пощады, то самымъ младшимъ изъ римскихъ женщинъ предоставлено было удовольствіе отказать несчастному въ его просьбѣ и онъ жестами подавали знакъ умертвить его. По рассказамъ Сенеки, народъ Римскій до того былъ невосыт-нымъ въ отношеніи къ этой страшной смертельной рѣзни, что гладіаторы, утромъ уцѣлѣвшіе отъ насти и когтей дикихъ звѣрей, должны были по-полудни снова выходить на бой, но уже безъ всякаго оружія для своей защиты, чтобы доставить безчеловѣчное удовольствіе зрителямъ большимъ количествомъ смертельныхъ ранъ и множествомъ умирающихъ ¹⁾. И всѣ эти отвратительнѣйшія мерзости смертоубійства соединялись съ утонченною разборчивостью, съ крайнимъ великолѣпіемъ и наслажденіемъ, достойнымъ всякаго презрѣвія. И пусть не думаютъ, будто бы такія безчеловѣчно-отвратительныя удовольствія были свойственны только простому плебейскому классу; на нихъ стекались знатные и образованные. Заслуживаетъ вниманія, что римская женщина по жестокости не уступала мужчинамъ: отъ историковъ древности мы узнаемъ поразительные факты жестокости и безчеловѣчія именно женщинъ. Случалось, что римская дама на время своего туалета вооружалась длинными булавками для того, чтобы за всякое упущеніе, за нерасторонность неискусныхъ своихъ рабынь погружать булавки въ ихъ тѣла. Женщины и молодыя дѣвушки, не исключая и весталокъ, занимали цѣлые ряды стульевъ ва кровавой аревѣ въ циркѣ во время боевъ гладіаторовъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за наступленіемъ и отступленіемъ бойцовъ, бурно аплодировали ловкимъ ударамъ и, напротивъ, бурно выражали свое негодованіе, когда наконецъ одинъ изъ противниковъ падалъ и подъ обнаженнымъ мечемъ побѣдителя молилъ его своимъ скорбнымъ видомъ о пощадѣ, онъ любовались нѣкоторое время этимъ видомъ предсмертнаго страданія и затѣмъ давали знакъ рукой нанести послѣдній и окончательный ударъ. Впрочемъ, не только жизнь раба, но и жизнь

¹⁾ Философскія размышленія о божественности религіи христіанской. Огюста Николи ч. 1, стр. 232.

самаго выдающагося римскаго гражданина по положенію и достоинству далеко не была гарантирована отъ несчастной роковой развязки. Кому неизвѣстно, какъ часто во времена Тиберія, Каллигулы и Нерона непредвидѣнно совершались расправы въ формѣ конфискаціи имуществъ и смертной казни? Удивительно ли, что, при такихъ условіяхъ, жизнь вообще цѣнилась мало? Случалось, что иной римлянинъ предъ грозною будущностью, или въ силу тоски—*taedium vitae*, самъ спѣшилъ покончить свою жизнь. Да, несомнѣнно міръ античный, классическій былъ міромъ безъ любви.

Въ отдаленной Индіи язычество проявилось повидимому въ самой идеальной религіозной формѣ, по противодѣйствию чувственности и безправности. Несомнѣнное историческое достоинство буддизма заключалось въ томъ, что онъ отвергъ грубый чувственный эвдемонизмъ, погоню за наслажденіями, отвергъ кастическое безправіе, возвѣстивъ идею о милосердіи и состраданіи къ нуждающимся и угнетеннымъ. Но буддизмъ отъ прежняго натуралистическаго оптимизма склонился къ мрачному и безотрадному пессимизму. Буддизмомъ сдѣланъ былъ опредѣленный выводъ о томъ, что въ мірѣ исключительно преобладаетъ одно зло, что единственный исходъ въ достиженіи блаженства состоитъ въ полномъ удаленіи отъ міра, во всецѣломъ отрѣшеніи отъ всякихъ заботъ и подвиговъ семейныхъ и общественныхъ, въ обреченіи на самоотреченіе и самозабвеніе съ отрѣшеніемъ отъ всякой личности. Идеаль буддійскаго мудреца, въ силу пантеистическаго представленія о Божествѣ, завершался стремленіемъ къ погруженію въ нирвану. Буддійская религія такимъ образомъ, въ своемъ послѣднемъ пунктѣ, является религіею смерти и отчаянія ¹⁾. Она направляетъ человѣка къ Божеству не съ тѣмъ, чтобы очиститься отъ грѣха, получить новыя живительныя силы къ подвигамъ для устроенія личнаго счастья, не съ тѣмъ, чтобы приготовить себя къ дѣятельному служенію въ пользу ближнихъ, а съ тѣмъ, чтобы прекратить самое существованіе въ этомъ мірѣ путемъ принесенія себя безцѣльно въ жертву Божеству, подобно тому, какъ нѣкогда дѣтей бро-

¹⁾ Oldenberg, Buddha, Seine Leben, f. Lehre, f. Gemeinde Berl. 1881. S. 159, 183, 191.

сали въ пасть грознаго бога Молоха, или подобно тому, какъ мифическій Хроносъ пожиралъ своихъ же дѣтей.

Начало любви, неизвѣстное языческому міру, было открыто Іудейскому народу и должно было служить однимъ изъ руководительныхъ началъ въ его жизни какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ ближнему (Второз. VI, 5 Лев. XIX, 18). Руководство такимъ началомъ могло вести ветхозавѣтныхъ праведниковъ къ совершенію высокихъ религіозно-нравственныхъ подвиговъ, которые затемняли добродѣтели лучшихъ язычниковъ. Ветхозавѣтное ученіе о любви побуждало благочестивыхъ Іудеевъ заботиться о нуждающемся, щедро давать милостыню нищимъ, совершать дѣла милосердія. Этими подвигами заявили себя особенно Іовъ, Воозъ, Товитъ и другіе. Но начало любви въ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчало препятствіе въ грѣхѣ, тяготѣвшемъ на человѣкѣ, служившемъ средостѣніемъ между Богомъ и человѣкомъ; не было еще искупительной жертвы, обновившей природу человѣческую и содѣйствовавшей введенію человѣка въ общеніе съ Богомъ. Ветхозавѣтный законъ оправдывалъ, но не спасалъ. А главное—идеальное начало любви было извращено предъ пришествіемъ Іисуса Христа въ міръ фарисействомъ, которое стало преобладавшимъ направленіемъ въ жизни іудейскаго народа. Фарисейство свело іудейскую религію къ одному формальному, хотя и точному исполненію воли Праведнаго Іеговы. Оно выдвинуло на видъ внѣшнюю сторону добродѣтели въ количественномъ проявленіи, забывая, что главное достоинство ея зависитъ прежде всего отъ внутренняго религіознаго настроенія и можетъ быть только слѣдствіемъ и выраженіемъ любви. Потому въ самомъ отношеніи къ Богу, подъ вліяніемъ фарисеевъ, у іудеевъ могъ проявляться религіозный формализмъ въ такой степени, что, при обильномъ совершеніи жертвъ во храмѣ, самый храмъ превращался въ торжище, въ базаръ житейской суеты. Фарисеи строго придерживались внесенія десятины съ мяты, аниса и тмина (Мѡ. XXIII, 23.), но не проявляли справедливости и состраданія по отношенію къ бѣднымъ. Они творили милостыни свои предъ людьми, торжественно трубили предъ собою въ синагогахъ и на улицахъ,

но при этомъ поѣдали дома вдовъ и сиротъ (Мѡ. VI, 2 Марк. 12, 40). Такъ, подѣ наружною набожною фарисеевъ скрывались лицемеріе и душевная пустота (Мѡ. 15, 4. 23, 16) Формальный законническій характеръ добродѣтели у фарисеевъ еще болѣе ограничивался національною исключительностью. въ силу которой подѣ ближнимъ разумѣлся только израильтянинъ, а всякій иноплеменникъ и ивовѣрецъ признавался врагомъ. И потому предписываемая закономъ Моисеевымъ заповѣдь о любви къ ближнимъ дополнена была со стороны фарисеевъ требованіемъ ненавидѣть врага. Формулировалось какъ бы такое положеніе: *люби ближняго и ненавидь врага*. Фарисейство разрѣшалось фанатическою ненавистью по отношенію къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ, что выразилось въ самомъ представленіи объ Обѣтованномъ Мессіи, какъ царѣ завоевателѣ, который явится для покоренія язычниковъ и возмездія имъ за вину по отношенію къ Израильтянамъ. Такъ отличительныя особенности фарисеевъ, проявлявшіяся въ *законнической фарисейской праведности и національномъ этартикуляризмѣ*, по нарушенію любви, сближали ихъ съ язычниками (Мѡ. 6, 7).

II.

Всѣ затрудненія человѣчества въ отысканіи истиннаго пути къ религіозно-нравственному совершенствѣ устранены были Иисусомъ Христомъ, какъ Божественнымъ Учителемъ и Спасителемъ міра. Онъ не только съ полною опредѣленностью возвѣстилъ ученіе о любви, но и раскрылъ его, сдѣлавъ притомъ самое широкое примѣненіе новаго начала къ жизни своимъ личнымъ примѣромъ и давъ возможность всѣмъ истиннымъ послѣдователямъ осуществлять это ученіе на дѣлѣ путемъ обновленія человѣческой природы, въ силу совершеннаго дѣла искупленія. Въ своихъ заповѣдяхъ Иисусъ Христосъ поставилъ любовь къ Богу и ближнимъ въ тѣсную связь, показавъ, что любовь въ томъ и другомъ видѣ можетъ быть плодотворною только въ неразрывномъ единствѣ. (Матѡ. 22, 37). Любовь къ Богу служитъ предметомъ первой и главной заповѣди, потому что Богъ вызываетъ самую естественную преданность

и признательность къ Себѣ какъ виновникъ бытія, какъ Источникъ всякихъ благъ. Но любовь къ Богу можетъ быть дѣйствительною, а не формальною, какой она была у фарисеевъ въ томъ случаѣ, если будетъ выражаться въ любви къ ближнимъ, которая служить предметомъ второй заповѣди. Иначе тотъ, кто говоритъ, что онъ любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть (1 Іоан. 4, 20. 21). и любовь къ ближнему можетъ служить въ пользу послѣдняго только тогда, когда она основана на любви къ Богу, оправдывается и освящается высшими религіозными мотивами. Въ послѣднемъ случаѣ любовь будетъ не слѣпымъ чувствомъ симпатіи, вытекающей изъ родственныхъ свойствъ духовной природы людей, но свойствомъ истиннымъ и справедливымъ. Любовь къ Богу должна вести къ безконечному совершенству путемъ отреченія отъ грѣха, какъ начала чуждаго Богу, путемъ подражанія Ему какъ идеальному—Первообразу совершенства и святости (Мате. 5, 48).

Преданность Богу на высшей степени должна простираться до самопожертвованія, подобнаго тому подвигу самопожертвованія, которое проявлено въ жизни самимъ Божественнымъ Учителемъ (Іоан. 15, 13). Понятіе о Богѣ, какъ Отцѣ всѣхъ и всеблагомъ Промыслителѣ, должно привести къ выводу, что подъ ближнимъ нужно разумѣть всякаго человека, созданнаго по образу и подобию Божію, и что всякому нужно оказывать милосердіе. *Будьте милосерды, какъ Отецъ вашъ небесный милосердъ есть* (Лук. 6, 36). Потому любовь къ ближнему теряетъ свои узко-національныя границы и расширяется до представленія о всякомъ человѣкѣ, какъ о ближнемъ. Это и указывается опредѣленно въ притчѣ о Самарянинѣ. (Лук. 10, 25—37). Любовь къ ближнему не должна служить только отвѣтомъ на взаимную любовь, она должна быть отвѣтомъ и на допущенное злое, враждебное дѣло, Она должна простираться и на враговъ уже въ силу того, что Богъ дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ, печется не только о добрыхъ, но и о злыхъ. (Мате. 6, 3. 4) Чувство мести во врагу и проявленія религіозной нетерпимости Господомъ строго осуждаются. Когда ученики Христовы въ порывѣ гнѣва на самарянъ,

не пожелавшихъ дать пріюта Господу, подобно Іліи, хотѣли низвести огонь съ неба на самарянскихъ жителей, Господь сказалъ: *„не знаете какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать“*. (Лук. 9, 51—56). Раскрывая ученіе о томъ, въ чемъ нужно полагать существенную сторону въ преданности къ Богу и въ оказаніи помощи ближнему въ силу любви, Господь выразительно указывалъ на возможность внутренняго сердечнаго настроенія. *„Не всякій, говорящій мнѣ: Господи! Господи, войдетъ въ царство небесное“* (Матѣ. 7, 21). Самая милостыня, подаваемая нищему, оцѣнивается не по количеству даннаго, но по сѣрдечному настроенію. Потому Господь лепту вдовы цѣнитъ выше, чѣмъ большіе дары богатыхъ (Марк. 11, 14). Извѣстно, что Іисусъ Христосъ ничего не обличалъ такъ строго, какъ фарисейское тщеславіе и лицемеріе.

Ученіе Господа Іисуса Христа, при всей своей возвышенности, не могло бы сопровождаться широкими и благотворными послѣдствіями для всего человѣчества, если бы оно не было запечатлѣно примѣромъ Его жизни. Онъ не просто былъ провозвѣстникомъ любви, или законодателемъ, но личнымъ инициаторомъ. Онъ далъ въ своей жизни *первыя совершеннѣйшія опыты любви*. Начало и конецъ земной жизни Господа выражается въ словахъ: *„Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы служили Ему, но чтобы послужить и отдать свою жизнь въ искупленіе за многихъ“*. (Матѣ. 20, 28). Во Христѣ мы видимъ полное гармоническое сочетаніе тѣхъ сторонъ, въ которыхъ можетъ проявляться любовь человѣка къ Богу и къ ближнимъ. Выдѣленіе этихъ сторонъ можетъ имѣть значеніе для опредѣленія особенностей первыхъ христіанъ, жившихъ въ Христѣ, и стремившихся воплотить въ себѣ Его образъ.

Главнымъ побужденіемъ въ жизни и дѣятельности Іисуса Христа было творить волю не свою, но волю пославшаго Его (Іоан. IX, 4). Однимъ изъ самыхъ естественныхъ выраженій преданности Христа Богу Отцу была Его непрестанная молитва. Даже вся жизнь Его была какъ бы непрерывнаго молитвою (Лук. XVIII, 1). Въ частныхъ подвигахъ Іисуса

Христа проявлялись безпредѣльное смиреніе и самообладаніе, которыя никогда не оставляли Его на тернистомъ поприщѣ земного служенія. Особенно величайшая твердость духа и покорность Правдѣ Божіей проявились во время крестныхъ страданій, закончившихся словами: „*Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой*“. (Лук. 23, 46).

Но пламенная любовь Іисуса Христа къ Богу Отцу не имѣла ничего общаго съ мистико-аскетическимъ настроеніемъ, состоящимъ въ полномъ отрѣшеніи отъ сердечности и состраданности къ людямъ ради достиженія утѣшенія въ святомъ самозабвеніи, въ погруженіи въ Божество. Напротивъ, служеніе Богу во Христѣ проходило въ жизни среди житейскихъ радостей и скорбей. Она непрерывно соединялась съ дѣятельнымъ служеніемъ человечеству. Міръ былъ дорогъ Господу, какъ твореніе Божіе, отражающее въ себѣ совершенство Творца, не смотря на присущее ему зло. Полевая лилія производила на Господа такое впечатлѣніе красоты, какого не могла бы произвести вся роскошь соломоновыхъ одеждъ. Господь цѣнилъ жизнь человѣка на землѣ, какъ можно судить по многимъ чудеснымъ подвигамъ, которые были проявлены Имъ для оказанія помощи многимъ людямъ. Спаситель былъ до такой степени чуждъ односторонняго аскетизма, что присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, раздѣлялъ трапезу съ мытарями и не смущался тѣмъ, что многіе называли Его *Ядцей* и *Пійцей* (Матѣ. 11, 19.). Господь не употреблялъ усилій къ тому, чтобы подобно стойкамъ, или буддистамъ подавить въ себѣ всякое состраданіе къ людямъ, или оказать равнодушіе къ нимъ. Онъ благословлялъ дѣтей, радовался съ радующимися, плакалъ съ плачущими. На груди Господа покоился возлюбленный Его ученикъ Іоаннъ, Никто изъ нуждающихся и страждущихъ не отходилъ отъ Господа безъ помощи и утѣшенія. Онъ всюду приносилъ отраду. Женщина грѣшница, не ожидавшая ни отъ кого защиты, услышала отъ Господа прощеніе ¹⁾. Плачущей матери Онъ возвратилъ умершаго сына, безутѣшному отцу—

¹⁾ Частище о нравственности въ лицѣ Спасителя міра трактуется въ Проповѣданно-Христіанскомъ ученіи о нравственности проф. *Янышева* изд. проф. *Гусева* Москва 1887—226—235 стр.

умершую дочь, сестрамъ—Лазаря. Во время самыхъ крестныхъ страданій Господь поручалъ свою Мать попеченію возлюбленнаго ученика. Вся земная жизнь Іисуса Христа прошла въ разнообразныхъ благодѣяніяхъ человѣчеству. Нерѣдко Спаситель съ необычайной силою и ревностью обличалъ тяжкихъ грѣшниковъ, но искренно кающихся прощалъ. Рѣчи Господа, при обличеніи фарисеевъ, гремѣли особою строгостью; но эти рѣчи вытекали не изъ вражды, а изъ любви и ревности ко спасенію. Для цѣльности впечатлѣнія о лицѣ Іисуса Христа мы позволяемъ себѣ привести сужденіе о земныхъ Его подвигахъ одного западнаго богослова. „Только во Христѣ Іисусѣ мы находимъ себѣ миръ, и въ Немъ разрѣшаются всѣ противорѣчія. Онъ есть единство повидимому непримиримыхъ противоположностей—Бога и человѣка, святости и грѣха, неба и земли. Онъ есть абсолютное примиреніе. Если бы мы измѣрили всѣ пространства, то нашли бы только Бога силы. Если бы мы измѣрили всѣ времена, то нашли бы по крайней мѣрѣ, Бога правды. Но Бога благодати мы находимъ только въ Іисусѣ Христѣ. Богъ же благодати и есть единое примиреніе противоположностей міра и нашего сердца. Въ лицѣ Іисуса Христа христіане на всѣ времена нашли свой миръ и свою радость. Вся жизнь Церкви есть исповѣданіе Его. Вся ея дѣятельность, вся ея обрядность, ея проповѣдь, ея молитвы и пѣсни, ея священныя торжества суть не что иное, какъ свидѣтельство о Христѣ, и все искусство слова и образнаго изложенія, воспринятое ею съ самого начала своего служенія, есть прославленіе Христа. И до тѣхъ поръ, пока еще на землѣ будетъ жить добродѣтель благодарности, люди не забудутъ Его; и имя Его будетъ жить въ ихъ сердцахъ и произноситься на ихъ устахъ. Тотъ, кто бы отнялъ Его у людей, вырвалъ бы основной краеугольный камень изъ благороднѣйшаго зданія человѣчества. Но христіанство сохраняетъ не только воспоминанія о прошедшемъ; оно есть отношеніе къ Живому, личное живое отношеніе. Къ Нему направляются сердца всѣхъ, предъ Нимъ преклоняются колѣна. И образъ Христа, какъ Онъ выступаетъ предъ нами въ евангеліяхъ, всегда будетъ оказывать свое таинственно-властное вліяніе на

души людей, и Его Духъ будетъ служить тою связью, которая объединяетъ ихъ съ Нимъ въ вѣрѣ и любви, и тѣмъ самымъ становится жизненнымъ союзомъ любви также и среди самихъ людей. Пока христіане живутъ на землѣ, то-есть, до конца вѣковъ они будутъ сливаться другъ съ другомъ въ братской любвеобильной хвалѣ „Слава Христу, Господу Богу нашему! ¹⁾).

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Хр. *Лютардъ*. Аполлогія христіанства. Спб. 1892 г. 205—206 с. Наполеономъ сказано было графу Монтосону: Александръ, Цезарь, Карлъ V. и Я основали великія государства; но на чемъ покоились сооруженія нашихъ гегемонъ? На силѣ. Одинъ Христосъ основалъ свое царство на любви и до сихъ поръ миллионы людей готовы умереть за Него Ibid.

Миссіонеры дѣйствовавшіе въ первые три вѣка христіанства.

Апостолы, евангелисты, пророки, учителя: обыкновенные миссіонеры).

(Окончаніе *).

IV.

„Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“ сначала сопоставляетъ апостоловъ и пророковъ (11, 3) въ томъ отношеніи, что для нихъ одинаково обязательно „постановленіе евангелія (τόδογμα τοῦ εὐαγγελίου). Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ оно соединяетъ, напротивъ, пророковъ и учителей, умалчивая объ апостолахъ. Отсюда слѣдуетъ, что пророки съ одной стороны съ апостолами, съ другой съ учителями имѣли нѣкоторые общіе признаки. Первый признакъ указывается въ словахъ: „по постановленію евангелія“ и въ нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ требованіяхъ ¹⁾. Подъ этимъ терминомъ можно разумѣть только тѣ постановленія, какія далъ Иисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ, отправляя ихъ на проповѣдь (см. Мѡ. 10, 1; Мр. 6, 7; Лк. 9, 1). Такое предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что по Мѡ. 10, гдѣ изложены заповѣди апостоламъ, рѣчь идетъ также и о пророкахъ (ст. 41), при чѣмъ въ качествѣ главной обязанности ихъ поставляется нестяжательность. *Нестяжательность* есть главное требованіе, предъявляемое къ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1906 г.

1) Ученіе, гл. 11, 4—6: „всякій, приходящій къ вамъ, апостолъ да будетъ приять какъ Господь, но онъ не долженъ оставаться долѣе одного дня; если же будетъ нужда, то и другой день; но если онъ останется три дня, то онъ лжепророкъ“.

апостоламъ и пророкамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ 3 посл. ап. Іоанна, Оригенъ и Евсевій. Ап. Іоаннъ замѣчаетъ о миссіонерахъ, что они ходили съ проповѣдью, не принимая ничего отъ язычниковъ. Они жили, слѣдовательно, подааяніями. Оригенъ пишетъ: „христіане прилагаютъ всѣ старанія, чтобы вѣру свою распространить по всей землѣ. Въ этихъ цѣляхъ нѣкоторые изъ нихъ формально ставятъ своей задачей ходить не только изъ города въ городъ, но изъ селенія въ селеніе, изъ деревни въ деревню, чтобы пріобрѣтать Господу новыхъ вѣрующихъ. И нельзя сказать, чтобы они дѣлали это ради корысти, такъ какъ часто они отказываются принимать даже самое необходимое для жизни, и если нужда заставляеть ихъ что-либо принять, то они довольствуются удовлетвореніемъ только самыхъ назойливыхъ потребностей, хотя многіе охотно желали бы предложить имъ большее. И если въ наши дни, при большомъ числѣ вѣрующихъ, нѣкоторые богатые и высокопоставленные люди и любвеобильныя и благородныя женщины устрояютъ иногда вѣстникамъ вѣры обильное угощеніе, то кто осмѣлится утверждать, что они, проповѣдники, возвѣщаютъ христіанскую вѣру изъ стремленія къ честолюбію. Въ первыя времена, когда проповѣдникамъ угрожала великая опасность, поводовъ къ такимъ соблазнамъ не было, но и теперь пренебреженіе, съ какимъ относятся къ нимъ иновѣрцы, больше той чести, какую оказываютъ имъ вѣрующіе, хотя и не всѣ (Противъ Цельса III, 9)“. Евсевій сообщаетъ (Ц. И. III, 37): „многіе изъ нихъ (учениковъ Апостоловъ) въ то время сильно увлекаемые дѣйствіемъ Божественнаго слова къ философіи, сперва исполняли спасительную заповѣдь, то есть, раздѣляли свое имущество бѣднымъ, а потомъ предпринимали путешествія и совершали *отъ* евангелистовъ, съ радостью возвѣщая Христа людямъ, вовсе еще не слыхавшимъ слова вѣры, и сообщая имъ книги Священнаго писанія. Положивъ основанія вѣры въ какихъ нибудь чуждыхъ странахъ, они поставляли тамъ пастырями другихъ съ порученіемъ воздѣлывать новое насажденіе, а сами, сопровождаемые божественною благодатью и помощію, отходили въ другія земли и къ другимъ народамъ“. Затѣмъ, въ примѣненіи къ концу второго столѣтія

Евсевій говоритъ (Ц. И. V, 10): „въ то время было много евангелистовъ слова, которые, воодушевляясь примѣромъ Апостоловъ, съ живою ревностью содѣйствовали возростанію и утвержденію Слова Божія. Однимъ изъ такихъ былъ Пантень“¹⁾. Второе требованіе, предъявляемое авторомъ „Ученія“ къ апостоламъ, безостановочная миссіонерская дѣятельность подтверждается свидѣтельствами Оригена и Евсевія²⁾.

Благодаря „Ученію двѣнадцати Апостоловъ“, мы знаемъ, что эти странствующие миссіонеры еще въ началѣ второго вѣка назывались апостолами. Оригенъ и Евсевій подтверждаютъ намъ, что они существовали въ теченіе второго вѣка,—Оригенъ еще видѣлъ таковыхъ,—но имени апостоловъ они уже не носили. Причиной этого было не только все возраставшее уваженіе къ первымъ апостоламъ, но также и теорія, окрѣпшая въ теченіе второго вѣка, что уже первые апостолы распространили христіанство по всему міру, но въ такомъ случаѣ всѣ слѣдующіе миссіонеры не были уже апостолами, такъ какъ они не первые возвѣщали евангеліе.

Какъ установилось исключительное почитаніе двѣнадцати Апостоловъ, объ этомъ мы уже говорили. Ихъ дѣятельность разсматривалась какъ восполненіе того, что проповѣдь Самого Иисуса Христа не коснулась всѣхъ народовъ. Кромѣ того, вѣра въ предстоящій въ скоромъ времени конецъ міра по необхо-

¹⁾ Слово „евангелистъ“ встрѣчается въ посланіи къ Ефес. 4, 11; Дѣян. 21, 8, 2 Тим. 4, 5 и Апостольскихъ Постановленіяхъ (гл. 19), а также у Тертуліана (о даппости прот. ерет. гл. 4 и de corona 9). Ипполитъ (de antichr. 56) называетъ Луку апостоломъ и евангелистомъ. Это показываетъ, что различіе между апостолами и евангелистами рѣдко наблюдалось въ древности (наоборотъ, апостолы часто обозначались, какъ „благовѣствовавшіе Слово Божіе“. См. Гал. 1, 8; 1 посл. Клим. 42, 1; Полик. 6, Варнав. гл. 8). Евсевій называетъ евангелистовъ подражателями апостоловъ; въ древнѣйшее время они вообще разсматривались, какъ евангелисты.

²⁾ Апостолы исполняли только одну обязанность возвѣщеніе слова Божія. Этотъ взглядъ на апостоловъ наблюдается уже въ Дѣян. (6 гл.) и удерживался все время, пока въ памяти сохранился образъ дѣйствительныхъ апостоловъ. Въ рѣчи объ Авгарѣ (Ц. И. 1, 18) Евсевій упоминаетъ, что апостолы не должны брать денегъ и, кромѣ того, присоединяетъ еще одну замѣчательную черту, отличающую апостоловъ. Когда Фаддею предложили проповѣдать слово Божіе въ небольшомъ кружкѣ людей, онъ отвѣтилъ: „теперь я не буду рассказывать, потому что я посланъ проповѣдывать во всеуслышаніе“.

димости рождала убѣжденіе, что евангеліе уже повсюду возвѣщено, такъ какъ согласно обѣтованію Христа второе пришествіе Его должно наступить послѣ этого ¹⁾. Этотъ мотивъ еще болѣе содѣйствовалъ возвышенію авторитета первоапостоловъ; посланіе апостоловъ во всѣ концы земли стало общимъ вѣрованіемъ всей церкви. Мы теперь не въ состояніи возстановить ту долю дѣйствительности, которая лежитъ въ основѣ этой вѣры въ универсальную проповѣдь апостоловъ, но несомнѣнно, что большинство рассказовъ, на которые опирается она, должно быть отнесено къ области легендъ ²⁾.

О миссіонерской дѣятельности апостоловъ, въ ея фактическомъ осуществленіи во второмъ вѣкѣ, мы ничего не знаемъ, кромѣ имени Пантена и его путешествія въ Индію. Возможно, что Папиль въ актахъ Карпа и Папила былъ миссіонеромъ, такъ какъ онъ на допросѣ заявляетъ: „въ каждой странѣ и въ каждомъ городѣ находятся мои дѣти по Богу“; вѣроятно миссіонеромъ былъ и Апостоль въ Ліонѣ (Евс. Ц. И. V, 1), но то и другое предположеніе не твердо. Быть можетъ можно

¹⁾ Первые Христіане,—христіане апостольскаго вѣка,—были увѣрены, что второе пришествіе Христа и царство славы настанетъ еще на ихъ глазахъ и эту увѣренность раздѣлялъ ап. Павелъ. Когда въ коринтскую общину закралось сомнѣніе въ будущемъ воскресеніи, ап. Павелъ утѣшалъ ее слѣдующимъ образомъ „*астъ мы не ущемъ, но всѣ измѣнимся, вдругъ въ мгновение ова при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся.*“ (1 Кор. 15, 51 52)“; ср. 1 къ Сол. 4, 15; *мы живущіе остави́мся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ..., мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ мы, остави́емся въ живыхъ“*... Мысль о близкой кончинѣ міра господствовала надъ умами всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, и ею отчасти объясняется то высокое нравственное напряженіе, въ какомъ жили христіане въ первые полтора столѣтія. Комбинація этой мысли съ обѣтованіемъ Христа о томъ, что Евангеліе распространится повсюду предъ пришествіемъ Его, очень рано создала среди христіанъ общее убѣжденіе, что это дѣло уже совершилось, что всѣ народы, всѣ страны міра услышали проповѣдь Евангелія. Уже Климентъ Римскій въ своемъ посланіи (1, 5), написанномъ около 95 года, когда численность христіанства была ничтожна, о миссіонерской дѣятельности ап. Павла заявляетъ, что „онъ научилъ весь міръ правдѣ.“ Такія же заявленія можно читать у Игнатія Богоносца (къ Еф. 3), въ книгѣ „Пастырь“ (Подоб. 8, 3, 9, 17)“ и у мн. др. (Прим. перев.).

²⁾ Замѣчательно, что по древне-христіанскимъ представленіямъ также и Ветхій Заветъ распространился по всему міру. Проповѣдь двѣнадцати Апостоловъ, такимъ образомъ, пала на почву, подготовленную этимъ закономъ (См. разсужденія Евсевія въ 1-й книгѣ Церковной Исторіи).

назвать только одно имя, имя Феклы, если только позволительно пользоваться этимъ романомъ въ историческихъ цѣляхъ. Это единственная женщина, которая приобрѣла почетный титулъ „апостола (ἡ ἀπόστολος) Но очень сомнительно, чтобы эта легенда во всей ея полнотѣ имѣла какое либо дѣйствительное основаніе, все—таки основное зерно ея, несомнѣнно, исторично. Однако если мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о дѣятельности апостоловъ даже второго столѣтія,—въ началѣ третьяго вѣка еще сохранялись послѣдніе останки его,—все же созданіе и существованіе этого героическаго института вызываетъ къ себѣ высокій интересъ. Преемники его уже не слишкомъ высоко цѣнились въ церкви“: „Ученіе Апостоловъ“ еще въ началѣ второго вѣка даетъ опредѣленныя наставленія, чтобы предупредить злоупотребленія совершенно повятныя въ этомъ званіи, а затѣмъ и прочно установившееся убѣжденіе о повсемѣстной миссіонерской дѣятельности апостоловъ не могло бы возникнуть и укрѣпиться, если бы во второмъ вѣкѣ апостолы еще продолжали удерживать за собой свое выдающееся положеніе.

V.

Пророки, хотя „Ученіе Апостоловъ“ и обязываетъ ихъ къ отреченію отъ всякаго имѣнія подобно апостоламъ, не принадлежали къ спеціально призваннымъ миссіонерамъ, но какъ учителя, они имѣли косвенное значеніе для миссіи. Ихъ харизматическое дарованіе уполномочивало ихъ къ возвѣщенію слова Божія и призывало ихъ къ нему: одушевленные рѣчи ихъ выслушивались и язычниками, и ап. Павелъ (1 Кор. 14, 24) удостовѣряетъ насъ, что пророческія рѣчи и пророческое „обнаруженіе сердца“ производили глубокое впечатлѣніе на язычниковъ. До конца второго вѣка пророки образовывали собой особый классъ въ церкви¹⁾, монтанистическое движеніе подняло древне-христіанское пророчество и положило ему конецъ. Отдѣльныя свидѣтельства о существованіи пророческаго

¹⁾ Тертуліанъ (de praes. 3) уже не знаетъ ихъ: „что если епископъ, діаконъ, вдова, дѣва, учитель и даже мученикъ отпадетъ отъ правила вѣры?“

дара получаютъ изъ третьяго вѣка ¹⁾, но для церкви эти пророки не имѣли уже никакого значенія; церковь быстро расправилась съ ними, и они осуждены были какъ ложные пророки. Какъ и апостолы, пророки впади въ опасное положеніе и легко могли извратить свое высокое призваніе. Определенія „Ученія Апостоловъ“ показываютъ, какія предупредительныя мѣры требовались уже въ началѣ второго вѣка, чтобы предохранить общины отъ ложныхъ пророковъ. Лукіанъ въ лицѣ Перегринна обрисовываетъ намъ наглядный примѣръ таковаго лжепророка; вполнѣ согласно съ „Ученіемъ Апостоловъ“ и Перегринъ то остается въ одной общинѣ, то путешествуетъ въ сопровожденіи особенно почитающихъ его христіанъ. Пророки не были привязаны къ одной общинѣ. Существовали также и пророчицы, какъ въ церкви, такъ въ особенности у гностиковъ ²⁾.

Имѣющійся въ наукѣ матеріалъ касательно древне христіанскихъ пророковъ очень обширенъ, и съ нимъ связываются еще нерѣшенные вопросы; такъ напримѣръ, вопросъ объ отношеніи христіанскихъ пророковъ къ многочисленнымъ категоріямъ языческихъ пророковъ (египетскихъ, сирійскихъ, греческихъ), извѣстныхъ намъ изъ литературы и надписей, еще никѣмъ не изслѣдованъ ³⁾. Но для нашихъ цѣлей этотъ матеріалъ ничего не даетъ.

¹⁾ См. Фирмилианъ у Кипріана, п. 75.

²⁾ Изъ колтскаго перевода актовъ Павла (переписка ап. Павла съ Коринѳянами) мы узнаемъ, что названный тамъ пророкъ былъ не мужемъ, а жепщиной.

³⁾ Пророчество еще легче чѣмъ апостольство могло обращаться въ обманъ и пустое самохвальство. Интересную характеристику такого рода пророковъ даетъ Цельсъ (Оригенъ прот. Цельса, VII, 9, 11): „есть много людей безъ званія и имени, которые съ большимъ легкомысліемъ и при ближайшемъ поводѣ, какъ внутри храмовъ, такъ и внѣ ихъ, притворяются, что какъ будто они облаты пророческимъ вдохновеніемъ; другіе въ одеждѣ нищихъ, обходя города и военные лагеря, даютъ такіа же зрѣлища. У каждаго изъ нихъ готовы слова: я Богъ, или Сынъ Божій или Духъ Святый“. „Я пришелъ, такъ какъ міръ близокъ къ погибели и васъ, людей, постигнетъ гибель за ваши беззаконія! Но я хочу спасти васъ и вы скоро увидите меня, возвращающагося съ небесной властью! Блаженъ тотъ, кто почитаетъ меня теперь! Всѣхъ прочихъ я предаю вѣчному огню, —города, земли и людей. Тѣ, которые не хотятъ теперь признать предстоющаго имъ суда, напрасно будутъ раскаиваться и вздыхать! Увѣровавшихъ же

VI.

„Ученіе Апостоловъ“ упоминаетъ объ учителяхъ въ двухъ мѣстахъ и въ обоихъ случаяхъ, какъ объ особомъ классѣ въ общинахъ. Они несли то же служеніе, что и пророки, т. е. служеніе слова, принадлежали къ числу „почитаемыхъ“ и, подобно пророкамъ, имѣли право на содержаніе отъ общины. Къ отреченію отъ имѣнія они не обязывались ¹⁾, а также и не путешествовали, но оставались навсегда въ общинѣ.

Эти положенія получаютъ свое подтвержденіе изъ тѣхъ источниковъ, гдѣ апостолы, пророки и учителя названы вмѣстѣ и изъ ряда отдѣльныхъ свидѣтельствъ показывающихъ, что учителя составляли особый классъ въ христіанствѣ и пользовались большимъ уваженіемъ не только въ теченіе первыхъ двухъ столѣтій, но и въ послѣдующее время. Уже часто встрѣчающіяся въ древней литературѣ оговорки того (или другого писателя, что онъ предлагаетъ свои разсужденія не въ силу полномочій учителя, свидѣлствуютъ о томъ, сколь великимъ авторитетомъ пользовался истинный учитель и какъ прочно признано было за нимъ право давать общеобязательныя, на всѣхъ распространяющіяся наставленія. Такъ Варнава дважды предупреждаетъ своихъ читателей: „я не какъ учитель, но какъ равный съ вами, изъясняю вамъ немногое (гл. 1)“... и: „желая написать многое, не какъ учитель (гл. 4)“ ²⁾.

Игнатій Богоносецъ заявляетъ: „не приказываю вамъ, какъ что-либо значащій... и обращаюсь къ вамъ, какъ моимъ соу-

---

въ меня и сохрани вѣчно!... Къ этимъ необычнымъ устранимъ они присоединили сгравия извращенныя и совсѣмъ безсмысленныя слова, значеніе которыхъ не можетъ представить себѣ ни одинъ разумный человѣкъ, но каждая пустая голова или любой фигляръ могъ толковать ихъ, какъ угодно... Эти ложные пророки, которыхъ я самъ много разъ слышалъ своими ушами, послѣ того какъ я уличалъ ихъ, почувствовали свою слабость и сознались, что они сами выдумываютъ эти слова.“

¹⁾ Если Оригенъ разсказывалъ о себѣ (Евс. Ц. И. VI, 3), что онъ слѣдовалъ евангельской заповѣди не брать съ собой двухъ посоховъ, то это было дѣломъ его личнаго отреченія. Немного ранѣе онъ говоритъ, что посредствомъ продажи книгъ добывалъ себѣ необходимыя средства, чтобы быть свободнымъ.

²⁾ Но съ другой стороны онъ говоритъ (гл. 9): „знаетъ это Тотъ, Кто положилъ въ насъ постоянный даръ ученія Своего“.

чителямъ“¹⁾, и еще въ третьемъ вѣкѣ Діонисій Александрійскій выражается въ письмѣ къ Василию Великому такъ: „я не какъ учитель, но такъ какъ намъ прилично со своей простое той разсуждать между собою“²⁾. Предостереженіе ап. Іакова (посл. 3, 1): „не многіе дѣлайтесь учителями“ показываетъ, какъ желательно было это положеніе въ общинѣ для большинства христіанъ, а Ермъ прямо утверждаетъ, что предстатели ихъ получали свое призваніе отъ Святого Духа³⁾. Тотъ же Ермъ упоминаетъ о наставленіяхъ нѣкоторыхъ учителей касательно покаянія, которыя затѣмъ и повторяются ангеломъ (3 ап. 4, 1). Это мѣсто даетъ видѣть, что ко времени Ерма въ Римѣ были учителя, пользовавшіеся высокимъ уваженіемъ. Болѣе пространныя извѣстія объ учителяхъ мы встрѣчаемъ въ псевдо-климентовомъ письмѣ о дѣвствѣ (1, 11): „хотятъ быть учителями и показать себя краснорѣчивыми..., не обращая вниманія на то что говоритъ (Писаніе): пусть не будетъ среди васъ, братья, много учителей, не всѣ дѣлайтесь пророками... Устрашайтесь поѣтому суда, угрожающаго учителямъ; тяжелому наказанію подпадутъ тѣ учителя, которые учатъ, но не дѣлаютъ⁴⁾ и тѣ, кто ложно принимаютъ имя Христово, говоря что они учатъ истинѣ, но (на самомъ дѣлѣ) повсюду бродятъ, превознося себя и похваляясь въ помыслахъ о своей плоти... Однако если ты получилъ и слово знанія или слово ученія и пророчества или управленія, то похваляется Богъ... поѣтому и даромъ, какой онъ принялъ отъ Бога (т. е. даромъ учительства) служи твоимъ духовнымъ братьямъ, пророкамъ, умѣющимъ отличать слова Божіи, и признавай, что ты получилъ даръ въ церковномъ собраніи на устроеніе

¹⁾ заслуживаетъ вниманія, какъ Игнатій употребляетъ терминъ „повелѣвать (διατάσσειν) объ апостолахъ (См. Трап. 3; Рим. 4); ср. Трап. 7. „повелѣнія апостоловъ (διατάγματα τῶν ἀποστόλων)“.

²⁾ Ср. Коммодіанъ Наставл. II, 22 15: „не я учитель, законъ учить“, II, 16, 1: „если конечно учителя, ожидающіе награды и боящіеся лицъ, кое-что обогачаютъ для васъ, а я не учу.“

³⁾ Учителя, учащіе свято и чисто слову Господню, какъ и приняли Святог Духа“.

⁴⁾ Ср. ученіе апостоловъ, 11, 10: „пророкъ, если онъ не дѣлаетъ того, чему учить есть лжепророкъ.“

бртвевъ твоихъ во Христѣ". Это мѣсто показываетъ, что въ общинахъ еще существовали учителя (и пророки), что они стояли ниже пророковъ и даже подчинялись ихъ контролю и (чит. всю главу), что вообще среди этого класса появились важные недостатки. Само собой понятно, что уже съ ранняго времени изъ круга свободныхъ, всей общинѣ служащихъ учителей стали выдѣляться отдѣльныя личности, одаренныя способностью глубже проникать въ „оправданія Божіи (δικαιώματα τοῦ θεοῦ) и назначавшія свои чтенія не всѣмъ христіанамъ безъ различія, но наиболѣе образованнымъ и подготовленнымъ. Точно также естественно и незамѣтно харизматическое учительство прибрѣтало себѣ свѣтскій, мірской характеръ. Можно точно указать тотъ пунктъ, съ котораго должно было начаться и дѣйствительно началось это преобразование учительскаго института. То было исторической необходимостью, чтобы и среди христіанства возникли школы, подобныя тѣмъ, какія во множествѣ устроились въ то время греческими и римскими философами Эти школы, оставаясь, такъ сказать, внѣдренными въ одну общину, легко могли развиваться въ сектанскомъ направленіи. Сюда принадлежитъ дѣятельность страстующихъ христіанскихъ анологетовъ, какъ Іустинъ Философъ ¹⁾ и Таціанъ ²⁾, основывавшихъ въ большихъ городахъ школы; сюда принадлежатъ школы, созданныя Родономъ и обоими Θεодотами въ Римѣ ³⁾; сюда же относятся предпріятія многихъ гностиковъ и преимущественно катихизическое огла-

¹⁾ Объ Іустинѣ мы узнаемъ, главнымъ образомъ, изъ актовъ. Со своими учениками онъ былъ потребованъ въ судъ Рустяку. Судья спросилъ: гдѣ вы собираетесь? Іустинъ отвѣчаетъ пространно, желая предупредить недоразумѣніе, что христіане имѣютъ особня мѣста для культа. На повторительный вопросъ: гдѣ собираются твои ученики, Іустинъ даетъ такой отвѣтъ: „я живу у банъ нѣкоего Мартина Тимошина и за все это время переселился я въ этотъ римскій городъ во второй разъ,—я не имѣлъ другого мѣста для собраний вромѣ этого“. У Іустина была школа также и въ Ефесѣ.

²⁾ О сектанской школѣ Таціана упоминаетъ Иринея (1, 28): „соблазненный именемъ учителя.. учредилъ свою особенную школу“. Таціанъ былъ ученикомъ Іустина.

³⁾ О Родонѣ см. Евс. Ц. И. V^о 13. (Родонъ вышелъ изъ школы Таціана); о Θεодотахъ, см. Евс., V. 2. Праксея, распространившаго свое ученіе въ Азіи, Римѣ и Карфагенѣ, Тертуліанъ называетъ „учителемъ“.

сительное училище въ Александріи, начальная исторія котораго, къ сожалѣнію, покрыта мракомъ ¹⁾. Но въ противодѣйствіе опасности, грозившей раздробить церковь Христа на школы и евангеліе отдать въ распоряженіе свѣтскаго образованія, остроумія и честолюбія отдѣльныхъ учителей ²⁾, укрѣплялось церковное сознаніе и слово „школы“ сдѣлалось почти насмѣшкой надъ отдѣльными церковными общинами ³⁾. Все таки учителя, — я разумѣю харизматическихъ, обладавшихъ правомъ говорить при богослуженіи, хотя они и не были клириками, — умерли въ общинахъ не сразу; они дольше сохранялись въ нихъ, чѣмъ ихъ коллеги „апостолы“ и „пророки“. Съ самого начала своей дѣятельности они не обладали тѣмъ энтузіастическимъ элементомъ, какой характеризовалъ послѣднихъ и который приготовилъ имъ скорую гибель. Кромѣ того, во всѣ времена въ церкви существовало различіе между сравнительными степенями христіанскаго познанія (*σοφία, σύνεσις, γνῶσις*) ⁴⁾. Поэтому и учителя естественно могли сохраняться въ общинахъ до тѣхъ поръ, пока должностныя церковныя лица еще не владѣли качествами, необходимыми для учителя ⁵⁾, что въ нѣкоторыхъ и даже большихъ церквахъ.

¹⁾ Евс. Ц. И. V, 10: „въ Александріи въ то время завѣдывалъ обученіемъ вѣрующихъ весьма знаменитый ученостью мужъ, по имени Пантень, состоя при училищѣ Священнаго Писанія по древнему обычаю“. Геронимъ, О знаменитыхъ мужахъ, гл. 36: „по примѣру евангелиста Марка въ Александріи всегда были учителя“.

²⁾ Ермъ восхваляетъ учителей за то, что „не уклонялись къ худымъ посланіямъ (под. IX, 25)“; объ учителяхъ, вводившихъ чуждыя ученія“. См. Под. IX, 19; VIII, 6, Вид. III, 7).

³⁾ Церковь еоодотіанъ въ Римѣ противники называли школой (Евс. V, 28). Ипполитъ церковь своего противника Каллиста въ насмѣшку называетъ школой (Philosoph. IX, 12)“, въ томъ же смыслѣ выражается и Родонъ (Евс. V, 18) о маркіановомъ *διδασκαλείον*.

⁴⁾ Ср. посланіи ап. Павла, посланіе Варнавы и пр. ученіе Апост., XI, 2: „учить въ разумѣніе правды и познанія Господа“.

⁵⁾ Въ древнее время, даже въ 3 вѣкѣ, не рѣдко встрѣчались епископы не только не получившіе образованія, но и совсѣмъ неграмотные. Такъ наз. церковныя уставы (*сoноpоs ecclēsiatіcі*) и Апостольскія постановленія предполагаютъ случаи, когда избранный въ епископы будетъ *ἀγγράμματος* т. е. не умѣющій ни читать, ни писать. О современномъ римскомъ епископѣ Зефиринѣ Ипполитъ (начало 3 вѣка) выражается такъ: „простой и безграмотный“. Папа Корнилій (половина 3 вѣка) въ письмѣ къ Фабію антиохійскому трехъ епископовъ, руко-

наступило поздно, во второй половинѣ третьяго вѣка или въ началѣ четвертаго. Къ новой строго, оформленной и опредѣляемой законами организаціи церковной жизни, они не подходили, и интересно прослѣдить, какъ они перемѣщались съ одного мѣста на другое. Тертуліанъ даетъ имъ такой порядокъ (о давн. прот. ерет. 3): „епископъ, діаконъ, вдова, дѣва, учитель, мученикъ“. Онъ, слѣдовательно, не причисляетъ учителя къ клиру, но поставляетъ его въ ряду духовныхъ героевъ и правда, указываетъ ему здѣсь (перечисленіе идетъ въ обратномъ порядкѣ) второе мѣсто (первое послѣ мученика). Въ актахъ Перпетуи и Фелицитаты, вообще въ Африкѣ и въ актахъ Сатурнина и Датива (время Діоклетіона) ¹⁾ встрѣчается титулъ, „пресвитеръ-учитель“ и на основаніи свидѣтельства Кипріана (пис. 29) можно заключить, что въ нѣкоторыхъ общинахъ учителя введены были въ пресвитерскій коллегіумъ и имъ довѣрено было испытаніе чтецовъ ²⁾. Напротивъ, въ извѣстіи Ипполита ³⁾ учителя упоминаются рядомъ съ пресвитерами, то есть, не вводятся въ пресвитерскій коллегіумъ: „пристойные пресвитеры и учителя“ и въ томъ же положеніи мы находимъ ихъ спустя средину третьяго вѣка въ александрійскихъ деревняхъ. Діонисій александрійскій, говоря о своемъ пребываніи тамъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „я созвалъ пресвитеровъ и *учителей* братьевъ живущихъ по деревнямъ (Евс. Ц. И. VII, 24)“. Такъ какъ въ этихъ деревняхъ епископовъ и не было, то ясно, что во главѣ этихъ деревенскихъ общинъ стояли учителя рядомъ съ пресвитерами.

положившихъ Новата, называетъ „людьми необразованными и простодушными“. О Дмитріи Александрійскомъ, противникѣ Оригена, коптскій календарь дѣлаетъ такую отмѣтку: „онъ былъ не ученый простолюдинъ не знавшій Священнаго Писанія (Прим. перев.)“

1) Ruinart, Acta martyrum, Ratisb. 1859, p. 418.

2) Кипріанъ говоритъ о „doctores audientium (объ учителяхъ слушающихъ)“; отношеніе, въ какое онъ поставляетъ къ нимъ чтецовъ, неясно. Въ качествѣ катехизаторовъ, учителя иногда зачислялись въ клиръ и притомъ въ пресвитерскій коллегіумъ; ср. Номі. Clem. III, 71: „почитайте пресвитеровъ-катехизаторовъ, діаконъ полезныхъ, вдовъ хорошо живущихъ.“

3) У Елиф. Наер. 42. 2.

Свѣдѣнія эти мы получаемъ изъ Египта; если ничто насъ не обманываетъ, то въ Египтѣ вообще, и спеціально въ Александріи институтъ учителей наиболѣе долго сохранялся подлѣ епископской организаціи общинъ. Въ сочиненіяхъ Оригена мы еще часто встрѣчаемся съ учителями ¹⁾; можно сказать еще болѣе; въ его время учителя составляли собой особый классъ въ церкви, параллельный классу пресвитеровъ. Онъ упоминаетъ о такихъ, которые „у насъ мудро проходятъ учительскую должность (прот. Цельс. IV, 72)“, объ „учителяхъ церкви (Ном. in Genes., t. II, p. 97)“. Онъ говоритъ (Ном. 11 in Num.; t. II, p. 278): „часто случается, что тотъ, кто отличается смиреннымъ и униженнымъ духомъ и хорошо размышляетъ, что касается до земныхъ вещей, занимаетъ выдающуюся степень священства или кафедру учителя, а тотъ, кто духовенъ и настолько свободенъ отъ всякой земной суеты, что можетъ все изслѣдовать и никѣмъ не судится, или получаетъ мѣсто въ низшемъ разрядѣ управленія или даже соприсчисляется къ множеству народовъ“ ²⁾; и въ Ном. VI, на Лев. (t. II, p. 219) значится: „потому что и въ церкви священники и учителя могутъ рождать дѣтей, какъ и тотъ, кто сказалъ (Гал. 4, 19) и опять говоритъ (1 Кор. 4, 15); итакъ, эти учителя церкви въ произведеніи подобаго рода рожденія пользуются какъ бы связанными членами и воздерживаются отъ рожденія, когда знаютъ, что плода не будетъ“. Эти мѣста, число которыхъ легко можно умножить (см. напр. Ном. 11 in Ezech. и Ном. III: различіе между учителемъ и пресвитеромъ), показываютъ, что въ Александріи въ первой трети третьяго столѣтія еще существовалъ классъ учителей, стоявшій рядомъ съ епископами, пресвитерами и діаконами. Но нѣтъ нужды въ сочиненіяхъ Оригена, чтобы убѣдиться въ этомъ: самая лич-

¹⁾ Также и въ сочиненіяхъ Климента Александрійскаго. По его словамъ (Quis div. salv., c. 41) каждый христіанинъ долженъ избирать себѣ учителя, который бодрствуетъ надъ нимъ, какъ духовный отецъ. Въ Педаг. III, 12, 97 Климентъ проводилъ различіе между педагогомъ и учителемъ.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ *spiritalis* (духовный, *ὑψωτικός, πνευματικός*) противопоставляется не только пресвитерамъ, но и учителямъ. По Клименту Алекс. пневматикъ—апостолы, пророки и учителя стоятъ выше всѣхъ прочихъ носителей земныхъ достоинствъ. Оригенъ также раздѣляетъ это воззрѣніе.

ность Оригена, вся его жизнь и судьба дают о томъ ясное свидѣтельство. Кѣмъ другимъ онъ самъ былъ, какъ не учителемъ церкви, совершавшимъ безчисленныя путешествія, чтобы запечатлѣть или поддержать истинное учение и тянувшаяся всю жизнь борьба его съ честолюбивымъ и малообразованнымъ епископомъ Димитріемъ, что иное представляла собою, какъ не борьбу свободного учителя церкви съ епископомъ отдельной общины? И что иное обозначала собою эта побѣда епископа надъ учителемъ церкви, какъ не отрицательное рѣшеніе спорнаго уже тогда вопроса о томъ, можетъ-ли мірянинъ учить за богослуженіемъ ¹⁾? Учителя въ теченіе третьяго вѣка исчезли изъ церкви (т. е. лишились права учить за богослуженіемъ); отчасти они слились съ лекторами ²⁾.

Древніе учителя были также и миссіонерами ³⁾; язычники, не христіане только, ходили въ ихъ школы и слушали ихъ. Объ Іустинѣ мы знаемъ это опредѣленно. Таціанъ составилъ свою рѣчь для того, чтобы сообщить языческой публикѣ, что онъ теперь сдѣлался христіанскимъ учителемъ; миссіонерская учительская дѣятельность преподавателей катихизической школы

1) Мнѣніе Димитрія не было тогда еще общепринятымъ въ церкви. Александръ, еп. іерусалимскій и Теокистъ, еп. кесарійскій, дозволившіе Оригену изъяснять Св. Писаніе въ своемъ присутствіи „всенародно, въ церкви“, писали Димитрію: „ты еще прибавляешь въ своемъ письмѣ, что никогда не слыхано, да и теперь не въ обычаѣ, чтобы въ присутствіи епископомъ проповѣдывали міряне, не понимаемъ, какъ можешь такъ явно говорить неправду. Святые епископы, какъ только находили людей, способныхъ принести братіямъ пользу, то и приглашали ихъ проповѣдывать народу. Такъ послушали братія въ Ларандѣ—Неонъ съ Евелиномъ, въ Иконіи Цельсъ съ Павлиномъ, въ Синадѣ—Аттикъ съ Теодоромъ; такъ вѣроятно было и въ другихъ мѣстахъ, только мы не знаемъ этого“. Только трехъ учителей могли указать защитники Оригена и притомъ изъ отдаленнѣйшихъ провинцій! Это уже показываетъ, что свободные учителя, т. е. люди, имѣвшіе право учить при богослуженіи, были явленіемъ рѣдкимъ.

2) О положеніи чтеца въ древней церкви, какъ наслѣдника харизматическихъ дарованій, см. А. Harnack'a, *Über den Ursprung des Lectorats, Texte und Untere.*, II, 5. Leipzig, 1886, ss. 57 fg. Изложеніе взгляда А. Гарнака см. въ новомъ сочиненіи пр. А. П. Лебедева: „духовенство древней вселенской церкви отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка“, Москва 1905, стр. 84—99.

3) Тертуліанъ жалуется, что еретическіе учителя избѣгаютъ миссіи среди язычниковъ, предпочитая пріобрѣтать каеолическихъ христіанъ; о давн. прот. ерет. гл. 42: „что сказать о пріемахъ ихъ проповѣди? ихъ цѣлью является не обращеніе язычниковъ, а совращеніе нашихъ“..

въ Александріи извѣстна. Оригенъ имѣлъ предъ собой языческихъ слушателей и преподавалъ имъ элементы христіанскаго вѣроученія (Евс. Ц. И., VI, 3). Извѣстно, что даже императрица мать, Юлія Маммея, приглашала его въ Антіохію, чтобы послушать его лекціи (Евс. VI, 21). Также и Ипполитъ писалъ къ ней учительское письмо, отрывки котораго сохранились на сирскомъ языкѣ ¹⁾. Когда въ Римѣ одна знатная женщина была арестована по обвиненію въ христіанствѣ, тотчасъ же захваченъ былъ и учитель ея (Іуст., Апол. II, 2). Въ вышеупомянутыхъ актахъ Сатурнина и Датива читаются слѣдующія обвиненія противъ Датива, предъявленныя Фортинаціаномъ *vir togatus*—украшенный тогой, лице знатнаго происхожденія) о совращеніи своей сестры въ христіанство: „вотъ онъ, въ отсутствіи нашего отца, когда мы здѣсь занимались своими дѣлами, уведя нашу сестру Викторію изъ знаменитѣйшаго города Кареагена вмѣстѣ съ Секундой и Роститутой, привелъ съ собой сюда изъ Абитенской колоніи; онъ никогда бы не вошелъ въ нашъ домъ, если бы какими то убѣжденіями не совратилъ души дѣвицъ“. Сюда относится также вся дѣятельность апологетовъ, слѣдствія которой мы едва-ли имѣемъ право считать ничтожными ²⁾, хотя ничего опредѣленнаго объ этомъ мы не знаемъ. Они вступали также и въ публичныя диспуты съ язычниками (Іустинъ, ап. II: циническій философъ Крескентъ, Минуцій Феликсъ, Октавій) и іудеями (Іустинъ, Разгов. съ Триф.; Тертулл. прог. іудеевъ). Въ своихъ сочиненіяхъ они усвояютъ себѣ право говорить во имя Бога и

¹⁾ Сочиненіе Ипполита „О воскресеніи и безсмертіи“, посвященное императрицѣ, издано въ *Die griechische christl. Schriftsteller, Hippolytus, 1 Band, Leipzig, 1897.* (*Прим. перев.*)

²⁾ Задача апологетовъ и учителей состояла въ томъ, чтобы постепенно изложить и доказать христіанство. О гностикѣ Апеллесѣ Родонѣ говорилъ (Евс V, 13): „называетъ себя учителемъ, а не умѣетъ доказать свое ученіе“. Кириланъ (п. 60): „да и не трудно учителю внушить истинное и законное тому, кто, осудивши еретическую неправду и узнавши церковную истину, приходятъ для того, чтобы учиться, и учиться для того, чтобы жить“. Извѣстно, какое значеніе имѣла апологетика для пропаганды іудейства; христіане овладѣли здѣсь великимъ наслѣдіемъ. Большинство христіанскихъ апологетовъ или прямо или косвенно зависимо отъ Филона и отъ апологетическихъ христоматій александрійскихъ іудеевъ.

истины; „мы научены отъ Бога“,—заявляли они о себѣ ¹⁾, хотя и не принадлежали къ харизматическимъ учителямъ въ строгомъ смыслѣ.

Школы, учреждаемыя этими учителями, со стороны публики и полиціи разсматривались, какъ философскія школы, да и сами апологеты называли себя философами ²⁾ и свое ученіе философіей ³⁾. Между прочимъ они преслѣдовали при этомъ косвенную цѣль воспользоваться тѣми преимуществами, какими владѣли философскія школы, преимущественно свободой подвижности. Но все это было кратковременно. Власть скоро увидѣла, что въ этихъ христіанскихъ школахъ не наука преобладала, а превозношеніе христіанской религіи, которая не принадлежала къ числу дозволенныхъ ⁴⁾.

VII.

„Мы умножаемся по мѣрѣ того, какъ вы пожираете насъ... Кровь христіанская становится сѣменемъ... самое наше упорство, которое вы порицаете, является учителемъ“ (Апол., гл. 50),—воскликаетъ Тертуліанъ къ президу. Самыми многочисленными и наиболѣе успѣшными миссіонерами были не упол-

1) См. Аристидъ, апол. гл. 2: „отъ Самого Бога даровано мнѣ мудро говорить о Немъ“; Діогн., гл. 1: „прошу у Бога, дающаго намъ способность и говорить и слышать, чтобы даровано было мнѣ сказать такъ“..

2) Нѣкоторые изъ нихъ носили философскую маптію.

3) „Почему же нѣтъ,—заставляетъ Густинъ говорить Трифона іудей; не о Богѣ ли всегда говорятъ философы и всѣ ихъ разсужденія не имѣютъ ли своимъ предметомъ Его едиство и промышленіе? Не есть-ли настоящая задача философій изслѣдовать природу божества“?

4) Апологеты, съ одной стороны, сознавали, что язычники *отълучше*мъ случаемъ считали христіанство за человѣческую только философію, съ другой, требовали, что разъ христіанство разсматривается, какъ философія, ему должна быть предоставлена такая же свобода. Тертуліанъ подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ въ апологіи, гл. 46 сл., дѣло шло о практическихъ результатахъ, и если невозможно было достигнуть полнаго признанія, то по крайней мѣрѣ желательна была нѣкоторая доля той свободы, какою пользовались философскія школы и философы. „Кто принуждаетъ философа приносить жертву или влаться или въ полдень вывѣшивать лампы? Никто. Напротивъ, они открыто отвергаютъ вашихъ боговъ и осмѣиваютъ въ своихъ сочиненіяхъ ваши религіозные обряды, и вы хвалите ихъ. Очень многіе также высказываются и противъ императора“. Обиліе христіанскихъ сетей укрѣпляло противниковъ въ мысли, что здѣсь вопросъ идетъ о философскихъ школахъ.

номоченные учителя, а сами христіане, поскольку они оказывались вѣрными и твердыми. Какъ мало мы слышимъ о результатахъ первыхъ и какъ много о дѣйствіяхъ послѣднихъ! Прежде всего каждый исповѣдникъ и каждый мученикъ были миссіонерами: они не только подкрѣпляли наличныхъ членовъ общинъ, но своимъ свидѣтельствомъ и смертію пріобрѣтали новыхъ. Извѣстія мученическихъ актовъ, подтверждающія это, многочисленны: было бы излишне приводить ихъ въ полномъ объемѣ. Сидѣли ли они заключенными въ темницѣ, стояли ли они предъ судьей, или когда они шли на судилище и терпѣли казни и смерть,—они пріобрѣтали новыхъ вѣрующихъ. И это дѣлали они даже послѣ смерти. О Потаміанѣ, александрійской мученицѣ временъ Септимія Севера, одинъ современный источникъ (у Евс. Ц. И. VI, 5) рассказываетъ, что она вскорѣ же послѣ своей смерти являлась языческимъ жителямъ города и этимъ побудила ихъ къ переходу въ христіанство. И здѣсь нѣтъ ничего невѣроятнаго: пытки и казни мучениковъ должны были въ широкихъ кружкахъ производить глубоко потрясающее и возбуждающее впечатлѣніе и невольно вызывали въ ихъ сознаниі вопросъ, кто здѣсь виноватъ, судья или осужденный? Поражали ихъ серьезность, мужество и стойкость христіанъ,—рѣшеніе вопроса несомнѣнно склонялось въ пользу христіанъ ¹⁾. Совершенно правильно, поэтому, положеніе, высказанное не однимъ Тертуліаномъ, что кровь мучениковъ была сѣменемъ христіанства.

Но не одни исповѣдники и мученики были миссіонерами,—въ природѣ этой религіи лежала способность каждаго твердо вѣрующаго обращать на службу проповѣдѣ. Свѣтъ христіанъ долженъ былъ свѣтитъ такъ, чтобы язычники видѣли ихъ добрыя дѣла и прославляла Отца небеснаго. Были они проникнуты своимъ дѣломъ и жили по заповѣдямъ своей религіи,—они не могли оставаться скрытыми: одно ихъ поведеніе было

---

¹⁾ Еще въ посланіи смирнской церкви о смерти Поликарпа, написанномъ въ половинѣ второго вѣка, отмѣчается тотъ фактъ, что память о немъ долго сохранялась даже среди язычниковъ. Въ біографіи Квириана, составленной современникомъ, говорится, что „жизнь столь великаго мужа не была скрыта ни отъ одного язычника“.

уже ясной и громкой миссіонерской проповѣдью. Сюда присоединялось еще убѣжденіе, что день кончины міра предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ, и что они явятся судьями язычниковъ, поддерживавшее нравственное напряженіе христіанъ. Наконецъ, исключительность христіанъ, далекая однако отъ того, чтобы сдѣлать изъ нихъ замкнутое общество, чрезъ рѣшительное „или—или“, въ какой она выражалась въ области практической жизни, становилось мощнымъ средствомъ миссіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что великое дѣло распространенія этой религіи было выполнено главнымъ образомъ не миссіонерами, имѣвшими на то особое призваніе. Іустинъ указываетъ на этотъ фактъ въ яснѣйшихъ словахъ. Впечатлѣніе нравственной жизни, полученное имъ вообще отъ христіанъ—вотъ что побудило его къ переходу въ христіанство. Насколько эта жизнь отличалась отъ языческой даже въ обычномъ обиходѣ дня, дѣлаясь какъ бы непрерывной проповѣдью, это картинно изобразилъ Тертуліанъ тамъ, гдѣ онъ закликаетъ свою жену послѣ его смерти не выходить замужъ за язычника (къ женѣ, II, 4--6). Мы имѣемъ достаточныя основанія утверждать, что женщины играли очень значительную роль въ распространеніи этой религіи. Но кто были главными носителями пропоганды въ отдѣльныхъ сословіяхъ, опредѣлить это нельзя за отсутствіемъ данныхъ. Въ специальномъ смыслѣ здѣсь можно назвать только войско. Правда, въ войскѣ были христіане, но военное дѣло и христіанская религія трудно соединимы. Въ до-константиновское время христіанство не могло сдѣлаться религіей лагера, подобно культу Митры и другимъ культамъ ¹⁾.

А. Спасскій.

---

¹⁾ Только въ отношеніи къ Африкѣ можно допустить нѣкоторыя болѣе тѣсныя связи между войскомъ и христіанствомъ.

Герои М. Горькаго и ихъ міровоззрѣніе.

(ЛИТЕРАТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

(Обобщеніе *).

III.

Григорій Орловъ—сапожникъ; живетъ онъ вмѣстѣ съ женой въ подвальномъ этажѣ стараго и грязнаго дома купца Петунникова. Два окна, выходяшія на дворъ, пропускаютъ къ нимъ въ жильѣ свѣтъ, который падаетъ въ подвалъ косыми, мутными полосами. „Жизнь билась гдѣ-то тамъ, далеко наверху, а къ Орловымъ залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные; звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью какими то безформенными и безцвѣтными хлопьями“.

Супруги Орловы. До своей женитьбы Орловъ былъ веселымъ парнемъ, занятнымъ и добрымъ, но потомъ озвѣрѣлъ, и почти каждую субботу населеніе дома купца Петунникова слышало несшіеся изъ подвала отчаянные крики истязаемой Матрены. „Они любили другъ друга, говоритъ авторъ, выясняя ихъ жизнь, но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа—волноваться—думать, горѣть,—вообще жить.. Одни за другими тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей ихъ жизнь работой, скукой и бессмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга“.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1906 г. № 8.

На основаніи данныхъ соображеній можно на первыхъ порахъ подумать, что единственной причиной озвѣренія Орлова была та соціальная среда, въ которой онъ жилъ, что не имѣй послѣдняя крупныхъ недостатковъ, Орловъ былъ бы не только порядочнымъ, но и прямо большимъ человѣкомъ. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, это совершенно неправильно. И среди другой обстановки и не въ подвальномъ этажѣ дома купца Петунникова Орловъ былъ бы Орловымъ, а не кѣмъ другимъ. Соціальная среда совсѣмъ не является единственной причиной его озвѣренія. Другой факторъ играетъ въ этомъ дѣлѣ болѣе важную роль, этотъ факторъ чисто психологическій.

Чтобы выдѣлить его, вслушаемся въ разсужденія Орлова. Сидя, за работой, онъ часто говорилъ: „вотъ такъ жизнь, вѣдьма ея бабушка! И зачѣмъ только она мнѣ далась?.. Научился я мастерству... Это вотъ зачѣмъ? Али кромѣ меня мало сапожниковъ? Ну, ладно, сапожникъ, а дальше что? Какое въ этомъ для меня удовольствіе? Сажу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера.. Ну, и что же? Жиль Григорій Орловъ, шилъ сапоги—и померъ отъ холеры. Въ чемъ же тутъ сила? И зачѣмъ это нужно, чтобы я жилъ, шилъ и померъ, а?“

Эти рѣчи Орлова вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что его томить вопросъ о смыслѣ жизни, что онъ чувствуетъ пустоту своего животнаго существованія, безсмысленнаго, душнаго, грязнаго, какъ и та обстановка, среди которой онъ ютится, что онъ тоскуетъ по разумѣ, по истинной жизни, по своей душѣ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ проще и неизменнѣе. Его томить то обстоятельство, что онъ—сапожникъ, а сапожниковъ видимо-невидимо, что онъ умретъ, и ему, Орлову, не поставятъ памятника, и къ его могилѣ не проложится народная тропа. Въ чемъ же тутъ сила, а? Ему надобно было бы быть великимъ человѣкомъ, а онъ—сапожникъ, живущій въ подвалѣ дома купца Петунникова. Развѣ это порядокъ жизни?

Я не хочу этимъ сказать, чтобы человѣкъ навсегда оставался въ томъ положеніи, въ какомъ мать его родила, и не стремился бы къ лучшему. Отчего человѣку и не желать стать

Пушкивымъ? Но для этого онъ долженъ работать и работать методически правильно, слѣдуя напримѣръ, хотя совѣту Ницше о томъ, какъ сдѣлаться великимъ романистомъ. Изменность не въ самомъ желаніи, а въ томъ что у такихъ людей, какъ Орловъ, желаніе лишь разстраиваетъ воображеніе и понижаетъ энергію воли.

Орловъ томится, и вмѣстѣ съ тѣмъ только то и дѣлаетъ, что время отъ времени улаживаетъ себя мечтами о томъ счастливомъ времени, когда вдругъ, по мановенію какой-нибудь волшебницы, сапожники становились королями, великодушными рыцарями или ужасными разбойниками, приводившими въ дикій ужасъ всю вселенную. Для Орлова чѣмъ бы ни быть, великодушнымъ-ли рыцаремъ или страшнымъ злодѣемъ, только бы быть у всѣхъ на виду, давать чувствовать другимъ свою деспотическую силу и значеніе. Но такъ какъ живетъ Орловъ не въ сказочное время, то недѣля однообразно проходила за работой, волшебницы къ нему не являлось, подвалъ въ царскія палаты не преображался, онъ продолжалъ быть сапожникомъ; попрежнему около него сидѣла таже Матрена,—и вотъ онъ, наконецъ, звѣрѣлъ, и начиналъ истязать свою супругу, желая насладиться тѣмъ, что хотя она, его законная жена, признаетъ за нимъ силу и значеніе. Но, вѣдь, она—его законная жена, привязанная къ нему, слѣдовательно, по закону, да къ тому она безропотно и безъ сопротивленія принимаетъ отъ него побои,—онъ думаетъ про это и, желая, чтобы ей было больнѣе, сильнѣе терзаетъ ее. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ чаще Орловъ прибѣгаетъ къ пробованію своихъ силъ надъ супругою. Въ его мозгу начинается мысль: „а вдругъ и Матрена освободится изъ подъ его рукъ, и онъ останется одинъ, никѣмъ не признаваемый за властелина“. „Я бы подохъ безъ тебя“, говоритъ онъ ей. Онъ вслушивается въ ея слова, всматривается въ ея взгляды,—и ожесточенно бьетъ ее.

Исправно ли работалъ недѣлю Орловъ или нѣтъ,—неизвѣстно; можетъ быть, онъ работалъ и усиленно; но несомнѣнно одно, что онъ часто шлялся по улицѣ, жадно впитывая своими перво-впечатлительными глазами проявленіе богатой жизни. Онъ смотрѣлъ въ залитыя электрическимъ свѣтомъ окна

ресторановъ, видѣлъ сквозь зеркальныя двери подвигавшуюся широкую лѣстницу, устланную мягкими коврами и уставленную тропическими растеніями, слышалъ звонъ бубенчиковъ стоявшихъ у подтѣзда троекъ, различалъ даже среди грохочущихъ по городской мостовой повозокъ ломовиковъ звуки ресорнаго экипажа,—онъ видѣлъ всю эту внѣшнюю жизнь и сознавая, что у него есть и глаза и уши и прочіе органы, какъ и у другихъ людей, да, пожалуй, даже болѣе впечатлительныя глаза и уши, долженъ былъ вымолвить себѣ: а все же, Григорій Орловъ, ничего у тебя этого нѣтъ.—„Судьба такая, Мотря, философствуетъ онъ по поводу вопроса Матрены о причинахъ его проклятушей тоски. Судьба и характеръ души... Гляди, хуже я другихъ,—хохлакъ примѣру? Однако хохоль живетъ и не тоскуетъ. Одинъ онъ, ни жены, никого... Я бы подохъ безъ тебя.. А онъ ничего! Онъ куритъ трубку и улыбается; доволенъ, дьяволь, и тѣмъ, что трубку куритъ. А я такъ не могу... я родился, видно, съ безпокойствомъ въ сердцѣ. Характеръ у меня такой.. У хохла онъ какъ палка, а у меня какъ пружина: нажмешь на него—дрожитъ... Выйду я къ примѣру на улицу, вижу то, другое, третье, а у меня ничего нѣтъ. Это мнѣ обидно. Хохлу—тому ничего не надо, а мнѣ и то обидно, что онъ, усатый чертъ, ничего не хочетъ, а я, „и не знаю даже, чего хочу... всего!“ Н-да... А сижу вотъ въ ямѣ и все работаю и ничего нѣтъ у меня“.

Вотъ кто Орловъ по своему душевному складу.

Естественно, что для такого человѣка, какъ онъ тягуче и мучительно однообразно проходятъ дни. Вѣдь, если руководиться въ жизни одними глазами и ушами, то придется выбрать что-нибудь одно изъ двухъ: или взять въ руки палку, закинуть за плечи котомку и шагать по бѣлу свѣту, или, живя на одномъ мѣстѣ, и постоянно чувствуя себя въ ямѣ, время отъ времени производить для возвышенія себя въ своихъ глазахъ тиранство надъ супругой. Другого выхода для Орлова нѣтъ.

Правда, можно увѣрять въ высшій смыслъ жизни; но возможно ли это для человѣка, у котораго высшими руководителями служатъ глазъ и ухо? Подобный человѣкъ ставить тѣ же самыя условія для своей вѣры въ высшій смыслъ жизни, ка-

кія вѣкогда предлагала толпа, стоящая у Креста Христова: сойди со креста, и мы увѣруемъ въ тебя! „Говорилъ я, передаетъ М. Чудра, съ однимъ человѣкомъ. Строгій человѣкъ изъ вашихъ русскихъ. Нужно, говоритъ онъ, жить не такъ, какъ ты самъ хочешь, а такъ, какъ сказано въ Божьемъ словѣ. Богу покарайся, и онъ дастъ тебѣ все, что попросишь у него. А самъ онъ весь въ дыркахъ, рваный. Я и сказалъ ему, чтобы онъ себѣ новую одежду попросилъ у Бога“. И довольный своимъ аргументомъ М. Чудра учитъ всюду примѣнять эту мѣрку, чтобы всегда остаться правымъ.

Первый выходъ (бродяжничество) для такихъ людей, какъ Орловъ—людей мящихъ себя выше другихъ, самый подходящій, потому что самый безобидный. Жаль только, что человѣкъ имѣетъ желудокъ, не способенъ питаться подножнымъ кормомъ и потому какъ-ни-какъ, а долженъ время отъ времени прибѣгать къ тѣмъ, кто Григоріямъ Орловымъ кажутся рабами, смердами, полагающими свою жизнь въ ковырانیи земли и изъ-за куска хлѣба надъ этими рабами продѣлывать совсѣмъ неприглядныя дѣла (см. рассказъ „Въ степи“). Если бы не это, то совсѣмъ было бы хорошо. Велика земля матушка! Можно быть вполне увѣреннымъ, что какъ быстро ни ходить, а во всю свою жизнь ее не исходишь. Интересъ къ жизни, слѣдовательно, никогда не пропадетъ; всегда встрѣтится какое-нибудь новое, невиданное зрѣлище. Есть на землѣ и горы, уходящія въ самое небо своими вершинами, гордыя величественныя горы, съ ревущими потоками, мрачными ущельями, съ ослѣпительными ледниками; есть степи необъятныя, просторныя, съ опрокинутымъ надъ ними небеснымъ куполомъ, съ уходящею далью, подернутой золотистой пылью; есть море, вѣчно вздыхающее, рокочущее, съ сердитыми бѣлыми гребнями. Все это можно видѣть, на все это можно смотрѣть, и памятуя, что есть на свѣтѣ какіе то люди, ковыряющіе землю и ничего подобнаго не видящіе, наслаждаться своимъ величіемъ.—„Смѣшные они, тѣ твои люди, говоритъ одному изъ ищущихъ порядка жизни Макарь Чудра, старшій цыганъ,—человѣкъ, по душевному настроенію близкій Орлову, только пошедшій въ жизни этимъ путемъ, такъ какъ, благо ему, и

родился цыганомъ.—Собрались въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько,—онъ швидко повелъ рукой на степь. И все работаютъ. Зачѣмъ, кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человекъ пахнетъ, и думаешь: вотъ онъ по канлѣ съ потомъ силы свои источить на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ.

— Что жъ, онъ родился за тѣмъ чтоли, чтобы поковырять землю да и умереть, не успѣвъ даже самому себѣ могилы выковырять. Вѣдома ему воля? Ширь степная понятна? Говоръ морской волны веселить ему сердце? Эге! Онъ рабъ какъ только родился и всю жизнь рабъ, да и все тутъ!—А я, вотъ смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагу, такъ въ тысячу такихъ торбъ, какъ у тебя, не положишь ¹⁾. А, ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я не былъ?... И не скажешь. Ты и не знаешь такихъ краевъ, гдѣ я бывалъ. Такъ вужно жить—иди, иди и все тутъ. Дюго не стой на одномъ мѣстѣ—чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ее... Живи и все тутъ. И похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда“. (Макаръ Чудра).

Порывается и Григорій Орловъ пойти этимъ путемъ, начать „босячить“; иногда онъ говоритъ своей Матрени такія рѣчи: „Въ босяки бы лучше уйти... Тамъ хоть голодно, да свободно—иди, куда хочешь! Шагай по всей землѣ!“ Но отъ такого рѣшительнаго шага его что то удерживаетъ. Должно быть, онъ чувствуетъ, что созерцать свое величіе въ степи, на морскомъ берегу или среди горныхъ ущелій не такъ легко, какъ дѣлать тоже самое, истязуя свою рабски преданную супругу.

¹⁾ Для цыгана, пожалуй, это не типично; вужно было бы сказать послѣднѣе. Что такое тысяча торбъ? Говори больше: „прямо весь міръ не вмѣстилъ бы, и всѣ люди, сколько ихъ ни есть на бѣломъ свѣтѣ, не прочитали бы“—да и только. Достаточно посмотришь, какъ цыганъ на ярмаркѣ расхваливаетъ свою пемудрящую лошадь. (См. рассказъ М. Горькаго „Ярмарка въ Голтѣ“), чтобы вывести заключеніе, что въ данномъ случаѣ М. Чудра очень умѣрялъ свой цыганскій пылъ.

Мощно дышетъ море—это правда; свободно гуляютъ по нему вольныя волны, это также не ложь; только это море можетъ принять Орлова въ свою пучину и остаться прежнимъ спокойнымъ, величественнымъ моремъ, и никто-никто потомъ, слушая рокотъ его волнъ, не вспомнитъ его, Григорія Орлова, погибшаго въ пучинѣ морской. Горды горы, увесшіяся своими вершинами подъ облака, презрительно посматриваютъ онѣ, окутавшись туманами, на растилающуюся низменную равнину; только онѣ, гранитныя, не чувствуютъ прикосновенія къ нимъ рукъ Григорія Орлова, не слушаютъ и голоса его; рокочутъ средь нихъ лишь водопады. Но Матрена—статья другая: какъ ее ни бей, она все смотритъ ему въ глаза, даже какъ будто нарочно сердитъ его, чтобы онъ ее побилъ, а потомъ приласкалъ. Такая Матрена, мягкая до степени воска, способная ощутить каждое движеніе своего супруга, каждый размахъ его руки—для такихъ лицъ, какъ Орловъ, сущій кладъ. Поэтому Орловъ въ босяки нейдетъ, а продолжаетъ философствовать о ямѣ жизни и колотить свою Матрену.

Но вотъ врывается къ супругамъ Орловымъ въ мрачный сырой подвалъ лучъ надежды. Имъ предвидится возможность переменъ жизни. Въ городѣ, гдѣ они живутъ, начинается холера. Они поступаютъ служителями въ баракъ. Необытная жизнь, по которому маленькому человѣку, что по звѣдному небу профану, можно только безцѣльно блуждать своимъ зрѣніемъ, благодаря этому, стягивается для Григорія Орлова въ болѣе или менѣе рельефный образъ. Цѣль жизни становится ощутительной даже и для зрѣвія, смыслъ ея воспріимчивѣе и для дряблага сердца, которое, извѣстно, не перекрестится, если громъ не грянетъ. И на первыхъ порахъ Григорій Орловъ начинаетъ дѣятельно работать, онъ перестаетъ пить водку и становится нѣжнымъ къ своей супругѣ. Онъ оживляется, но, нужно сказать, это оживленіе мимолетное, такъ какъ проявляется исключительно въ восхищеніи своей собственной особой. „Что такое холера?—говоритъ онъ своей супругѣ. Это надобно понять и сейчасъ валяй ее тѣмъ, чего она не терпитъ. Мнѣ докторъ Ващенко говоритъ: ты, говоритъ, Орловъ, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ нужный. Не робей,

говорить, и гони ее изъ ногъ въ брюхо больного, а тамъ, говоритъ, я ее кисленькимъ и прищемлю. Тутъ ей и конецъ, а человѣкъ-то ожилъ и весь вѣкъ насъ съ тобой благодарить долженъ, потому кто его у смерти отнял? Мы"! Дальше, больше; мечта разгуливается. Баракъ съ его постоянной дѣятельностью, съ его нешумными скорбями (съ молчаливымъ перенесеніемъ умершихъ въ покойницкую) и тихими радостями—радостями выздоравливающихъ, радостями докторовъ, спасающихъ отъ болѣзни, начинаетъ казаться Орлову почти той же ямой, что была и въ домѣ купца Петунникова. Ему требуется, чтобы жизнь стянулась въ конкретный образъ, такъ чтобы можно было однимъ взмахомъ руки покончить съ ней. „Горить у меня душа. Хочется ей простора... чтобы могъ я вернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! То-есть, если бы эта, наприимѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца,—сдѣлался бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты—сида и я, Гришка Орловъ, сила—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: Григорій Орловъ... освободилъ Россію отъ холеры. Больше ничего не надо“.

Но холера въ богатыря не преображалась и, къ лучшему для Орлова, потому что, несомнѣнно, завидя ее, онъ убѣждалъ бы, приговаривая: „нѣтъ, бабушка шалишь! Такими хорошими словами, какъ „могила съ крестомъ и надписью“ меня не поймашь: я есть рыба крупная“. Поэтому въ концѣ концовъ онъ снова хочетъ попробовать свою силу надъ супругой. Но та, живя въ баракѣ, успѣла освободиться отъ его вліянія, почувствовала силу, значеніе и въ себѣ. И вотъ Григорій Орловъ бросаетъ баракъ и уходитъ въ босяки. „Такъ я никакого геройства и не совершилъ, рассказываетъ онъ, уже будучи босякомъ. А и по сію пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль, или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одинаго! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣр-

ное и больше ничего! И потомъ ввязъ тармашками съ высоты и .. въ дребезги. Н—да! чертъ те возьми... скучно! И ахъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить“!

Есть люди, которые, по своему самосознанію, могли бы сдѣлать величайшій подвигъ, могли бы благодѣтельствовать все человѣчество; но, къ несчастью для нихъ, вмѣ на пути къ этому встрѣчается „неодолимое препятствіе“. По большей части они „неудачно женятся“. Ихъ супруга, тихая, любящая женщина, слѣпо смотрящая имъ въ глаза, всегда бываетъ погружена въ мелкіе хозяйственные расчеты. Прачка или кухарка, она цѣлый день не знаетъ отдыха; она прибираетъ жильѣ, возится съ ребятами, бѣгаетъ по лавочкамъ, ищетъ работы, ея голова всегда полна тысячами самыхъ мелкихъ житейскихъ нуждъ. Она знаетъ, что къ обѣду надо приготовить что-нибудь съѣстное, что больного ребенка надобно хоть напоить чаемъ, что зимой надобно протопить комнату; она знаетъ, что надобно трудиться, трудиться, трудиться. И вотъ она постоянно копошится, постоянно что-нибудь дѣлаетъ—и въ результатѣ заѣдаетъ жизнь своего супруга. Послѣдній видитъ ея неутомимую дѣятельность, видитъ ея лицо, прикованное къ домашнему очагу, и чувствуетъ, что она, его супруга, засасываетъ его, парализуетъ въ немъ всякое стремленіе къ дѣятельности, что она не только не вдохновляетъ его, а напротивъ несетъ ему одну горечь, однѣ нужды, одно животное существованіе, вѣчно заботящееся о кускѣ хлѣба. Эти люди предъявляютъ въ жизни странныя требованія. Они живутъ и ждутъ, что вдругъ притечетъ къ нимъ, избраннымъ, волна жизни, возьметъ ихъ на свой хребетъ и вознесетъ ихъ на недосыгаемую высоту, съ которой они могли бы презрительно посмотреть на копошащееся подъ ними человѣчество. На этомъ сосредоточиваются всѣ ихъ мечты, а потому неудивительно, что ихъ домашній очагъ съ его незатѣйливой обстановкой представляется имъ чѣмъ то низменнымъ, недостойнымъ ихъ.

Иногда же подобные люди рождаются въ неурочное для нихъ время. Они чувствуютъ въ себѣ что-то великое, могучее и сильное. Они, правда, не знаютъ, что такое носятъ въ себѣ, но знаютъ очень хорошо, что это сила, начала и конца ко-

торой они въ себѣ не ощущаютъ. Между тѣмъ окружающая ихъ жизнь какъ будто нарочно сговорилась не признавать ничего великаго и мощнаго. Она насквозь пронизана самыми мелкими интересами. У всѣхъ однѣ ничтожныя мысли, низменныя чувства; даже зло, которое какъ будто всегда въ человѣческомъ мѣрѣ выступаетъ явственно, въ это время жметъ и принижается, у людей не страсти, а какія то страстишки, слабая болѣзненная нервозность, способная даже у самаго черта вызвать одно омерзене. (См. разказъ М. Горькаго „Еще о чертѣ“). Но если на черта такая жизнь навѣваетъ томительную скуку, то, понятно, эти люди питаютъ къ ней одно „великое отвращене“. Ихъ взоры устремляются въ „надъ—дѣйствительную сверхчеловѣческую область“; они ищутъ идеала, который уничтожилъ бы, испепелилъ низменную дѣйствительность или по крайвей мѣрѣ привелъ бы мелкихъ людишекъ, копошащихся въ своихъ жилищахъ, точно въ грязныхъ ямахъ, въ ужасное смятеніе. Они рвутся къ „чистой мысли, чистой красотѣ, чистой силѣ“, словомъ ко всему, что „чисто“ потому только, что гнушаются взглянуть на дѣйствительность“. Но порываясь къ чистой надмірной или сверхчеловѣческой области, эти люди чувствуютъ, что дѣйствительность опутываетъ и ихъ; она туманитъ ихъ взоръ, не даетъ имъ видѣть то, чего они пламенно жаждутъ, тѣ „великія чистыя небеса, что раскинулись во всю свою необъятную ширь и съ презрѣніемъ смотрятъ на землю“. И вотъ они чувствуютъ себя въ положеніи Прометей, прикованнаго къ скалѣ. Сила волнуетъ ихъ душу, а дѣйствительная жизнь, какъ коршунъ, понемногу клюетъ ихъ пылающее сердце.—Что же такое они представляютъ изъ себя въ дѣйствительности?—Прометей, и прикованный къ скалѣ, осмѣливается позабыть о своихъ мученіяхъ и рассуждать съ полнымъ сознаніемъ, рассуждать не только о томъ, что происходитъ въ немъ, въ его костяхъ и тѣлѣ, но и о томъ, что проносится внѣ его. Онъ осмѣливается вызвать на разговоръ самого тучегонителя Зевса, рѣшается, поборовши въ себѣ боль, взглянуть въ окружающую тьму, помня, что есть истина. Данные же люди этого сдѣлать не въ состояніи. Раны ихъ тѣла слишкомъ тревожатъ ихъ сознаніе; ихъ разумъ му-

титса; сфера объективнаго для нихъ пропадаетъ; они видятъ только себя, только свое сердце, обливающееся кровью подъ размѣренными и вѣрными укусами дѣйствительной жизни. Весь міръ, вся его жизнь куда то скрывается, предъ ихъ умственнымъ взоромъ вырисовывается одинъ образъ — они сами, страдающіе отъ того, что дѣйствительная жизнь, какъ мутный потокъ, не отражаетъ ихъ силы и величія. Боль — томительная, тягучая, мучительная, цѣпи, невидимыя, неуловимыя, но крѣпкія и властныя, — вотъ что единственно занимаетъ ихъ сознаніе. Разсудокъ смолкаетъ, и вмѣсто него возвышается голосъ одинъ „инстинктъ самосохраненія“. Всѣ ихъ заботы и усилія направляются на то, чтобы сберечь свое животное благодушіе. Какъ искусно они ни прячутъ скрывающееся въ нихъ трусливое животное, требующее отъ жизни только хлѣба и зрѣлищъ, одно уже то, что они слишкомъ много занимаются своей собственной страдальческой личностью, слишкомъ часто тѣшатъ себя противопоставленіемъ себѣ жизни, обнаруживаетъ, что въ дѣйствительности это — не Прометей, не созидатели жизни, а ея разлагатели, паразиты.

Несомнѣнно, и дѣйствительный, истинный геній возвышается надъ современной ему жизнью, и онъ не находитъ себѣ удовлетворенія въ окружающей его толпѣ, и прикипаетъ своимъ духовнымъ слухомъ къ „надъ—мірной области“, гдѣ рѣютъ „чистые звуки“; но истинный геній въ то же самое время любитъ глубоко и сильно дѣйствительность; онъ ловитъ небесную гармонию затѣмъ, чтобы внести ее въ дѣйствительный, земной міръ. Онъ бичуетъ толпу и нерѣдко бичуетъ очень жестоко, но потому, что видитъ въ ней глаза, способные созерцать свѣтъ, и уши, назначенныя для слушанія словъ истины. Онъ весь растворенъ въ любви; онъ самъ не является предметомъ своихъ заботъ и усилій. Напротивъ, по своему самосознанію онъ служитъ орудіемъ, арфой, способной издавать звуки подъ воздѣйствіемъ высшей надъ—мірной дѣйствительности.

Пока не требуетъ поэта

Къ священной жертвѣ Апполовъ,

Въ заботахъ суетнаго свѣта

Онъ малодушно погруженъ.

Молчить его святая лира,
 Душа вѣшаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣгей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.
 Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта вострепнется,
 Какъ пробудившійся орелъ

Но эти люди не ждутъ вдохновеннаго призыва любви; они пытаются стать орлами, думая, что для этого вполне достаточно имѣть орлиныя стальные когти и клювъ. Большаго они и не ищутъ. Ихъ вдохновляетъ не любовь, а „великое презрѣніе“; они заботятся не о томъ, чтобы внести въ міръ свѣтъ и истину, а исключительно о томъ, чтобы обезопасить отъ ударовъ жизни свое животное состояніе.—Какъ же это сдѣлать? Надобно бросить прометейяду и дать высказаться животному, которое ни къ чему не порывается, и знаетъ только голодъ и жажду. Для воспринятія этого голоса разсужденія мнимо великихъ людей создали надлежащую обстановку. Вѣдь, дѣйствительная жизнь не признаетъ ничего великаго и сильнаго, въ ней не видно осуществленія ни истины, ни добра.

Да и есть ли они, эти истина и добро?—возникаетъ вопросъ въ сознаніи человѣка. Что такое истина и добро, что такое вообще идеаль?

Человѣкъ пробуетъ рѣшить этотъ вопросъ. И вы думаете, онъ рѣшаетъ его, вглядываясь зорко въ психическое состояніе дѣйствительно идеальныхъ лицъ: Сократа, Платона, Спинозы, Песталоцци, не упоминаю уже о другихъ высшихъ типахъ идеальныхъ людей? Нѣтъ, онъ рѣшаетъ его, вглядываясь въ образы „минимыхъ Прометеевъ“. А такъ какъ послѣдніе въ дѣйствительности, какъ я показалъ, только и думаютъ, что о своемъ животномъ благодушіи,—что теперь не укрывается и отъ его сознанія,—то естественно рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что всякій идеаль есть лишь надстройка, покоящаяся на чисто эгоистическомъ основаніи.

Если бы человѣкъ, рѣшая подобнымъ образомъ вопросъ объ идеаль, хотя на минуту оставилъ стремительный бѣгъ своихъ

мыслей и, замѣтивъ теперь эгонистичность своихъ Прометеевъ, спросилъ себя: „да, дѣйствительно ли это Прометей?“ онъ тотчасъ бы созналъ свою ошибку, онъ призналъ бы, что вопросъ объ идеалѣ вовсе не рѣшается такъ просто. Но мысль подобныхъ мыслителей бѣжить, не сдерживаемая правилами логики, она громоздитъ одно положеніе за другимъ, какъ будто вся ея цѣль только въ томъ, чтобы создать хаосъ. Рѣшить вопросъ— для нея значитъ сказать эффектный афоризмъ, безъ всякаго сознанія того, что такое представляетъ изъ себя этотъ афоризмъ въ ряду другихъ афоризмовъ. Благо то, что мысль съ лету и гармонично вторитъ скрывающемуся въ насъ животному. Все—ложь. Нѣтъ и истины, возвышающейся надъ нами, нѣтъ и призывающаго насъ къ себѣ добра. Нѣтъ высоты, стало быть, и летѣтъ некуда, значитъ, мы и такъ высоки. Нѣтъ высшей насъ истины; значитъ истина есть мы. Правда, строгая логика не одобритъ такого заключенія. Но не нужно забывать, что „мудрость жизни, какъ нерѣдко замѣчаетъ М. Горькій, несравненно глубже всякой ученой философіи“

Такъ, въ результатѣ ложное самоиспытаніе и ложное величіе вскрываютъ себя, обнаруживая свою истинную природу, сотканную „изъ лжи, нахальства и безстыдства“.

IV.

„Я человекъ, которому въ жизни тѣсно,—такъ характеризуетъ себя Проходимецъ (Промтовъ). Жизнь узка, а я широкъ... Можетъ быть, это не вѣрно. Но на свѣтѣ есть особый сортъ людей, родившихся, должно быть, отъ Вѣчнаго Жида. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри ихъ живетъ тревожный зудъ желанія чего-то новаго... мелкіе изъ нихъ не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу, и отъ этого всегда неудовлетворены и несчастны, крупныхъ ничто не удовлетворяетъ—ни деньги, ни женщины, ни почетъ. Такихъ людей въ жизни не любятъ—они дерзновенны и неуживчивы. Вѣдь, большинство людей пяточки, ходовая монета... и вся разница между ними въ годахъ чеканки. Этотъ стертъ, этотъ пововѣе, но цѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ и во-

всемъ они тошнотворно схожи другъ съ другомъ. А я вотъ не пятачекъ... хотя, можетъ быть, я семшникъ... Вотъ и все". (Проходимецъ).

Кто этотъ человѣкъ, повидимому, должно быть понятно слушателю. Правда, вначалѣ такія изреченія, какъ „родившіеся отъ Вѣчнаго Жиды“, „тревожный зудъ желанія чего-то новаго“, могутъ невольно заставить слушателя настроиться на почти-тельный ладъ, его воображеніе подъ вліяніемъ ихъ можетъ начинать себѣ разрисовывать этого проходимца на манеръ Прометея или по крайней мѣрѣ Фауста. Но перечисленіе предметовъ, неспособныхъ удовлетворить „крупныхъ людей“, несомнѣнно, должно внимательнаго слушателя навести на мысль, что предъ нимъ—не Прометей, не Фаустъ, а Шакро, вся природа котораго состоитъ изъ однихъ воспринимающихъ нервовъ, на подобіе щупальцевъ спрута.

Между тѣмъ слушатель ослѣпленъ, онъ не угадываетъ, кто предъ нимъ, и сгораетъ отъ любопытства узнать, кто онъ? Будемъ и мы вмѣстѣ съ нимъ до времени наивны, чтобы поразсмотреть, какъ будетъ этотъ проходимецъ философствовать, въ цѣляхъ оправданія своего существованія въ качествѣ „трусливаго животнаго, одареннаго однимъ инстинктомъ самосохраненія“. Онъ не работаетъ („до этого не охотникъ“), не желаетъ онъ и унижаться и просить милостыню. Онъ желаетъ властвовать, приказывать, и вотъ онъ объявляется предъ бабой-крестьянкой колдуномъ, предъ мужичками—переряженнымъ лицомъ, посланнымъ изъ Петербурга для чего-нибудь. Онъ мутитъ среду, лжетъ и наслаждается своей ложью. „Мало ли я надѣлалъ злого и смѣшнаго во время моихъ странствій? Сколько я разныхъ нелѣпныхъ суевѣрій и мечтаній ввелъ въ духовный оборотъ мужика... И вообще я не стѣсняюсь... Зачѣмъ бы мнѣ это? Ради какихъ законовъ, я спрашиваю? Нѣтъ законовъ иныхъ, развѣ во мнѣ!“ „Какое мнѣ дѣло до чужой спины? Дай Боже, свою сберечь въ цѣлости. Это, конечно, не морально; но какое мнѣ, опять таки, дѣло до того, что морально и что не морально? Согласитесь, что ровно никакого дѣла нѣтъ“.

Итакъ, „стремленіе сберечь свою спину въ цѣлости“ уста-

навливаетъ искомое положеніе: „вѣтъ истины, вѣтъ законовъ, слѣдовательно, истина и законы суть только во мнѣ“; „нѣтъ высоты, значить, я и такъ высокъ“.

Истиниктъ самосохраненія высказался; путь къ оправданію открыть, остается показать, что „во мнѣ заключаются дѣйствительные истина и законы“. Для этого требуется немногое; надобно лишь постараться разрисовать свою спину такъ, чтобы и другимъ и самому себѣ показалось, что это—сщина настоящая, дѣйствительная и что поэтому всячески щадить и беречь ее не только не зазорно, а наоборотъ чрезвычайно похвально. А развѣ это такъ трудно сдѣлать, особенно если помнить, что „мудрость жизни глубже всякой ученой философіи“?

Допустимъ, я имѣю только спину, и ничего болѣе. Но чѣмъ обладаютъ другіе люди? О чемъ они заботятся и помышляютъ? Послушаешь ихъ,—они обладаютъ чѣмъ то неизмѣримо великимъ—душой, одаренной идеальными стремленіями; они дѣлаютъ весьма важное дѣло—занимаются „самоусовершенствованіемъ“. Но что такое представлятъ на самомъ дѣлѣ совершенствующіе себя люди?

При самой постановкѣ этого вопроса такіе люди, какъ проходимецъ, внутренно улыбаются, считая всѣхъ другихъ людей, на лицахъ которыхъ этотъ вопросъ вызываетъ недоумѣніе, ничего не смыслящими человѣчками. Подъ людьми, занимающимися исканіемъ смысла жизни, они разумѣютъ исключительно такихъ лицъ, какъ Коповаловъ, которые занимаются безплодными самообвиненіями. Состоянія дѣйствительно идеально настроенныхъ лицъ они и представить себѣ не могутъ. Поэтому они не безъ внутренняго самодовольства отвѣчаютъ на этотъ вопросъ: „людей, которые рвутъ себя на двое, я терпѣть не могу... Чего ради они стараются?... Стремлюсь, говорить, къ самоусовершенствованію... Чего же молъ ради? Въ совершенствованіи человѣка—смыслъ жизни... Ну, я этого не понимаю; вотъ въ совершенствованіи дерева смыслъ ясенъ—оно усовершенствуется до пригодности въ дѣло, и его употребятъ на оглоблю, на гробъ или еще на что-нибудь полезное для человѣка... Ну, хорошо! ты совершенствуешься—это твое дѣло; но скажи, зачѣмъ ты ко мнѣ пристаешь и меня въ свою

вѣру обратить хочешь? А затѣмъ, говорятъ, что ты—скотъ и не ищешь смысла въ жизни. Да я же (нашелъ его, ежели я скотъ, и сознаніе моего скотства не отягощаетъ меня... Я живу въ мирѣ съ собой, умъ и чувство у меня едино суть, а слово и дѣло въ полной гармоніи! Это, говорятъ, наглость, цинизмъ... И вотъ такъ разсуждаютъ всѣ они, бывало. Чувствую я, что они и врутъ и глупы, чувствую это и не могу не презирать ихъ (Проходимецъ).

Такимъ образомъ, выходитъ, что я, какъ скотъ, поставившій себѣ исключительно цѣлью жизни „сохраненіе своей шкуры“, не только ве хуже другихъ, а напротивъ неизмѣримо выше. Другіе люди рвутъ себя на двое, въ нихъ нѣтъ цѣльности, ихъ сознаніе раздвоено; другіе и врутъ и глупы; они сами не знаютъ, чего хотятъ и къ чему стремятся; въ нихъ нѣтъ „чувства природы“, они извратили себя своею мыслию. А я?—„я скотъ, но сознаніе скотства меня не отягощаетъ, у меня умъ и чувство едино; слово и дѣло въ полной гармоніи“. Словомъ, я—цѣльный человѣкъ, человѣкъ жизни, ибо жизнь требуетъ цѣльности и не терпитъ никакого раздвоенія; я, сознающій свое скотство и не обременяющійся имъ, великъ среди этихъ другихъ, беспомощно копошащихся въ своей захудалой душѣ; во мнѣ пробуждается духъ природы; гордый въ своей величественной наготѣ, онъ торжествующе восходитъ на верхи; онъ рветъ всякіе узлы, попираетъ всякіе законы, онъ знаетъ одинъ законъ—„жажду жизни“. Мнѣ принадлежитъ будущее, а не имъ.

Вотъ разсужденіе, съ помощью котораго инстинктъ самосохраненія пробуетъ установить правильность своего положенія: „нѣтъ иныхъ законовъ, развѣ во мнѣ“.

Логика, разумѣется, будетъ свидѣтельствовать противъ состоятельности его. Она скажетъ, что признавать себя „цѣльнымъ человѣкомъ“, человѣкомъ великимъ, заключающимъ въ себѣ положительное содержаніе, жизненное ядро или сѣмя, какъ зародышъ будущаго, на томъ только основаніи, что другіе полагаются, какъ жалкіе, измельчавшіе люди, какъ нравственные уроды, нельзя, такъ же нельзя, какъ нельзя фари́сею признать себя истиннымъ человѣкомъ на томъ основаніи, что

всѣхъ вокругъ себя онъ призналъ мытарями, грѣшниками и любодѣями! Цѣльность человѣческаго существа, какъ положительное качество или свойство человѣка, вовсе не таково по своей природѣ, чтобы оно требовало для своего обнаруженія зрѣлица себѣ противоположнаго. Любовь, какъ дѣйствительно истинная сила, не мыслить зла и все покрываетъ; добродѣтель, опять какъ дѣйствительная сила, не видитъ сучка въ глазѣ другого.

Если же мы не возвышаемся до этихъ истинъ, если наша цѣльность питается исключительно нецѣльностью другихъ, то должно прекратить попытку присвоить себѣ неподходящее званіе „генія“. Я, ставящее въ цѣляхъ своего самосознанія „не я“, или чистое отрицаніе себя въ другомъ, есть „ограниченное“ я, не обладающее творчествомъ и не чувствующее въ себѣ источника жизни и приписывать такому „я“ сверхчеловѣческіе атрибуты будетъ дѣломъ не честной логики, а выраженіемъ безстыдства.

Чтобы оправдать свое положеніе о нахожденіи законовъ только въ нихъ, сверхчеловѣки, слѣдуя правиламъ логики, должны сознать свое скотство, какъ положительную силу, не трогая другихъ или по крайней мѣрѣ не изощряя своей наблюдательности до той степени, гдѣ дѣйствительность смѣшивается съ иллюзіями и галлюцинаціями. Но на это не рѣшился даже самъ Заратустра: И онъ, пробывшій долгое время въ уединеніи, сходя съ горы, первымъ дѣломъ увидѣлъ коношавшихся подъ его ногами карликовъ,—однихъ съ неизмѣримо большими ушами, другихъ съ неизмѣримо великой головой, третьихъ съ сладострастно высунутымъ языкомъ и т. д. и т. д.

Такъ учитъ логика; но какъ замѣчаетъ М. Горкій, „мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей“. Мудрость жизни, или инстинктъ самосохраненія учитъ смотрѣть на все, какъ на матеріаль, способный удовлетворить голодъ и поддержать жизненное равновѣсіе, Мудрость жизни, или инстинктъ самосохраненія учитъ человѣка смотрѣть и на духовную жизнь другихъ, только какъ на средство для поддержанія своего душевнаго равновѣсія. Смотри на другихъ,—

всѣ они драные, рваные; всѣ они—сластолюбцы, хищники, любодѣи.—смотри на все это—и умиляйся въ сознаниі своего величія“. Главное—сохраняй въ себѣ жизненное равновѣсіе, а тамъ, на чтобы ты ни опирался, все равно, будутъ ли это рожцы, употребляемые свиньями, или упитанные тельцы. Все должно быть употребляемо тобой, какъ средство для сохраненія „своей сверхчеловѣческой шкуры“.

И это не исключеніе, это законъ природы. „Знаете вы, говорить прохожимецъ, раскрывая своему путнику далѣе свое мировоззрѣніе, что такое идеаль?—Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидалъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпиемъ его ясности. Тогда онъ по глупости, сказалъ себѣ—я достигну его! И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня, все еще на заднихъ лапахъ“.

Въ этомъ пунктѣ инстинктъ самосохраненія, повидимому, стремился самодовольно улыбнуться и сказать себѣ: „а, какова логика? Да, и мы не безъ тонкихъ мыслей“. Но, нужно сказать, онъ несчастный, способный по своей природѣ болѣе къ мимикѣ и нечленораздѣльной рѣчи, чѣмъ къ связному мышленію, запутался въ дебряхъ разсужденія, потерялъ свой индивидуализмъ и поналъ на общую дорогу—вѣру, что „Законы не только во мнѣ, но и внѣ меня“. Оказалось, что онъ проповѣдующій о сбереженіи своей шкурѣ, онъ, жаждущій жизни, не представляетъ собой чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго, ибо и всѣ люди только и заботятся о томъ чтобы изобрѣсти какой-нибудь костыль для опоры. Всѣ управляются однимъ духомъ, всѣ неизбежно подчиняются одному неизмѣнному закону. Въ основѣ всего сущаго лежитъ единая субстанція, природу которой, что мысль акробата на канатѣ, составляетъ одно—„жажда сохраненія равновѣсія“; весь же міръ представляетъ объективацию этой абсолютной жажды.

Остается теперь проходимцу бросить свое презрѣніе къ людямъ, отказаться отъ своего сверхчеловѣчества и на досугѣ помыслить о разныхъ степеняхъ этой объективации въ мірѣ

матеріальномъ и человѣческомъ. Разумѣется, можно при этомъ себя не обдѣлать, признать „высшей степенью объективациі, гдѣ абсолютное—акробатъ достигаетъ полнаго сознанія себя“.

Но почему то до такого послѣдовательнаго вывода проходимецъ не доходитъ. Должно быть, и въ немъ остается еще нравственное чувство, и онъ не осмѣливается во всеуслышаніе сказать, что онъ только-гаеръ, и ничего большаго въ немъ нѣтъ.

Какъ бы то ни было „жажда равновѣсія“ сильно даетъ ему себя чувствовать, и онъ всѣми правдами и неправдами стремится „поднять себя въ своихъ глазахъ“, его взоръ страстно ищетъ хотя какого-нибудь костыля, съ помощью котораго онъ могъ бы продолжать свое существованіе.

„Вы должны повяты это—въ бродяжьей жизни, говоритъ онъ, есть нѣчто всасывающее, поглощающее. Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей... отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ твою жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучной ношей... тяжелымъ лукшкомъ обязанностей... вродѣ обязанности одѣваться прилично, говорить прилично... На бродяжемъ положеніи живешь внѣ всей этой канители... то же обстоятельство, что ты безъ сожалѣнья отказался отъ разныхъ удобствъ жизни и можешь существовать безъ нихъ, какъ то пріятно приподнимаетъ тебя въ своихъ глазахъ. Къ себѣ становишься снисходительнымъ безъ оглядки... Хотя я къ себѣ никогда не относился строго, не одергивалъ себя, и зубы моей совѣсти никогда у меня не ныли... не царапалъ я моего сердца когтями моего ума“...

Такимъ образомъ, самъ проходимецъ только и ищетъ какого-нибудь костыля и отличается отъ людей, стремящихся къ идеалу, если мы даже и примемъ его мысль о томъ, что всякій идеалъ ни что иное, какъ костыль, только тѣмъ, что онъ хватается за первый попавшійся подъ руки костыль, тогда какъ другіе люди пробуютъ ихъ крѣпость, и иные костыли брезгаютъ взять въ свои руки. Для проходимца же каждая

грязная палка имѣетъ значеніе опоры, потому что сознаніа цѣнности человѣческой личности въ немъ нѣтъ.

„Прекрасное занятіе, говоритъ, напримѣръ, овъ, карты: сидишь за столомъ и въ теченіи ночи десять разъ умрешь и воскреснешь... Видѣть красныя и блѣдныя возбужденныя рожи, трепещущія отъ страха быть обыгранными и отъ жадности къ деньгамъ,—смотрѣть на нихъ и бить ихъ карты одну за другой... Ахъ, какъ это дивно волнуетъ нервы и кровь!... Бьешь карту—и точно вырываешь у человѣка изъ сердца горячаго мяса съ нервами и кровью... Великое наслажденіе есть въ этомъ.,. и вообще хорошо себя чувствовать можно только тогда, когда чѣмъ—нибудь рискуешь. Чѣмъ больше риску—тѣмъ больше жизни“... (Проходимецъ).

Можно въ pendant къ этому сказать и такое разсужденіе: прекрасное занятіе—пить водку. Пьешь—а въ головѣ пріятный туманъ, изъ котораго одни за другими выплываютъ образы; они быстро бѣгутъ, смѣняя другъ друга. Вотъ она кипучая, интересная жизнь! А сила-сила какая чувствуется въ это время человѣкомъ! Само море—по колѣно.

Для такихъ лицъ, какъ проходимецъ, пожалуй, и это разсужденіе покажется чрезвычайно логичнымъ, потому что о дѣйствительной крѣпости жизни они не имѣютъ никакого представленія. Какъ внимательно ни присматриваешься къ подобнымъ сильнымъ и цѣльнымъ людямъ, замѣчаешь одно, что вся ихъ сила заключается въ словахъ, полныхъ презрѣнія къ другимъ людямъ. „Знаете, ужасно мало на свѣтѣ интересныхъ людей... Всѣ такіе пришибленные, неодушевленные, противные, говоритъ Варенька Олесова, молодая здоровая барышня, питающаяся деревенскимъ воздухомъ, любящая какъ будто природу, свѣтъ, воздухъ, лѣсъ... (дочь помѣщика, полковника въ отставкѣ, пьяницы, разбитаго подагрой.)“ Иногда мнѣ хочется свалить ихъ себѣ подъ ноги и ходить по ихъ лицамъ... наступая имъ на губы, чтобы они не могли ничего говорить“. (Варенька Олесова).

Что же дѣлаютъ сами эти сильныя личности? И въ чемъ ихъ сила? Варенька обладаетъ здоровьемъ, можетъ свободно работать веслами, ей ни по чемъ проѣхать на лодкѣ нѣсколько

версть; встаетъ она рано утромъ, купается въ холодной водѣ (это дѣлаетъ также и Проходимецъ). Какъ будто она любитъ природу, и можетъ наслаждаться ей. „Лѣсъ тамъ сосновый—говорить она про одну мѣстность; сосны—громадныя, и стволы у нихъ безъ вѣтвей, только тамъ, вверху каждой, темно-зеленый зонтикъ. Тихо въ этомъ лѣсу, жутко, когда вся земля усыпана хвоей, и лѣсъ кажется подметеннымъ. Когда я гуляю въ немъ, мнѣ почему то всегда думается о Богѣ“. Ее приводятъ въ экстазъ грандіозныя явленія природы. „Смотрите, смотрите,—вскрикнула Варенька, когда молнія рвала тучу... видѣли? Туча точно улыбается—не правда-ли? Это очень похоже на улыбку... есть такіе люди угрюмые и молчаливые... молчатъ, молчатъ такой человѣкъ и вдругъ улыбается: глаза загорятся, зубы сверкнутъ. А вотъ онъ—дождь... Сверкнула молнія, озаривъ полнеба, и при блескѣ ея Ипполитъ Сергѣевичъ увидѣлъ, что Варенька съ восхищеніемъ восторга взмахнула руками и стоитъ, откинувшись назадъ, точно подставляя свою грудь молніямъ“. (Варенька Олесова).

Разумѣется, хорошо вставать утромъ рано и купаться въ холодной водѣ; недурно, понятно, кататься въ лодкѣ и при случаѣ „молнію ловить руками“. Но неужели въ этомъ и состоитъ сила человѣка, и подобные люди въ правѣ говорить о ничтожествѣ и пошлости людей? Но бѣльшаго эти люди не проявляютъ. Напротивъ, они чуждаются дѣйствительной человѣческой жизни, въ нихъ живетъ къ ней какое то отвращеніе. Варенька бьетъ своего слугу, находя наслажденіе въ томъ, что она для этого достаточно сильна. Ей нравятся романы, которыя разнуздываютъ ея воображеніе, даютъ просторъ мечтамъ; и въ этихъ романахъ ей нравятся „Злодѣи, которые ловко плетутъ разныя ехидныя сѣти, убиваютъ, отравляютъ“...

Вотъ эти „сильные“ люди. Ничего, кромѣ физической силы, у нихъ нѣтъ. (См. рассказъ Каинъ и Артемъ), но и въ эту силу вглядывается человѣкъ, и она какъ будто чаруетъ его. У другихъ и этого де нѣтъ.

Вся духовная сила этихъ людей истратилась въ безплодныхъ мечтахъ. Она вылилась у нихъ бѣшенымъ, нестройнымъ полетомъ ихъ воображенія, вылилась въ хаосъ туманныхъ кар-

тинъ, неопредѣленныхъ образовъ и изсякла. Они слишкомъ часто ставили себя въ положеніе героевъ, слишкомъ интенсивно любовались собой, чтобы у нихъ осталась хотя капля здраваго смысла для пониманія дѣйствительной жизни и для проникновенія въ ея истинные законы. Они остались внутренно пустыми. Любовь—та животворная любовь, которая прежде всего заставляетъ человѣческую личность сочувственно отнестись ко всему окружающему, даже къ нѣмой и молчаливой природѣ,—эта любовь покинула ихъ сердце. И вотъ мертвенной блѣдностью покрылась предъ ихъ взоромъ вся жизнь. Ея краски потускнѣли. Все окутала сѣрая, однообразная, тоскливо-увялая мгла. Все блѣдно, все ничтожно, все носить на себѣ признаки смерти. Лишь гулкiе раскаты грома заставляютъ вздрогнуть безжизненное, дряблѣе сердце этихъ людей, да молнія на моментъ разрываетъ предъ ихъ тусклымъ взоромъ ночную тьму,—и тогда вновь неистово бьется ихъ разнужданное воображеніе; они машутъ руками, оглашаютъ воздухъ пестройнымъ крикомъ, замираютъ въ жаждѣ схватить пронесшійся трепетъ жизни,—и это... это грандіозное явленіе природы они думаютъ отразить въ безсмысленномъ, дикомъ возгласѣ, точь въ точь какъ дѣлалъ это старый русскій лѣшій... Они чувствуютъ свою чисто животную силу, съ наслажденіемъ слѣдятъ за тѣмъ, какъ эластично сгибаются и разгибаются ихъ мускулы, какъ кровь по жиламъ переливается (Каинъ и Артемъ, Варенька Олесова). Въ ихъ головѣ вспыхиваютъ афоризмы о величiи силы, силы, которая дѣйствуетъ, не зная, зачѣмъ и почему, ихъ чаруетъ игра лѣшаго.

Вотъ какъ они понимаютъ природу.

Но, понятно, бывають минуты отрезвленія и у этихъ людей, и въ ихъ головахъ преносится мысль, что лѣшій оскорбляетъ природу, а вовсе не отражаетъ ее, что его голосъ—страненъ, дикъ, безсмысленъ, и одинаково раздается, теряясь въ лѣсной чащѣ, не смѣя выплыть къ свѣту, къ чистымъ небесамъ, что онъ предъ свѣтомъ солнца—жалкое, комичное, неуклюжее существо,—и вотъ вслѣдъ за вспышкой разгулявшейся мечты человѣку чувствуется его „комичность предъ жизнью“. Жизнь встаетъ предъ нимъ, необъятная, безграничная, и ему чудится,

что онъ внутренно мельчаетъ, что онъ—пигмей предъ великаномъ, что его голосъ—надобдливое жужжаніе комара, что онъ—прахъ, пепель, ничто, бездушная вещь, безцѣльно носящаяся въ жизненномъ вихрѣ. Изъ положенія героя, всѣхъ приводешаго въ очарованіе, онъ вдругъ какъ будто стремглавъ падаетъ въ какую-то ужасную пропасть, чувствуетъ, что ему нѣтъ мѣста въ жизни, что онъ лишній, не имѣетъ вида и образа. Ему представляется, что все окружающее: и неодушевленные предметы, и люди, какъ будто сговорившись, въ одинъ голосъ говорятъ ему о его внутренней пустотѣ.

Вотъ, на примѣръ, страничка изъ исторіи жизни Проходимца. Онъ подвизается на театральной сценѣ, поетъ въ дивертисментахъ, играетъ вторыхъ любовниковъ и пользуется большимъ успѣхомъ. Пробуетъ бѣльшаго—играть героевъ, и „самъ чувствуетъ“, что все у него хорошо выходитъ.—Но вдругъ съ нимъ что-то дѣлается. „Въ эту зиму, говоритъ онъ, я почувствовалъ къ людямъ ненависть и отвращеніе. Выйдешь, знаете, на сцену, да какъ сотни дураковъ и мерзавцевъ воткнуть въ тебя свои глаза,—по кожѣ пробѣжить такая рабья трусливая дрожь, и щиплетъ тебя, точно ты въ муравьиною кучу усѣлся. Смотрятъ они на тебя, какъ на свою игрушку, какъ на вещь, которую купили на одинъ вечеръ для своего пользованія. Въ ихъ волѣ осудить и одобрить тебя... И вотъ они слѣдятъ, достаточно ли ты прилежно ломаешься передъ ними? И если найдутъ, что прилежно—орутъ, какъ ослы на привязи, орутъ они, а ты слушаешь ихъ и чувствуешь себя довольнымъ ихъ похвалой. На время позабудешь, что ты ихъ собственность... потомъ вспомнишь это и за то, что тебѣ было пріятно ихъ одобреніе, чуть не бьешь себя по мордѣ“...

— „До судорогъ противна была мнѣ эта публика, и часто мнѣ хотѣлось плюнуть на нее со сцены. Бывало, чувствуешь, какъ ея глаза впиваются въ тѣло, точно булавки, и какъ жадно ждетъ она, чтобы ты пощекоталъ ее... Чувствуешь это въ ожиданіи и думаешь, какъ бы хорошо имѣть въ рукѣ такой длинный ножъ, чтобы имъ сразу было можно всему первому ряду зрителей носы срѣзать“. (Проходимецъ).

Иль вотъ, напримѣръ, другой подобный фактъ. Молодой писатель читаетъ въ кругу близкихъ людей свой первый напечатанный рассказъ. Его много хвалятъ, и онъ возвращается послѣ въ первый разъ проведеннаго пріятнаго вечера къ себѣ домой съ розовыми думами. „Хорошо быть чѣмъ-нибудь на землѣ среди людей“—думаетъ онъ. И воображеніе, не скупясь на яркія краски, разрисовываетъ ему будущее... Вдругъ прістаетъ къ нему какой-то человѣкъ. Маленькій, одѣтый въ темное платье. онъ смотритъ прямо ему въ лицо и улыбается острой улыбкой. Его взглядъ, скулы, подбородокъ съ эспань-олкой,—вся его маленькая сухая фигура колетъ глаза своей странной угловатостью. Этотъ человѣкъ спрашиваетъ писателя о дѣляхъ литературы; тотъ смущенъ вопросомъ, а онъ начинаетъ говорить: „дѣль литературы—помогать человѣку понимать себя самого, поднять его вѣру въ себя и развить въ немъ стремленіе къ истинѣ, бороться съ дурнымъ въ людяхъ, умѣть найти хорошее въ нихъ“... „Вотъ какому великому дѣлу служите вы,—внушительно продолжаетъ онъ... и смѣется своимъ ѣдкимъ смѣхомъ.—„Что же именно ты проповѣдуешь, спрашиваетъ онъ писателя. И думалъ ли ты о твоёмъ правѣ цоучать?

Жестoko колетъ этотъ вопросъ писателя. „Въ первый разъ въ жизни, говоритъ онъ, я смотрѣлъ внимательно вглубь себя... Я открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашелъ въ себѣ. Въ душѣ моей много ненависти, она постоянно тлѣетъ тамъ... иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнѣва; но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой она такъ потрясаетъ мой умъ, такъ давятъ сердце, что долгое время я существую внутренно опустошенный... Ничто не возбуждаетъ меня къ жизни, сердце мое холодно, какъ мертвое, умъ спитъ, а воображеніе давятъ кошмары. И такъ, слѣпой, вѣмой и глухой, живу я долгіе дни и ночи, ничего не желая, ничего не понимая; мнѣ кажется тогда, что я уже трущъ и лишь по какому то стран-

ному недоразумѣнію еще не зарыть въ землю. Ужасъ такого существованія еще болѣе усиливается сознаниемъ необходимости жить, ибо въ смерти еще менѣе смысла, еще больше тьмы“. (Читатель). Вотъ что чувствуетъ внутри себя писатель, а какъ много... какъ много нужно имѣть человѣку, чтобы создавать вокругъ себя жизнь, чтобы наполнять сердца людей вдохновеннымъ стремленіемъ къ истинѣ. Когда-то среди насъ, говоритъ незнакомецъ, жили великіе мастера слова, тонкіе знатоки жизни и человѣческой души, люди, одухотворенные неукротимымъ стремленіемъ къ совершенствованію бытія, одухотворенные глубокой вѣрой въ человѣка. Они создавали книги, которыхъ никогда не коснется забвеніе, ибо въ книгахъ тѣхъ запечатлѣны вѣчныя истины, нетлѣнной красотой вѣетъ съ ихъ страницъ... Въ тѣхъ книгахъ есть и мужество, и гнѣвъ пылающій, въ нихъ звучитъ и любовь искренняя и свободная, и ни одного лишняго слова въ нихъ нѣтъ. Оттуда, я знаю, ты черпалъ пищу душѣ своей... Но, должно быть, плохо питалась душа твоя... Ты, какъ луна, чужимъ свѣтомъ свѣтишь, свѣтъ твой печально тусклъ, онъ много плодитъ тѣней, но слабо освѣщаетъ и не грѣетъ онъ никого. Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобы возвести случайный фактъ твоего существованія на степень феномена, необходимаго для людей“...— „Что же ты можешь сказать мнѣ?“ — „Ничего“... отвѣтилъ я.— „А какъ же ты теперь будешь жить?“ — „Не знаю“... отвѣтилъ я.— „Что же ты будешь говорить?“ Я промолчалъ... Онъ смѣялся.— „Хе, хе, хе! и это ты —учитель жизни? Ты, котораго такъ легко смутить? Теперь я думаю, ты понялъ, кто я? да? И каждый изъ васъ, юношей, родившихся стариками, такъ же бы смутился, если бы захотѣлъ имѣть дѣло со мной. Лишь тотъ, кто облекъ себя въ броню лжи, нахальства и безстыдства, не дрогнетъ предъ судомъ совѣсти“... Незнакомецъ незамѣтно исчезаетъ, а писатель грустно—безнадежно встрѣчаетъ наступающій день. Ему страшно видѣть ясный день, солнце, сіяющее равнодушно, и

эту старую, измученную землю, одѣтую покровомъ снѣга (Читатель). Онъ также, пожалуй, не далекъ отъ мысли схватить ножъ и перерѣзать носы у читателей.

Вотъ чѣмъ заканчивается минута отрезвленія такихъ людей.

Если человѣкъ имѣетъ въ своей душѣ нѣчто положительное, для него самоиспытаніе является необходимымъ условіемъ его внутренняго роста и развитія. Если же такимъ содержаніемъ человѣкъ не обладаетъ, да и не стремится пріобрѣсти его, такъ какъ въ своемъ развужданномъ воображеніи призналъ человѣкомъ только себя, самоиспытаніе для него губительно; оно несетъ съ собой сомнѣніе, въ результатѣ котораго ему видится полное уничтоженіе его личности. Поэтому образъ совѣсти, заставившій подобнаго человѣка обратить свой взоръ вглубь себя, путается для него съ образомъ черта, Мефистофеля, парализующаго своимъ холоднымъ, саркастическимъ смѣхомъ всякое его стремленіе къ дѣятельности, налагающаго на его уста вѣчное молчаніе. Совѣсть рисуется ему, какъ темная сила, способная искалѣчить его, человѣка, оттолкнуть его отъ жизни, сдѣлать изъ него трупъ съ мучительнымъ сознаніемъ необходимости продолжать влачить свою трупную жизнь. Для него нѣтъ иного выхода, но или совѣсть—и тогда существованіе въ положеніи нравственно-искалѣченнаго существа, или жизнь и дѣятельность, но тогда необходимость облечься въ броню „лжи, нахальства и безстыдства“.

Но совѣсть не перестанетъ заглядывать въ нашу душу, если мы будемъ въ своей жизни и дѣятельности продолжать мыслить. Мы никогда не освободимся въ этомъ случаѣ отъ вопроса: „да дѣйствительно ли мы вносимъ въ нее что-нибудь? Что въ насъ заключается цѣннаго, безусловно хорошаго? Чтобы этотъ вопросъ пересталъ тревожить человѣка, облакающагося въ броню лжи, нахальства и безстыдства, послѣднему необходимо перестать думать и мыслить, вести жизнь и производить дѣятельность бессловесныхъ животныхъ, стать точной копіей Шакро. При этомъ условіи человѣкъ можетъ признать только себя за человѣка и, нисколько не смущаясь, говорить, обращаясь къ другому, словами Шакро: „послушай, что ты

думаишь? Кто есть ты такой? есть у тѣбѣ дома? есть у тѣбѣ мать? отецъ? Есть родные? зѣмли? Кто ты на зѣмлѣ? ты—человѣкъ, думаишь? это я—человѣкъ! У мѣнѣ все есть!... Онъ постукалъ себя въ грудь. Князь!... А ты... ты ничего! Ничего нѣтъ! Ты говоришь—я тотъ то! Кто еще это скажитъ?! А мѣнѣ знаютъ Кутаисъ, Тыфлисъ!... Панымаишь? (Спутникъ жизни).

Слѣдовательно, только ли спутникъ жизни Шахро? Не играетъ ли онъ болѣе важную роль?

Н. Боголюбовъ.

Анализъ сочиненій Ренана: „Философскіе діалоги“ и „Будущее науки“.

(Окончаніе *).

III.

Къ какой области познанія относится религія или, вначе, каковъ взглядъ Ренана на религію? Существуетъ ли предметъ ея Богъ? Если Онъ существуетъ, то какъ Его должно мыслить?.

Вотъ основные вопросы философіи религіи, на которые мы попытаемся найти отвѣты въ сочиненіяхъ Ренана.

По Ренану, религія безусловно необходима для человѣчества. Она не есть ничто внѣшнее для человѣка: корень ея лежитъ глубоко въ его существѣ. Въ него заложена „религіозная потребность“—„религіозная способность“¹⁾. Человѣчество безъ религіи—какой это абсурдъ!? Религія—это самое первое, что отличаетъ человѣкъ отъ животнаго. Человѣкъ „безъ религіи—самое мерзкое животное, не носящее на себѣ никакого явнаго отпечатка человѣчества“²⁾. Человѣчество не въ силахъ отрѣшиться отъ религіи: „религія въ человѣчествѣ тоже, что материнскій инстинктъ у птицъ“³⁾. Правда, бываетъ въ счастливые дни или въ дни молодости человѣкъ забываетъ религію, но подъ старость или въ дни несчастій и болѣзни,—она даетъ себя чувствовать: чѣловѣкъ пробуждается и самый крайній раціоналистъ становится религіознымъ. „Увы

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1906 годъ.

1) Будущее науки т. II, стр. 132.

2) Ibid. 142 стр.

3) Діалоги стр. 136. Еще: религіозное чувство эквивалентно стремленію птицъ вить гнѣзда Ibid. 138 стр.

и я, восклицаетъ Ренанъ, ни за что не ручаюсь, если заболѣю! Каждый разъ, когда я испытываю слабость, я испытываю также сильное повышеніе чувства и нѣчто въ родѣ набожности... У смертнаго одра необходима религія“¹⁾).

Итакъ, Ренанъ не отвергаетъ религіи. Но что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ?

„Если подъ религіей разумѣть совокупность обязательныхъ догмъ и внѣшнихъ проявленій, тогда, признаюсь, я не религіозенъ, но я утверждаю также, что и человѣчество по существу своему нерелигіозно и не могло быть религіозно въ этомъ смыслѣ“²⁾. Ясно, что подъ религіей онъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ мы. Что же? „Моей религіей всегда остается прогрессъ разума, т. е. науки“³⁾. „Наука есть религія. Въ будущемъ лишь наука будетъ давать символы вѣры и она одна сможетъ дать чѣловѣку разрѣшеніе вѣчныхъ проблемъ, котораго такъ настоятельно добивалась человѣческая природа“⁴⁾. „Свободная, широкая наука безъ всякихъ узъ, кромѣ узъ разума, безъ разъ навсегда законченной формулировки вѣры.. вотъ форма тѣхъ вѣрованій, которыя въ будущемъ увлекутъ за собой челоѣчество. Храмами этого ученія будутъ школы... гдѣ будутъ питаться сверхчувственной пищей. Жрецами будутъ философы, ученые, художники, поэты, т. е. люди, которые взяли изъ своего наслѣдства лишь идеальную часть и отказались отъ земли“⁵⁾. Такимъ образомъ, приведенныя цитаты сочиненій Ренана показываютъ намъ, что религія для него наука, развитіе при помощи ея всѣхъ силъ челоѣка въ ихъ полной гармоніи. Въ этой религіи мы можемъ наблюдать своего рода аскетизмъ, но не прежній (церковный) узкій, который имѣлъ въ виду только воспитаніе воли. Нѣтъ, истинный аскетизмъ обнимаетъ всего челоѣка и умъ, и сердце, и волю. Конечный результатъ такого аскетизма достиженіе „совершенства“. А что значитъ быть совершеннымъ? „Совершеннымъ можно было бы признать такого челоѣка, который въ одно и

1) Будущее науки т. II стр. 141.

2) Ibid. 139 стр.

3) Пред. къ Будущему науки 8 стр.

4) Будущее науки т. I, стр. 76.

5) Будущее науки т. I стр. 74 ср. II т. 6 стр.

тоже время былъ бы поэтомъ, философомъ, ученымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ и притомъ такого, который обладалъ бы этими качествами не по временамъ, но, благодаря внутреннему взаимодействию, во всѣ моменты своей жизни. Такой человѣкъ, будучи философомъ, долженъ проявлять поэтическій талантъ и, будучи ученымъ, не перестаетъ быть философомъ; однимъ словомъ въ немъ всѣ элементы человѣчества должны соединиться въ высшую гармонію¹⁾.

Развитіе ума даже должно поставить на первомъ мѣстѣ: „знаніе вотъ первое слово символа вѣры естественной религіи“²⁾. Истинная религія это лишь блестящее развитіе интеллектуальной культуры“³⁾. Ренанъ, страшный врагъ догматизма, только въ области религіи — наука считаетъ возможнымъ оправдать его.

Придетъ время, когда „наука приведетъ къ догматизму; явится вѣра въ твердо установленныя истины, и не будутъ сомнѣваться въ сущности вещей, такъ какъ будутъ чувствовать (!) подъ собою твердую почву“⁴⁾. Эта будущая вѣра въ науку появится изъ глубины человѣческой природы; истасканному, бесплодному, оффиціальному міру ее не родить“⁵⁾. Такимъ образомъ, своей религіи-наукѣ Ренанъ усвоитъ тѣ же свойства, которыми вообще всегда характеризуютъ религію.

Но интересно знать, какъ онъ смотритъ на религіи, бывшія ранѣе его религіи, допускавшія сверхъ естественность?

Въ сущности онъ смотритъ на нихъ съ той же самой точки зрѣнія, какъ и на свою: и онѣ имѣютъ въ виду познаніе природы и человѣчества. Но, понятно, какъ первый опытъ, онѣ не удовлетворительны. „Религіи отвѣчаютъ спекулятивнымъ потребностямъ человѣчества. Подобно мифологіямъ онѣ содержатъ въ себѣ, большею частію, произвольныя и необработанныя произведенія человѣческаго ума“⁶⁾. Какъ же возникли религіи? Очень естественно! Стремленіе познать себя и природу было причиною появленія ихъ. Несомнѣнно, окру-

1) Будущее науки т. 1, стр. 21.

2) Ibid. 25 стр.

3) Ibid. 75 стр.

4) Ibid. 2 т. стр. 115.

5) Ibid. 123 стр.

6) Ibid. 17 стр.

жающая природа производитъ на человѣка сильное впечатлѣніе. Индифферентнымъ остаться по отношенію къ ней невозможно.

„Какъ только человѣкъ начинаетъ думать, онъ ставитъ проблемы и разрѣшаетъ ихъ. Ему нужна опредѣленная система міра, самого себя, первой причины, ея происхожденія и ея цѣли. У него нѣтъ необходимыхъ данныхъ для того, чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, но что за бѣда! Онъ самъ дополняетъ ихъ. Такимъ путемъ возникли первобытныя религіи“¹⁾. Поэтому, религія есть первое обнаруженіе мыслительной способности человѣка, первый ея плодъ. „Первое развитіе человѣческаго ума дѣйствуетъ подъ формой религіи“²⁾. Итакъ религіи „это прекрасныя произведенія человѣческой природы“³⁾ и все таки „фикція человѣческаго духа“. Если религіи явились результатомъ стремленія человѣка познать себя и природу, то, естественно, онѣ должны быть разнообразны и многочисленны: вѣдь каждый народъ и даже каждый человѣкъ понимаетъ природу по своему⁴⁾.

Но всѣ религіи приписываютъ себѣ сверхъестественность. Какъ объяснить это явленіе? Откуда взялась самая мысль о сверхъестественности?

По мнѣнію Ренана, „сверхъестественное“ въ религіяхъ явилось много позже самыхъ религій. Понятіе о сверхъестественности могло возникнуть лишь только тогда, когда человечество достигло болѣе или менѣе значительнаго развитія, узнало, опредѣлило нѣкоторые законы, управляющіе природою. При неумѣннн объяснить то или другое явленіе извѣстными ему законами человечество придумывало исключеніе изъ закона^{*)}, чудо, воздѣйствіе какой то высшей, чѣмъ эти законы, силы^{б)}. Что чудеса дѣйствительно созданіе людей это видно изъ того,

1) Будущее науки т. 1 ст. 26.

2) Ibid. II т. 31. стр.

3) Ibid. I т. 35 стр. ср. 52 ст. 2 т. 18.

4) Ibid. II т. 138 стр. ср. Диологи 186 стр.

*) Доказательство того, что сейчасъ въ природѣ нельзя найти слѣдовъ сверхъестественности у Ренана не оригинально, выполнено грубо эмпирически, такъ что его безъ ущерба для выясненія взглядовъ Ренана можно выпустить. См. Диологи с. 130 стр. и далѣе.

б) Будущее науки III гл. вособ. 42 стр.

что у каждаго народа они всегда имѣютъ опредѣленный характеръ, въ нихъ такъ или иначе всегда отпечатывается индивидуальность народа ¹⁾).

Но въ религіяхъ есть еще пророчества—какъ на нихъ смотрѣть? По мнѣнію Ренана, на языкѣ медиковъ есть одно слово для обозначенія тѣхъ, которые считаютъ себя владѣющими даромъ слова, предсказанія, пророчества“ ²⁾). Какъ просто все объясняется!?

Люди и сейчасъ еще вѣрятъ въ откровеніе, а между тѣмъ нѣтъ ничего вреднѣе для прогресса человѣчества, какъ признанія сверхъестественнаго. „Я скажу съ полной откровенностію... наука понятна мнѣ лишь внѣ сверхъестественности“ ³⁾). Сверхъестественное съ своимъ догматизмомъ; съ своей непреложной истиной, притомъ данной въ готовой и лучшей формѣ—сильнѣйшій тормазъ для развитія человѣчества. Зачѣмъ мнѣ изучать жизнь и природу, когда все это дало мнѣ откровеніе?... Нѣтъ, невозможно служить „двумъ господамъ... обожать два идеала“ ⁴⁾). Одно изъ двухъ или безусловное слѣдованіе за откровеніемъ или за разумомъ! Но за откровеніемъ слѣдовать нельзя—это „фигія человѣческаго духа“.

Но что же христіанство тоже фигія человѣческаго духа? Да, несомнѣнно. „Христіанство—настоящая миеологія новѣйшихъ временъ“ ⁵⁾). Но оно стоитъ выше прежнихъ религій; оно „является... благородной формой жизни“ ⁶⁾). Однако и оно „въ настоящее время не болѣе, какъ преграда, пирамида на нашемъ пути, куча камней, которая служитъ помѣхой для новыхъ построекъ“ ⁷⁾). Да, и христіанство не избѣгло общей участи всѣхъ религій въ прогрессѣ человѣчества. Сдѣлало свое дѣло. А теперь это тормазъ для развитія?!

Разъ Ренанъ отвергъ все сверхъестественное, призналъ его „фигіей человѣческаго духа“, не можетъ быть и вопроса, признавалъ-ли Ренанъ Бога, какъ личное, разумное, высшее Существо. И, дѣйствительно, онъ утверждаетъ не только то, что

¹⁾ Ibid. 18 прим. т. 1.

²⁾ Будущее науки 2 т. стр. 124.

³⁾ Будущее науки 20 примѣчаніе т. 2.

⁴⁾ Ibid 111.

⁵⁾ Ibid. т. I, стр. 41.

⁶⁾ Ibid. 40—41 стр.

⁷⁾ Ibid. 79 стр.

такого Бога вѣтъ, но и то, что и все человѣчество никогда не вѣрило „въ Бога моральнаго и личнаго... Этотъ Богъ такъ мало врожденъ, что половина человѣчества, по крайней мѣрѣ, не вѣрила въ Него, и что нужны были вѣка для того, чтобы придти къ формулировкѣ этой системы законченнымъ образомъ, предписавъ человѣку любить Бога“¹⁾. Смѣлое утвержденіе!

Но если мы станемъ на точку зрѣнія самого Ренана по вопросу о сущности религіи и сведемъ ее къ стремленію къ совершенству, то, понятно, мы должны признать, что онъ не отрицаетъ бытія Бога; но этотъ Богъ былъ бы не болѣе, какъ идеаль челоѣка, какъ та высшая точка развитія, какой только могъ достигнуть челоѣкъ. И, дѣйствительно, Ренанъ ясно и точно заявляетъ, что Богъ для человѣчества не болѣе, какъ „трансцедентное резюме его сверхчувственныхъ потребностей, категорія идеала, т. е. форма, подъ которой мы воспринимаемъ идеаль“²⁾. Эгого бога Ренанъ иногда называетъ Разумомъ³⁾, иногда Провидѣніемъ⁴⁾, но чаще всего Богомъ. Слово „Богъ“ онъ не считаетъ возможнымъ уничтожить, онъ лишь настаиваетъ на томъ, чтобы для толпы былъ объясненъ надлежащій смыслъ этого слова. „Уничтожить же слово Богъ—значить сбить съ толку челоѣчество... Предположимъ, что мы, всѣ философы выберемъ другое слово, разумъ, напрімѣръ,... и мы (будемъ) отдѣлены нашимъ нарѣчіемъ отъ простыхъ людей... Скажите простымъ людямъ, чтобы они жили правдой и красотой, и эти слова не будутъ имѣть для нихъ никакого смысла. Скажите имъ, чтобы они любили Бога, чтобъ они не оскорбляли Его, и они поймутъ васъ удивительно хорошо. Богъ, Провидѣніе, душа и еще многія другія хорошія слова, немного тяжелыя, но выразительныя и почтенныя;—наука объяснитъ ихъ, но никогда не замѣнитъ ихъ къ лучшему“⁵⁾.

Но въ позднѣйшемъ сочиненіи: „Философскіе діалоги“ Ренанъ измѣняетъ понятіе о Богѣ. Если въ первомъ сочиненіи, какъ мы видѣли, онъ приписываетъ Богу лишь субъективное

1) Будущее науки 2 т. 137 стр.

2) Ibid. 135 стр.

3) По преимуществу въ Діалогахъ ср. 135 стр. Будущее науки 2 т.

4) Діалоги.

5) Будущее науки т. 2 стр. 135.

бытіе, видя въ немъ собирательное имя всего идеальнаго, то въ „Философскихъ діалогахъ“ онъ считаетъ возможнымъ приписать Богу и объективное бытіе. Въ такомъ случаѣ—что такое тотъ Богъ по Ренану, который имѣеть, точнѣе—будеть имѣть, объективное бытіе?

Самъ Ренанъ отказывается опредѣлить Бога положительными, постоянными свойствами, такъ какъ всякое опредѣленіе Бога будетъ отрицаніемъ Его; даже болѣе: каждое предложеніе, въ примѣненіи къ Богу, нелѣпо, исключая одного—„Онъ есть“¹⁾. Но если бы даже опредѣленіе Бога не было отрицаніемъ Его, то и въ такомъ случаѣ опредѣлить Его по существу все равно нельзя, потому что при подобной попыткѣ мы неизбѣжно впадемъ въ грубый антропоморфизмъ. „Всѣ выраженія, которыя употребляетъ теодицея для объясненія природы и атрибутовъ Бога, предполагаютъ конечную психологію. Переносятъ на Бога все, что въ человѣкѣ имѣеть характеръ совершенства, свобода разума и т. д., не замѣчая, что уже самыя эти слова суть отрицаніе безконечности“...

Несомнѣнно, что... слова примѣнимыя къ человѣку, не имѣютъ смысла въ отношеніи къ Богу *)²⁾. Но тогда Богъ, лишенный всякаго свойства и качества, неопредѣлимый Богъ, можетъ ли существовать? Отказъ опредѣлить Бога не равносильнъ ли отрицанію бытія Его? Ренанъ думаетъ, что нѣтъ. „Отказываться опредѣлять еще не значитъ отрицать его; эта осторожность есть скорѣе проявленіе набожности, которая боится, какъ бы не впасть въ богохульство, утверждая то, чего нѣтъ: вѣдь даже самыя отвлеченныя ученія о божествѣ суть лишь своего рода символы“³⁾. Если и при неопредѣлимости Бога, Онъ всетаки существуетъ, то какой же путь для убѣжденія въ бытіи Его? Опытъ, понятно, не можетъ привести

¹⁾ Цитаты изъ сочиненій Ренана, касающіяся вопроса объ объективномъ бытіи Бога, приводятся по Каро: „Идея Бога и безсмертія души“. Вѣра и Разумъ 1896 г. I т., стр. 311.

^{*)} Не такъ легко быть послѣдовательнымъ на практикѣ. И Ренанъ, дѣйствительно, часто употребляетъ антропоморфическія выраженія по отношенію къ Богу, см. 48—49 стр.

²⁾ Ibid. 312.

³⁾ Ibid. 311.

къ вѣрѣ въ Бога. „Теодицея не имѣеть экспериментальнаго основанія“ ¹⁾. Нельзя дойти до призванія Бога и путемъ размышленія и абстракціи. Богъ, если бы захотѣлъ, чтобы научно убѣдились въ Его бытіи, проявилъ бы себя въ мірѣ свободными и разумными дѣйствіями. „Однако наука не открываетъ ничего подобнаго. Природа не открываетъ Бога; даже является безнравственною: добро и зло для нея безразличны, точно также и исторія съ нравственной точки зрѣнія есть сплошной соблазнъ“ ²⁾. Два пути испробованы и оба оказались недостаточными. Есть еще третій путь—это чувство; и его избираетъ Ренанъ, строгій критикъ всѣхъ и всего, не обращая вниманіе даже на то, что чувство есть самое субъективное состояніе нашего духа и, руководствуясь только имъ, какъ легко впасть въ ошибки. „Еслибы человечество обладало лишь разумомъ, оно было бы безбожнымъ... Богъ есть продуктъ совѣсти, а не науки и метафизики. Не разумъ, а чувство опредѣляетъ Бога“ ³⁾.

Но какъ Ренанъ ни отказывается опредѣлить Бога, все-таки иногда онъ въ своихъ произведеніяхъ, быть можетъ, незамѣтно для самого себя, если не вполне опредѣляетъ Его, то даетъ понять, что Онъ такое. „Всемогущее и всевѣдующее существо окажется послѣднимъ словомъ божественной эволюціи,— проявится ли оно во всѣхъ, а также все черезъ него... будетъ ли оно постигаться какъ индивидуальность, достигшая высшей силы, или же, наконецъ, какъ результатъ миллиардовъ существъ, какъ гармонія, какъ отраженіе всей вселенной“ ⁴⁾. Это неопредѣленное существо есть „необходимое предположеніе мірового развитія, моральной, религіозной и даже научной жизни человечества, безъ него міръ необъяснимая загадка. Но Онъ, т. е., Богъ, существуетъ лишь въ процессѣ становленія (in fieri). Въ міровомъ процессѣ, въ исторіи человечества Богъ абстракція, реальность Онъ получаетъ только въ мірѣ, въ исторіи“ ⁵⁾, притомъ чѣмъ выше по природѣ бытіе и чѣмъ совершеннѣе индивидуумъ этого рода бытія, тѣмъ лучше

1) Ibid. 307.

3) Ibid. 308.

2) Ibid. стр. 307.

4) Діалоги 168 стр.

5) Вѣра и Разумъ 1893 г. II т., II ч. стр. 70.

Онъ сознаетъ себя, такъ что „въ растеніи, Онъ сознаетъ себя болѣе, чѣмъ въ скалѣ, въ животномъ болѣе, чѣмъ въ растеніи; въ человѣкѣ болѣе, чѣмъ въ животномъ; въ человѣкѣ умномъ болѣе, чѣмъ въ человѣкѣ ограниченномъ; въ гениі болѣе, чѣмъ въ человѣкѣ просто умномъ; въ Сократѣ болѣе, чѣмъ въ гениі; въ Будѣ болѣе, чѣмъ въ Сократѣ; во Христѣ болѣе, чѣмъ въ Будѣ“¹⁾. Но и въ человѣчествѣ, въ его настоящемъ состояніи, Богъ не вполне сознаетъ и проявляетъ себя, Онъ окончательно реализуется впоследствии, въ будущемъ, въ существѣ, высшемъ человѣка. „Итакъ, вы думаете, какъ Гегель, спрашиваетъ собесѣдникъ Теофраста въ Діалогахъ, думаете, что Бога нѣтъ, но что Онъ будетъ? Не совсѣмъ такъ, отвѣчаетъ Теофрастъ, Онъ существуетъ вѣчно, но Онъ еще не реализованъ матеріально: Онъ нѣкогда будетъ. Онъ будетъ реализованъ сознаниемъ, аналогичнымъ—сознанию человѣческому, но безконечно его превосходящимъ. Универсальная задача всего живущаго усовершенствовать Бога, содѣйствовать образованію великой равнодѣйствующей, которая вмѣститъ и объединитъ въ себѣ всѣ вещи“²⁾.

Религія Ренана—стремленіе человѣческой природы къ совершенству, Богъ—идеаль совершенства, имѣющій быть или уже реализованный, этотъ культъ приписывается Ренаномъ только совершеннымъ, людямъ науки или, аристократіи ума, —для толпы этотъ Богъ, конечно, не понятенъ. Ренанъ предполагаетъ, что ему сдѣлаютъ то возраженіе противъ такого пониманія Бога и всей вообще его религіи, что необщедоступность ея и служитъ вѣрнымъ признакомъ неистинности ея, потому что же это за религія, которую и понять не всѣ могутъ? Истинная религія достояніе всѣхъ людей, стоящихъ какъ на самой высокой степени развитія, такъ и на самой низкой. Опровергнуть такое возраженіе, думается Ренану, очень нетрудно. „Да, говоритъ Ренанъ, я согласенъ, рациональный и чистый культъ доступенъ только меньшинству“³⁾. Но что изъ того? „Если вы упрекаете философовъ въ исключительномъ

1) Ibid.

2) Ibid. 71 стр. Діалоги 151.

3) Будущее науки 41 стр., 2 томъ.

превосходствѣ ихъ культа, то упрекайте въ желаніи стать выше другихъ и того, кто ищетъ въ аскетической жизни болѣе высокаго совершенства, упрекайте и того, кто воспитываетъ свой умъ для того, чтобы выдѣлиться изъ необразованной среды своихъ собратій... Нельзя ставить въ упрекъ философу желаніе возвыситься надъ общимъ уровнемъ, и то, что онъ подписывается подъ возгласомъ апостола Павла: *cirio omnes fieri qualis et ego sum*¹⁾. Не говорите же болѣе, что недостатокъ философіи состоитъ въ томъ, что она доступна меньшинству²⁾.

Но если толпа не можетъ возвыситься до такого пониманія религіи, то что же ей дѣлать? Оставаться ли ей безъ религіи или придерживаться старой религіи „этой фикціи человѣческаго духа“; хотя „самый драгоцѣнной“—все же фикціи?

Какъ это ни странно, но нашъ строгій критикъ выбираетъ послѣднее: онъ совѣтуетъ народу держаться прежней религіи. Онъ страшно возмущается противъ тѣхъ, кто „воскресенія и другія теперь уже отмѣвенныя праздники“ считаетъ потеряннымъ временемъ. Имя такимъ—варвары. Нѣтъ, это не потерянное для нихъ время. Мы философы, имѣющіе науку, искусство, литературу не нуждаемся въ этомъ. А для нихъ храмъ—все: и литература и искусство и наука; лишать ихъ всего этого это варварство³⁾. Сами эти простецы—должны крѣпко держаться своей религіи до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время, „когда и имъ придется подчиниться общему закону и пережить тяжелое время, которое однако будетъ лучшимъ благомъ для человѣчества“⁴⁾, т. е., пока они не поймутъ, въ чемъ состоитъ истинная религія; а пока самое лучшее—исповѣдывать ту же религію. „Временами я способенъ, говоритъ Ренанъ, проливать слезы, когда думаю о томъ, что, благодаря превосходству моей религіи, я остаюсь одинокимъ въ присутствіи большой религіозной семьи... когда я думаю о томъ, что лучшія души въ мірѣ должны думать обо мнѣ, какъ о нечестивцѣ, зломъ преступникѣ. Замѣть—это онѣ должны дѣлать, это необходимо вытекаетъ изъ ихъ вѣры“⁴⁾.

1) Ibid. 42 стр.

2) Ibid. XXIII гл. въ особенности 139—143 стр.

3) Ibid. 142 стр.

4) Ibid. 142—143 стр.

Но мало того, что Ренанъ, хотя и временно, позволяетъ исповѣдывать челевѣчеству не одну религію, онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій „Feuilles détachées“ самую религію называетъ „безумствомъ челоѣка“, „безполезностію“.¹⁾ Религія, въ извѣстномъ смыслѣ несомнѣнно существовавшая для Ренана, въ названномъ сочиненіи уже теряетъ свою прежнюю несомнѣнность.²⁾ Равнымъ образомъ и Богъ по „философскимъ діалогамъ“, хотя окончательно не реализованъ, но все-таки неполно существуетъ и будетъ моментъ, когда онъ будетъ жить полною жизнью сдѣлается полною реальностію, а по „Feuilles détachées“ возможно что Богъ и не существуетъ, впрочемъ возможно, что Богъ и существуетъ, по крайвей мѣрѣ, отрицать эту возможность, столь-же отважно, какъ и утверждать еѣ“³⁾. Такимъ образомъ, Ренанъ въ своей теогоніи приходитъ къ полному скептицизму. Но этотъ скептикъ тотъ-часъ способенъ быть и мистикомъ⁴⁾.

1) „Мы, говорить, Ренанъ, чувствуемъ въ себѣ голосъ другого міра. Особенно громко раздается этотъ голосъ въ тѣхъ повышенныхъ нечѣлвчестяхъ, которымъ мы радуемся, зная отлично, что мы попадаемъ въ просакъ, въ четырехъ великихъ безумствахъ челоѣка: любви, религіи, въ познаніи и добродѣтели, въ этихъ промыслительныхъ безполезностяхъ. „Вѣра и Разумъ“ 1893 г, т. II, ч. II стр. 66—67. Подобная же мысль и въ Діалогамъ; но не такъ рѣзко выражена: „Челоѣкъ онутанъ извѣстными хитростями природы,—каковы: религія, любовь, стремленіе къ истинѣ, добродѣтель“ стр. 140.

2) Наибольше логическое положеніе, которое мыслитель можетъ принять по отношенію къ религіи, это вести себя такъ, какъ будто бы она была истинною. Слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы Богъ и душа существовали. Религія входитъ тогда въ число тѣхъ многочисленныхъ гипотезъ, какъ эфиръ, жидкости электрическія, свѣтовыя, тепловыя, нервныя. Вѣра и Разумъ Ibid 72 ст.

3) Ibid 66 стр.

4) Діалоги оканчиваются такою мистическою молитвою: „О, Отецъ небесный, я не знаю, что ты намъ уготовалъ. Эта вѣра, которую Ты не позволишь намъ изгладить изъ нашихъ сердецъ, что она такое: есть ли она утѣшеніе, которымъ, Ты хочешь сгладить и дѣлать сноснымъ наше бременное существованіе,—благодѣтельная иллюзія, которою твоя сострадательность мудро насъ оградила.. Ты захотѣлъ поставитъ нашу вѣру въ защитимость отъ нашихъ внутреннихъ расположений. Во всемъ, что служитъ предметомъ науки и рациональнаго изслѣдованія, Ты вручалъ истину натурамъ наиболше надежнымъ дарованіями, но въ порядкѣ нравственномъ и религіозномъ Ты судилъ, чтобы она принадлежала нравственно-лучшимъ. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, несправедливо, еслибы геній и умъ здѣсь пользовались привилегіями и вѣрованія, которыя должны быть общимъ достояніемъ всѣхъ збыли плодомъ болше или менше удачныхъ. Будь благословенъ за Твою тайну, а Твое закрытое и утаенное бытіе, за свободу, которую Ты въ полной степени предоставилъ нашимъ сердцамъ!“ Ibid 73 стр. Будущая наука 23 ст. 123—125.

Такъ и великій умъ, не сдерживаемый анализомъ, способенъ носиться по волнамъ сомнѣній, колебаній и противорѣчій!

IV.

Послѣ того, какъ Ренанъ отвергъ все сверхъестественное, отвергъ бытіе высшей разумной силы, отвергъ ея дѣйствія въ этомъ мірѣ, безспорно интересно знать: а) откуда произошелъ этотъ міръ; б) имѣетъ ли онъ какую-либо опредѣленную цѣль и если имѣетъ какова она и в) какъ онъ выполняетъ эту цѣль? Надѣмся найти у Ренана отвѣты на эти вопросы:

а) Въ рѣшеніи перваго вопроса,—вопроса о происхожденіи міра,—Ренанъ держится гипотезъ самопроизвольнаго зарожденія и трансформациі. Правда, полнаго раскрытія этихъ гипотезъ у него нѣтъ. Онъ не считаетъ нужнымъ этого дѣлать: здѣсь онъ не спеціалистъ, притомъ это и не входило въ планъ его сочиненій. Онъ лишь пользуется ими, какъ несомнѣнною научною истиною. Для него несомнѣнно, что все живущее, точнѣе прототипъ, вначалѣ появилось благодаря самопроизвольному зарожденію; несомнѣнно и то, что самопроизвольное зарожденіе сохраняется и теперь, хотя въ самой незначительной степени, на послѣднихъ ступеняхъ животнаго царства¹⁾. Въ частности, для него опять нѣтъ нужды показывать, какъ произошелъ человѣкъ; для него внѣ сомнѣнія лишь то, что онъ не созданъ Кѣмъ-то высшимъ, а что онъ (продуктъ природы. „Образованіе различныхъ планетныхъ системъ и сохраненіе ихъ, появленіе организмовъ и жизни, появленіе человѣка и сознанія, первыя дѣйствія человѣчества—все это было лишь развитіемъ совокупности физическихъ и психологическихъ законовъ**“). Итакъ, міръ и человѣкъ явились сами собою безъ участія высшей силы.*) Но вѣдь такое утвержденіе неоснова-

1) Будущее науки т. 1, стр. 114.

2) Ibid 113 стр.

*) Есть нѣсколько мѣстъ „въ Будущемъ науки“, которыя наводятъ на мысль, не дѣйствъ ли Ренанъ? Такъ онъ говоритъ о Творцѣ міра, о законахъ предоставленныхъ имъ міру, о дальнейшей самостоятельной жизни и развитіи міра, при помощи разъ навсегда установленныхъ законовъ и пр. Но такъ какъ Ренанъ, такъ сказать, играетъ со словомъ „Богъ“ и даетъ ему свой смыслъ, то врядъ-ли на основаніи только этого можно его считать деистомъ. Вѣдь деисты бытіе лич-

тельно: давно извѣстно—безъ ничего ничего не бываетъ, слѣдовательно, и міръ не могъ возникнуть, во первыхъ, изъ ничего, а во-вторыхъ безъ всякой причины? Ясваго отвѣта на первое возраженіе въ сочиненіяхъ Ренана не удалось найти. Во 2-мъ діалогѣ „вѣроятность“ Теофрастъ, выразитель мыслей автора, говоритъ: „чтобы лучше это *) понять нужно подойти къ началу движенія во вселенной. Началомъ движенія въ мірѣ, а потому и во всеобщемъ fieri, было сильное нарушеніе равновѣсія, которое произошло вслѣдствіе неоднородности. Если бы міръ составлялъ нѣчто однородное, онъ не вышелъ бы изъ устойчиваго состоянія, онъ вѣчно отдыхалъ-бы, не развиваясь, не прогрессируя¹⁾. Быть можетъ, смыслъ приведенныхъ словъ тотъ, что во вселенной, прежде чѣмъ она приняла настоящій свой видъ, существовали, по крайней мѣрѣ, два элемента, неоднородные, находящіеся въ покоѣ, а потому сохранявшіе равновѣсіе. Въ такомъ случаѣ міръ явился не изъ „ничего“: былъ матеріаль, изъ котораго онъ могъ образоваться, **) слѣдовательно, вопросъ сводится теперь къ тому, что побудило міръ, точнѣе разнородные элементы придти въ движеніе, нарушить равновѣсіе? Была ли какая-нибудь внѣшняя или внутренняя причина этого движенія? О внѣшней причинѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи²⁾. Но внутренняя была. Какова же она? Какое-то скрытое безнокойство дало ей, т. е. вселенной, толчекъ... Жизнь, всегда вызывается сильнымъ желаніемъ, движеніемъ, инициатива котораго никому не принадлежитъ, что-то такое гово-

наго Бога не отрицаютъ, а Ренанъ считаетъ Его „фикціей человѣческаго духа“ Вѣроятнѣе всего въ этихъ мѣстахъ подъ словомъ „Богъ“ должно разумѣть одухотворенную, разумную „природу“ Ренанъ (см. Ibid пред. 8 стр. I т. 34, 113 ст. 2 т. 11—12 стр. и др.).

*) Т. е. существованіе равнодѣйствующаго міра, капитализаціи благъ человечества... избытокъ блага надъ зломъ, безъ чего невозможенъ прогрессъ міра и человечества. стр. 142 Диалоги.

1) Диалоги стр. 143.

**) Понятно, это не отвѣтъ. Возраженіе остается въ силѣ. Снова можно спросить: откуда же взялись эти два элемента? Рѣшать такъ вопросъ—значить собственно отодвигать его, отказываться отъ него.

2) См. стр. 50.

рять „впередъ“ ¹⁾. „Желаніе существовать, жажда сознанія, необходимость осуществленія идеала“ ²⁾ вотъ та причина, которая, нарушивъ равновѣсіе міровыхъ элементовъ, произвела міръ *). Но первоначальный міръ не былъ такимъ, какимъ мы его сейчасъ видимъ; такимъ онъ сталъ съ появленіемъ человѣка. Даже болѣе, съ постепеннымъ развитіемъ человѣка онъ измѣнялся все болѣе и болѣе, принимая новыя растенія, новыхъ животныхъ ³⁾. И теперешнее его состояніе есть лишь временное, измѣнчивое „частный случай“ ⁴⁾.

Міръ, возникшій самъ собою, и въ дальнѣйшей своей жизни не нуждался и не нуждается въ личномъ Управителѣ и Промыслителѣ. Въ природѣ господствуютъ одни опредѣленные законы. Это тѣ же, что дѣйствовали и при созданіи міра. Но спросятъ, почему теперь эти законы, ничего подобнаго или новаго не производятъ, если они тѣже? Отвѣтъ очень простой. „Измѣнились условія: случайныя причины, побудившія законы къ созданію этихъ феноменовъ, не существуютъ болѣе“ ⁵⁾.

Теперь же, „съ тѣхъ поръ какъ возникло бытіе, все происходящее въ мірѣ феноменовъ есть правильное развитіе законовъ бытія, законовъ, устанавливающихъ единственный порядокъ правленія, т. е. природы. Всякій, говорящій о фактахъ, стоящихъ внѣ, выше природы, создаетъ такое противорѣчіе, какъ если бы кто употребилъ терминъ сверхбожескій въ области субстанцій“ ⁶⁾. Въ частности, и относительно человѣка нужно сказать, что во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни нельзя найти участія какой-либо высшей, личной Силы, управляющей имъ, ведущей его къ достиженію своего назначенія. „Человѣкъ... производитъ все, вытекающее изъ его природы, онъ затрачиваетъ на это свою дѣятельность... но руководство принадле-

¹⁾ Діалогъ 143 ст.

²⁾ Ibid.

*) Во всякомъ случаѣ желаніе предполагаетъ въ желающемъ субъектѣ „сознаніе“, или точнѣе, представленіе желаемаго предмета, а тѣмъ болѣе предполагаетъ его необходимость осуществленія идеала. Итакъ элементы міровые должны обладать сознаніемъ (1).

³⁾ Ibid. 164—165.

⁴⁾ Будущее науки т. 1 стр. 113.

⁵⁾ Будущее науки 1 ст. 113 стр. (111—114).

⁶⁾ Ibid. 43. Есть и еще много мѣстъ, выражающихъ ту же мысль, напр., предисл. 10 стр.

жить не ему. Онъ доставляетъ матеріаль, но форма получается свыше. Истиннымъ творцомъ является живая, по-истинѣ божественная сила, скрывающаяся въ способностяхъ человѣка“ *) 1).
 Еще яснѣе: „я обладалъ вполне вѣрнымъ чувствомъ того, что я вазывалъ происхожденіемъ жизни. Я ясно видѣлъ, что въ природѣ и человѣчествѣ все *происходитъ* и что для творенія нѣтъ мѣста въ ряду причинъ и слѣдствій... Я былъ рѣшительнымъ эволюціонистомъ во всемъ, что касается продуктовъ человѣчества“ 2).

б) Природа и человѣчество—возникли сами собою. Для чего? Для осуществленія идеала. Это даетъ намъ поводъ перейти къ рѣшенію второго изъ поставленныхъ нами вопросовъ (по космологіи)—вопроса о цѣли міра. Итакъ, человѣчество и природа имѣютъ своею цѣлію достиженіе идеала. Каковъ же этотъ идеаль? „Совершенство есть тотъ центръ, къ которому тяготѣетъ человѣчество, какъ и все живущее“, говоритъ Ренанъ въ „Будущемъ науки“. Но совершенство уже слишкомъ неопредѣленное, растяжимое понятіе. Вѣдь это понятіе по праву можно назвать формальнымъ, смыслъ въ него вложить можно какой угодно. Нельзя ли найти у Ренана что-либо положительнѣе? Есть другой отвѣтъ въ „Діалогахъ“. Теофрастъ говоритъ своимъ собесѣдникамъ: „по моему мнѣнію слово „сознаніе“ лучше всего резюмируетъ эту, т. е., міровую цѣль... Цѣль міра развитіе разума... Мысль, вотъ, конечный результатъ“ 3). Цѣль міра—сознаніе болѣе понятна. Но все-таки и здѣсь еще много можетъ возникнуть недоразумѣній. Прежде всего вся-ли природа или одно человѣчество должно достигнуть сознанія, притомъ все-ли оно или только нѣкоторыя лица? А, быть можетъ, даже достаточно, чтобы это реализовалось въ одномъ лицѣ и цѣль міра будетъ достигнута? Первое изъ выставленныхъ нами недоразумѣній, возникающихъ при опре-

*) Различіе между человѣкомъ въ его цѣломъ и способностями—эта тонкость—доступна и понятна только критической школѣ. Что такое человѣкъ безъ человѣческихъ способностей?

1) Ibid. 31 стр.

2) Предисловіе къ Будущему науки 10 стр. ср. 1 т. 113—115 стр.; 2 т. 11—12 стр.

3) Діалоги 145.

дѣленіи цѣли міра, какъ достиженіе сознанія, разрѣшается Ренаномъ чрезъ установленіе точнаго опредѣленія, что онъ разумѣетъ подъ словомъ сознаніе. „Сознаніе есть... равнодѣйствующая милліоновъ другихъ сознаній, сходящихся въ одной цѣли. Клѣточка уже является маленькой личной концентраціей; множество клѣточекъ, соединенныхъ вмѣстѣ, образуютъ уже сознаніе второй степени (животное, человѣкъ). Сознанія второй степени, группируясь, образуютъ сознанія третьей степени; объединенныя сознанія городовъ, церквей, націй являются результатомъ милліоновъ индивидуумовъ, живущихъ одной идеей, имѣющихъ общія чувства“ ¹⁾. Словомъ, сознанія низшія постепенно создаютъ сознанія высшія. И путемъ постепеннаго прогресса сознанія человѣчество въ будущемъ достигнетъ сознанія бесконечно высшаго, чѣмъ то, какое теперь существуетъ:

„Отсюда можно придти къ заключенію, что настанетъ время, когда человѣчество будетъ походить на огромныхъ размѣровъ дерево, вѣтвями котораго будутъ индивидуумы, когда всѣ сознанія образуютъ единое сознаніе“ ²⁾. Если такъ понимать сознаніе, то въ достиженіи міровой цѣли, нѣтъ сомнѣнія, участвуетъ вся природа *). Но низшіе организмы участвуютъ безсознательно; равнымъ образомъ и человѣкъ на высшихъ ступеняхъ развитія, хотя и полнѣе ихъ.

По мѣрѣ развитія его эта цѣль для него будетъ все яснѣе и яснѣе, и настанетъ моментъ, когда онъ ясно ее будетъ сознавать. Такъ Ренанъ разъясняетъ намъ наше первое недоумѣніе. Теперь снова спросимъ его. Въ комъ реализуется эта цѣль—во всемъ ли человѣчествѣ или въ нѣкоторыхъ лицахъ? Говоря проще, когда можно считать цѣль міра достигнутою тогда ли, когда все человѣчество достигнетъ высшаго сознанія, или даже одно лицо? По мнѣнію Ренана, во всякомъ случаѣ нельзя думать и требовать, чтобы все человѣчество „познало истину“; наоборотъ „нужно думать, что и природа добивается того, чтобы истина постигалась не большимъ чи-

¹⁾ Ibid. 156 стр.

²⁾ 157 стр.

^{*)} Иначе и не можетъ быть, если мы примемъ во вниманіе, что человѣкъ есть продуктъ природы. Было время, когда человѣка еще не было, а міровая цѣль уже осуществлялась Чрезъ кого же? Чрезъ низшіе организмы.

словъ лицъ“¹⁾. Несомнѣнно, есть много людей, которымъ недоступны и непонятны возвышенныя и благородныя истины. Что касается женщинъ, такъ онѣ не только не созданы для того, но пожалуй сообщеніе истинъ и вредно для нихъ, такъ какъ это отвлекаетъ ихъ отъ ихъ настоящаго призванія. А оно слишкомъ несложно: „быть добрыми или красивыми или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ“. Несомнѣнно, просвѣщать массу долгъ каждаго. Но невозможно добиваться того, чтобы всѣ люди одинаково постигли истину, одинаково развились. Это даже и вредно для прогресса человѣчеста. „Необходимо, чтобы высшая культура установилась и сдѣлалась властелиномъ всего міра, чтобы она оказала свое благотворное вліяніе на менѣе культурную часть человѣчества“. Итакъ, въ области науки долженъ быть классъ людей, который бы управлялъ массою, держалъ ее въ страхѣ и повиновеніи. „Вовсе мы не видимъ никакой выгоды въ томъ, чтобы человѣкъ, непонимающій науки сдѣлался ея поборникомъ; достаточно чтобы онъ ей подчинялся и преклонился предъ ея непобѣдимой силой“. Если въ цѣляхъ прогресса достаточно только того, чтобы нѣсколько существъ знали и понимали истину, оцѣнили и ратовали за нее, то цѣль человѣчества—„создавать великихъ людей“. „Я считаю прогрессъ человѣчества дѣломъ не всѣхъ людей, а только небольшой части аристократіи ума“²⁾. Но не здѣсь, не въ нихъ реализуется „сознаніе“. „Всемогущее и всевѣдущее существо окажется послѣднимъ словомъ божественной эволюціи“; „вселенная завершится въ одномъ организованномъ существѣ, результатъ дециллионовъ жизней прошлыхъ и настоящихъ“. Жизнь вселенной тогда потечетъ иначе. „Теперь вселенная мыслитъ и наслаждается чрезъ милліоны индивидуумовъ. Но когда нибудь колоссальный ротъ поглотитъ съ наслажденіемъ безковечное; цѣлый океанъ восторга выльется оттуда, неиссѣкаемый источникъ жизни будетъ выливаться оттуда не зная ни отдыха ни усталости и будетъ бить ключемъ въ вѣчность“.

¹⁾ Ibid. 158 стр.

²⁾ Діалоги 158—160 стр.

Это всевѣдующее и всемогущее существо никто иной, какъ Богъ. „Иногда я мыслю Бога, какъ великое торжество вселенной, какъ обширное сознаніе. Итакъ вотъ то тайное дѣло, надъ которымъ трудится природа и человѣчество, вотъ истинная цѣль ихъ труда: реализація сознанія въ одномъ существѣ, что тоже созданіе Бога ¹⁾).

с) Быть не можетъ, чтобы такое великое дѣло, какъ созданіе Бога можно совершить безъ строго опредѣленнаго плана, безъ руководителя. Несомнѣнно, онъ долженъ быть. Такъ мы переходимъ къ рѣшенію послѣдняго поставленнаго нами вопроса, касающагося космологіи, вопроса о томъ, какъ выполняется міровая цѣль. Руководитель, несомнѣнно есть, но онъ не внѣ природы, а въ ней самой; природѣ, дѣйствительно, присущъ „нѣкоторый теологическій *nisus*“ ²⁾ „нѣкоторая высшая сила“ ³⁾. Этотъ *nisus* часто называется у Ренана Разумомъ. Но что же должно разумѣть подъ Разумомъ?

„Подъ Разумомъ я понимаю, говоритъ Ренанъ, не только человѣческой разумъ, но и умѣнье соображать всякаго думающаго существа, живущаго въ настоящее время, а также и того, которое будетъ жить впослѣдствіи“ ⁴⁾).

Если это опредѣленіе разума, данное, правда, по другому поводу, приложить къ природѣ, то получимъ, что природа обладаетъ „умѣньемъ соображать“. Итакъ, природа разумна, самостоятельна, свободна ⁵⁾. Если такъ, зачѣмъ ей еще посторонній руководитель? Она сама съумѣетъ выполнить свое дѣло, сама найдетъ средство довести свое дѣло до конца, на полпути она не остановится. Каковы же ея средства? Какими путями она достигаетъ своей цѣли—сознаніе Бога? Средства ея, пути, избранныя ею, несимпатичны. Какъ это ни странно, „разумная“ природа, природа въ своихъ дѣйствіяхъ слѣпа и нерасчетлива. „Она дѣйствуетъ подобно рабочему, который продаетъ за безцѣнокъ свой матеріаль и рас-

¹⁾ Диологін 168—170.

²⁾ Вѣра и разумъ 1893 г. 61 стр.

³⁾ Будущее науки т. I, 113 стр.

⁴⁾ Ibid. 14 примѣчаніе.

⁵⁾ См. изложенное въ этомъ отдѣлѣ подъ а).

точаетъ его обильно... Это сѣятель, бросающій сѣмя, какъ попало, не заботясь о зернѣ, упавшемъ на каменистую почву. Одно удачно упавшее зерно на сто милліоновъ пропавшихъ безъ пользы, и этого достаточно¹⁾. Природа механична: это машина. Для объясненія ея дѣйствій Ренанъ беретъ такой примѣръ. „Представимъ себѣ кристаллическій сводъ на протяженіе милліардовъ лье: въ немъ находится только одно отверстіе, имѣющее въ діаметрѣ одну линію; здѣсь вѣчно бьется крыльями слѣпое насѣкомое, старающееся пройти чрезъ это отверстіе, насѣкое, наконецъ, достигаетъ успѣха, если для него существуетъ вѣчность“²⁾. Вотъ какъ дѣйствуетъ разумная природа! Природа безжалостна: она презираетъ индивидуума. Она готова „пожертвовать цѣлымъ рядомъ видовъ, чтобы другіе (нужные ей) получили необходимыя условія для своей жизни“³⁾. Всякій индивидуумъ для нея не важенъ, цѣневъ для нея только полезный человѣкъ“. А одинъ полезный человѣкъ едва-ли приходится на тысячу бесполезныхъ. Природа и безразлична. Это „великій полетъ“, который смѣется, шутитъ надъ нами, эксплуатируетъ, дурачитъ насъ, давитъ насъ за горло⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе и при такихъ отношеніяхъ къ своему дѣлу —она вполне достигаетъ своей цѣли. Есть у нея могучія средства—это инстинкты, которыми она обильно надѣлила насъ и другія существа. Изъ этихъ инстинктовъ особенно поражаютъ Ренана два: у животныхъ вообще инстинктъ материнскій, у людей—инстинктъ религіи и науки. „Присмотритесь къ тому, что касается размноженія. Природа окружаетъ предосторожностями это сокровище, этотъ источникъ вѣчной жизни. Не довольствуясь тѣмъ, что она внушила индивидууму стремленіе къ наслажденіямъ, она надѣлила его цѣлымъ рядомъ инстинктовъ, сложной сѣтью противорѣчащихъ другъ

1) Діалогъ 149 стр.

2) Діалогъ 149 стр.

3) Еще: „Природа дѣйствуетъ по отношенію къ намъ, какъ по отношенію къ толпѣ гладиаторовъ, обреченныхъ убивать другъ друга для цѣли имъ неизвѣстной“, или какъ поступилъ бы повелитель востока, употребляя мамелюковъ для тайныхъ цѣлей, избѣгая самъ показываться имъ“. Ibid. 139 стр.

4) Ibid. 135. стр.

другу чувствованій: цѣломудріемъ скромности, сладострастіемъ, стыдомъ... Злоупотребленіе наказывается природою самыми жестокими страданіями. Природа въ виду своихъ интересовъ требуетъ, чтобы женщина была цѣломудренна, а мужчина не слишкомъ. Отсюда нападки, которымъ подвергается женщина за позорное поведеніе, и наоборотъ насмѣшки надъ слишкомъ цѣломудреннымъ мужчиной¹⁾. А религія не то ли же, что „материнскій инстинкъ у птицъ“²⁾ и религіозное чувство не эквивалентно ли стремленію птицъ вить гнѣзда“³⁾. Инстинктъ самосохраненія и стремленіе человечества позвать себя и природу, а чрезъ это содѣйствовать ей въ достиженіи ея плановъ *) вотъ чрезъ что природа достигаетъ свою цѣль.

Итакъ, разумная природа при всей своей нерасчетливости, способна однако достигнуть свою цѣль!

V.

Если природа такъ злостно смѣется надъ нами, мучитъ, тиранитъ насъ, употребляетъ насъ для своихъ цѣлей, то стоить ли жить, не слѣдуетъ ли покончить съ собою, лишь только постигнешь плутни природы“?

Вопросъ вполне естественный. Какъ ни горька, какъ ни тяжела наша жизнь, отказываться отъ нея всежъ таки не слѣдуетъ. Вѣдь цѣль природы возвышена и благородна. Если природа создала насъ, если мы явились на свѣтъ, значитъ,

1) Діалогъ 134 стр. Еще: „Инстинктъ вдругъ таинственно пробуждается въ существѣ, которое его до сихъ поръ не чувствовало. Птица никогда не поспившая лицъ и по видавшая этого процесса, знаетъ однако ту естественную функцію, для которой она приспособлена“. Ibid. 138.

2) Ibid. 136 стр.

3) Ibid. 138 стр.

*) Нельзя обойти этотъ взглядъ Ренана молчаніемъ: въ немъ есть вопіющія противорѣчія. Прежде всего, одно изъ двухъ—природа или слѣпа или разумна. То и другое взаимно другъ друга исключаютъ. Но главное противорѣчіе не это. Ренанъ, какъ мы видѣли, отвергъ все сверхъестественное. Но какъ назвать эту, присущую природѣ, высшую силу, которая организуетъ Бога, которая заранѣе знаетъ къ чему она стремится, знаетъ и средства, какими она можетъ этого достигнуть, обладаетъ силою привести все это въ исполненіе? Назовемъ ли мы ее Провидѣніемъ, какъ Ренанъ, или какъ-нибудь иначе, одно несомнѣнно, что она есть нечто разумное, свободное, всемогущее, всевѣдущее, т. е. прежде всего: личность, затѣмъ, совершенная, т. е., Богъ.

мы нужны для ея цѣлей. А когда такъ, мы вмѣстѣ съ природою работаемъ для благородной цѣли. Повятно, на этомъ пути будутъ и жертвы, но что онѣ значать: вѣдь мы участвуемъ въ организаціи Бога. „Покоримся цѣлямъ природы, будемъ глупы, будемъ добровольными жертвами ея маккевіализма, приобщимся конечнымъ цѣлямъ, покоримся ей. Конечно, она обманываетъ насъ, но подчинимся ей. Цѣль ея хороша. Будемъ желать, чего она желаетъ“¹⁾. Утѣшимся мы, бѣдныя жертвы; наши слезы создадутъ Бога“²⁾. И Ренанъ вовсе не шутитъ, что снѣ явился въ свѣтъ; наоборотъ онъ желалъ бы, если то возможно, жить и жить и работать вмѣстѣ съ природою³⁾. Къ тому же онъ призываетъ и молодое поколѣніе. „Я очень сожалѣю о молодежи, которая тревожитъ себя пессимизмомъ, и говорю ей: милыя дѣти, напрасно доводить себя до головной боли, переходя отъ одного заблужденія къ другому. Вамъ двадцать лѣтъ: работайте и забавляйтесь. Если мы не видимъ никакого выхода въ метафизикѣ, за то химія, астрономія, физика, геологія, исторія полны откровеній. Сколько вы узнаете новаго, сколько вы увидите разрѣшонныхъ вопросовъ въ срокъ или пятьдесятъ лѣтъ, которые протекутъ послѣ моей смерти!“⁴⁾.

Если жизнь имѣетъ цѣнность, если отъ нея не должно отказываться, то каковъ истинный смыслъ ея, иначе, какова истинно-человѣческая жизнь? По этому вопросу въ сочиненіяхъ Ренана нѣсколько взглядовъ, такъ что С. Н. Трубецкой, нашъ извѣстный ученый, справедливо говоритъ, что „изъ сочиненій Ренана

1) Діалогія 141 стр. Таже мысль о благородной цѣли природы выражена у „Genillos détachées“: „Конечный результатъ вселенной, вѣроятно, хорошъ: иначе эта вселенная, существующая отъ вѣка, давно бы разрушилась. Предположимъ банкирскую фирму, существующую отъ вѣка. Если бы она имѣла малѣйшій недостатокъ въ своемъ основаніи, она давно бы лопнула. Если бы балансъ вселенной не заключался съ прибылью въ пользу акціонеровъ, она давно бы прекратила свое существованіе. Изъ великаго оборота добра и зла получается прибыль. Этотъ излишекъ добра и зла и есть raison d'être міра, основаніе для его сохраненія“. Русская мысль 1898 г. стр. 107.

2) 178 стр. Діалогія. Еще „повиноваться природѣ—значитъ принимать участіе въ божественномъ творчествѣ“.

3) Будущее науки II т. стр. 110.

4) Историческій Вѣстникъ 1892 г. 504.

можно было бы легко выкроить нѣсколько нравственныхъ учений и составить хрестоматію изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ и назидательныхъ страницъ его сочиненій. Онъ самъ мечтаетъ о томъ, чтобы когда нибудь такая хрестоматія въ сафьяновомъ переплетѣ попала въ церковь вмѣсто молитвенника „въ хорошей дамской ручкѣ обтянутой тонкой перчаткой“¹⁾. Изъ этихъ взглядовъ мы остановимся лишь на выраженныхъ въ „Будизмѣ науки“ и „Діалогахъ“. Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій господствующій взглядъ тотъ, по которому, смыслъ жизни сводится къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей. Что значитъ жить, спрашиваетъ Ренанъ и отвѣчаетъ: „Жить значитъ—осуществлять много прекраснаго“²⁾. А что такое добродѣтельный человѣкъ, какъ „не художникъ, который осуществляетъ много прекраснаго въ своей жизни“?³⁾ „Я, говоритъ Ренанъ, передъ даннымъ поступкомъ спрашиваю себя скорѣе о томъ, красивъ ли онъ или нѣтъ, нежели о томъ, добръ онъ или золъ“⁴⁾. Эта нравственность, да и всякая нравственность, не требуетъ точной формулировки, опредѣленныхъ правилъ. „Будь прекрасенъ, дѣлай въ каждую минуту то, что внушаетъ тебѣ твое сердце—вотъ вся мораль. Всѣ другія правила съ ихъ абсолютной формой ложны и ошибочны... Руководствоваться правилами значитъ желать поставить на мѣсто внутренней свободы заранѣе составленныя предписанія. Разнообразіе случаевъ постоянно разрушаетъ предвидѣнія. Ничто, ничто не замѣнитъ души: никакое обученіе не замѣнитъ въ человѣкѣ внушеній его природы“⁵⁾. Отъ эстетики Ренанъ часть видѣтъ прогрессъ человѣчества. „Человѣчество преобразуется лишь подъ божественнымъ вліяніемъ красоты“⁶⁾.

По „Діалогамъ“—смыслъ жизни другой: безусловное подчиненіе природѣ. „Мораль превращается въ подчиненіе; отрица-

1) Русская мысль 1898 г., стр. 105.

2) Будущее науки I т. 86 стр.

3) Ibid. II т. 62 стр. „Еще: цѣль человѣчества заключается не въ томъ, чтобы жить всякій въ свое удовольствіе, но въ созданіи прекрасныхъ и характерныхъ формъ и въ реализаціи совершенства“. Ibid. 81 стр.

4) Ibid. Русская мысль 1898 г. 109 стр.

5) Ibid. I т. 119 стр.

6) Ibid. II т. 185 стр.

ніе нравственности—это возмущеніе“¹⁾. „Моральность живетъ въ тѣхъ индивидуумахъ, которые природа обрекла на роль жертвы. Всегда будутъ добродѣтельные жертвы, готовые служить цѣлямъ природы“²⁾. Это подчиненіе природѣ должно выразиться, прежде всего, въ томъ, что „великій человѣкъ долженъ помогать (природѣ) обманывать индивидуума для пользы цѣлаго, быть механизмомъ этой великой иллюзіи, проповѣдая людямъ добродѣтель, зная хорошо, что они не извлекутъ изъ нея никакой личной пользы, дѣйствовать, какъ полководецъ, ведущій на смерть людей для цѣли, которой они не знаютъ и не могутъ оцѣнить. Мы работаемъ для Бога, какъ пчела создаетъ медъ для человѣка, не зная этого“³⁾. Но для того, чтобы понять планы природы и содѣйствовать ей въ достиженіи ея цѣлей,—необходима наука. Вотъ вторая наша обязанность. Безнравственно было бы самому только обладать благами культуры, необходимо сообщать ихъ народу, тогда „нравственность резюмируется въ такихъ великихъ словахъ: возвышайте народъ“⁴⁾. Наконецъ, подчиненіе природѣ выражается и въ непрекословномъ преданіи себя, безъ ропота, „плутнямъ, плуткамъ“ природы, въ чемъ бы онѣ не выражались⁵⁾. Итакъ, по „діалогамъ“ всѣ наши нравственные обязанности можно выразить въ трехъ правилахъ: содѣйствовать природѣ въ достиженіи ея благородной цѣли, учиться и учить другихъ.

Нельзя сказать, чтобы нравственное ученіе Ренана было безкорыстно. За исполненіе указанныхъ обязанностей онъ обѣщаетъ безсмертіе—онъ, врагъ церковнаго ученія о будущемъ мздовоздаяніи. Но какъ онъ понимаетъ безсмертіе? Безсмертіе это никакъ не личное существованіе послѣ смерти. Это „фантастическое безсмертіе“; опытъ о немъ ничего не говоритъ. Нѣтъ, истинное безсмертіе есть пребываніе своими дѣлами, способствовавшими прогрессу человѣчества, въ общей суммѣ всего сдѣланнаго для прогресса. „Безсмертіе состоитъ въ работѣ надъ чѣмъ-нибудь вѣчнымъ... Наказаніе злыхъ, и суетныхъ будетъ состоять въ небытіи“⁶⁾. „Нужно предположить, что

1) Диалоги 140 стр.

2) Ibid. 137 стр.

3) Диалоги 140 стр.

4) Будущее науки 2 т. стр. 53.

5) См. 69 и 70 стр.

6) Предислов. къ Б. п. стр. 13.

всѣ жертвы, принесенныя нами прогрессу, будутъ возвращены въ безконечности путемъ какого-то безсмертія, которое когда-нибудь будетъ открыто наукой о нравственности и которое такъ будетъ относиться къ фантастическому безсмертію прошедшаго, какъ Версальскій дворець—къ карточному домику“¹⁾.

Въ иныхъ мѣстахъ это безсмертіе сводится къ памяти въ потомствѣ. „Жизнь человѣка краткая, но память людей вѣчная и только въ этой памяти дѣйствительно живетъ человѣкъ“²⁾.

Мы видѣли, что по „Будущему науки“ смыслъ жизни въ эстетикѣ, а по „Диалогамъ“ въ подчиненіи природѣ и культурномъ развитіи. Но въ тѣхъ-же самыхъ сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ и сомнѣнія относительно нравственности. Въ исторіи много нравовъ, много моралей, много нравственныхъ героевъ и проповѣдниковъ, но нѣтъ „единой нравственности“; нравственность относительна; поэтому „наиболѣе благоразумный совѣтъ, который здѣсь представляется, есть, повидимому, особая обоюдоострая мудрость одинаково готовая къ обоимъ исходамъ,—средній путь, слѣдующему ни въ какомъ случаѣ не придется признать ошибку... Быть готовымъ на все,—въ этомъ, можетъ быть, и состоитъ мудрость. Предаваться, смотря по временамъ, довѣрчивости, скептицизму, оптимизму, ироніи—вотъ средство быть увѣреннымъ въ томъ, что мы хотя бы минутами не ошибались“³⁾. Поэтому-то „я живу полной жизнью вселенной, благодаря тому роду общаго чувства, которое дѣлаетъ веселыми насъ тамъ, гдѣ весело, и печальными тамъ, гдѣ грустно. Такимъ образомъ, я наслаждаюсь удовольствіями человѣка, живущаго наслажденіями, дебошами дебошира, суетностью свѣтскаго человѣка, святостію добродѣтельнаго, соверщеніемъ умнаго, аскетизмомъ отшельника. По какой то тайной симпатіи я воображаю себя ихъ сознаниемъ“⁴⁾.

Такъ и здѣсь Ренанъ пришелъ въ концѣ концовъ къ скептицизму.

1) Будущ. н. т. 1, 71 стр. ср. 100, 143—146; 2-ст. 187 стр. Диалоги. 170—178.

2) Историческій Вѣстникъ 1892 г. стр. 516.

3) Русская Мысль 1898 г. 107 стр.

4) Диалоги 170 стр.

VI.

Нѣсколько словъ еще по поводу социальныхъ и политическихъ воззрѣній Ренана. Ограничимся его болѣе или менѣе оригинальными взглядами.

Изъ социальныхъ взглядовъ, обращаетъ вниманіе—его аристократизмъ. Онъ проповѣдуетъ неравенство людей, неравенство классовъ; неравенство націй. Коммунизмъ ему тоже не по душѣ „теперь слѣдуетъ проповѣдывать индивидуализмъ“¹⁾. Источникъ, субъективный корень этого неравенства, „лежитъ въ самой природѣ: оно является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ самой свободы, а свобода неизбѣжно постулатъ человѣческаго прогресса“²⁾. Основаніемъ дѣленія на классы служитъ степень ихъ культурности. Какъ мы видѣли³⁾, цѣль природы созданіе Бога; толпа этого не можетъ сдѣлать. Надъ нею долженъ возвышаться классъ людей, который бы управлялъ ею, господствовалъ надъ нею, указывалъ бы ей истинный путь, истинную задачу, въ достиженію которой бы она стремилась. Но и этотъ классъ не надеженъ. Въ цѣляхъ прогресса во главѣ всѣхъ необходимо долженъ стоять одинъ человѣкъ. „Въ государствѣ, управляемомъ государемъ, располагающимъ вооруженною силою, можно имѣть болѣе увѣренности, потому что знаешь, что общество имѣетъ охрану противъ собственныхъ заблужденій. Но невольно становишься робокъ, когда общество полагается только на самого себя и когда является боязнь, какъ-бы слишкомъ сильнымъ вздохомъ не поколебать хрупкое зданіе, подъ которымъ оно уврывается“⁴⁾. Г

Одно лицо, отоящее во главѣ государства, необходимо условіе для прогресса человѣчества. Второе такое условіе—это революціи, бунты и войны. „Истинной оредой, въ которой развивается человѣческой духъ, является движеніе, войны, волненія; буря является колыбелью генія и величайшія творенія человѣческой мысли явились въ эпоху смуть“⁵⁾. Свои

1) Будущее науки 2 т. стр. 94.

2) Ibid предисл. 8 стр.

3) См. гл. IV.

4) Предисловіе къ 12 діалогамъ.]

5) Будущее науки II т. стр. 100.

бодя не способствуетъ развитію человѣческаго духа; для этого необходимы всевозможныя стѣсненія. Не благосостояніе и не свобода содѣйствуютъ проявленію оригинальныхъ сторонъ человѣческаго духа, а среда великихъ событий, всемірной жизни, картины революцій, огонь страстей, вызванныхъ борьбой... Работа духа сильно понижается, когда человечество всѣмъ довольно“¹⁾. Новая великая идея, двигающая человечество, сообщающая новое направленіе всей цивилизаціи, всегда являлись въ трудныя и тяжелыя политическія времена, времена—террора. Доказать это исторически нетрудно. Возьмемъ, напр., появленіе Христа: „Появленіе Христа было бы необъяснимо въ средѣ урегулированной послѣдовательности. Оно объясняется тѣмъ своеобразнымъ вихремъ, который овладѣлъ тогда умами іудеевъ. Эти торжественныя моменты, когда человѣческій духъ въ крайнемъ возбужденіи, не находя исхода, порождаетъ самыя разнообразныя феномены, суть моменты великихъ откровеній. Если бы подобный порядокъ вещей повторился, феномены снова возродились бы и мы бы ихъ снова увидѣли не въ образѣ индивидуумовъ, а въ видѣ новаго откровенія духа, которое господствовало бы, какъ таковое, не одицетворяясь тѣмъ или инымъ образомъ“²⁾. Этимъ и окончимъ слабую попытку понять Ренана.

* * *

Интересно знать, подъ какимъ вліяніемъ сложились у Ренана такіе своеобразныя взгляды. Въ началѣ было уже замѣчено, что въ его воззрѣніяхъ множество обломковъ великихъ философскихъ системъ, не объединенныхъ, не связанныхъ между собою. Остатки какихъ же системъ особенно выдѣляются у Ренана.

Несомнѣнно, замѣтное вліяніе на него оказалъ Кантъ. Это видно изъ опредѣленія имъ Бога, какъ категоріи идеала³⁾; взгляда его на міръ, какъ на міръ феноменовъ⁴⁾. Замѣтно

1) Ibid 102 стр.

2) См. 37 стр.

3) См. 37 стр.

4) 54 стр.

вліяніе и Гегеля. Оно выразилось въ опредѣленіи Бога, какъ имѣющаго еще быть, постепенно развивающагося, пока, наконецъ, не достигнетъ тайнаго развитія и опредѣленія въ существѣ, вышшемъ, чловѣка ¹⁾). Не остался обойденнымъ и Спиноза; вслѣдъ за нимъ Ренанъ отказывается опредѣлять Бога, такъ какъ опредѣленіе Его есть отрицаніе ²⁾). Наконецъ, значительная дань отдана и Шопенгауэру, въ особенности, въ первомъ діалогѣ. Какъ у Шопенгауэра міровая воля для своего сохраненія и удовлетворенія пользуется всѣми міровыми явленіями, такъ у Ренана дѣлаетъ то же природа—Провидѣніе ³⁾). Послѣ этого понятно, почему Ренана одинъ изслѣдователь относитъ къ одной школѣ, другой къ другой.

Но вліяніе нѣмецкихъ школъ на міросозерцаніе Ренана въ общемъ было частично. Если внимательно взглянуть въ „систему“ Ренана, то въ авторѣ ея мы ясно увидимъ француза, а никакъ не вѣмца: предъ нами ясно выступаютъ характеристическія особенности французской философіи. Вся разница философіи Ренана по сравненію съ другими философскими системами состоитъ въ томъ, что здѣсь особенности французскаго генія или доведены до крайности или обезображены своеобразнымъ пониманіемъ ихъ и перестановкою, отчего и получилась такая чудовищность ея.

Чтобы оправдать этотъ отзывъ о философіи Ренана, необходимо возможно кратко посмотрѣть на особенности французской философіи ⁴⁾.

Основное направленіе или характеръ французской философіи, въ отличіе отъ нѣмецкой, называютъ фидеизмомъ. Этимъ хотятъ указать на то, что французская философія вѣритъ въ.

¹⁾ 42—48 стр.

²⁾ См. стр. 39.

³⁾ См. стр. 62—64. Можно упомянуть о вліяніи Дарвина. Но это вліяніе скорѣе не философа, а естествовѣда. А оно, дѣйствительно, было сильно и значительно. Гдѣ-то въ „Будущемъ науки“ Ренанъ говоритъ: „если бы я сталъ заниматься естественными науками, то впередъ и лучше пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что и Дарвинъ“.

⁴⁾ Особенности французской философіи изложены по статьѣ г. Введенскаго: „Очеркъ современной французской философіи“. Вѣра и Разумъ 1898 г. II т. I ч. отд. фн.

бытіе Первовиновника міра, въ Промыслителя. Не то ли же мы видимъ у Ренана? Правда онъ на словахъ отвергъ бытіе личной Силы, управляющей міромъ по своей „природѣ“ или Провидѣнію онъ приписалъ такія свойства, что мы вынуждаемся признать ее совершенною, абсолютною личностію, т. е. Богомъ ¹⁾).

Другая особенность французской философіи—въ самомъ пониманіи предмета и науки философіи. Французскіе философы, признавая за нею самостоятельность, видятъ близкое сродство ея съ поэзіей, искусствомъ, религіей, нравственностію и спеціальными науками. При такомъ взглядѣ на философію нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не слить философію съ не родною ей областію. Но стѣитъ только усумниться въ самостоятельности ея и она превратится во что-то неопредѣленное, въ своеобразный взглядъ на вещи, въ мечту, въ религію, въ поэзію и пр. А Ренанъ отвергъ ея самостоятельность и сблизилъ ее съ филологіей или свелъ на мечту ²⁾).

Далѣе, французская философія не особенно любитъ отвлеченности, сухія логическія доказательства ей не по душѣ, въ концѣ концовъ она опирается на религіозно-нравственные постулаты. Ренанъ и здѣсь идетъ по стопамъ ея, только постулатами для него служатъ инстинкты.

Наконецъ, и послѣдняя особенность французской философіи: признаніе за природою самостоятельности, хотя и относительной, отразилось на Ренанѣ. Ренанъ призналъ за нею не только самостоятельность, но приписалъ ей разумность, вообще, абсолютировалъ ея ³⁾).

Французская философія отличается отъ нѣмецкой и по своей внѣшней сторонѣ: красота слога и стиля занимаютъ здѣсь не послѣднее мѣсто. Стиль же Ренана, поистинѣ, прекрасенъ даже и въ переводѣ. Онъ самъ сознается, что „форма, слогъ составляютъ (въ философіи) $\frac{3}{4}$ самой мысли и это не злоупотребленіе, какъ утверждаютъ нѣкоторые пуритане“. И рѣзко

¹⁾ См. 66 стр. примѣчаніе.

²⁾ I гл. и 20—21 стр.

³⁾ См. 62—68, 66—67 стр.

взгляды: „тѣ, кто разлагаются противъ стня и красоты формы въ философскихъ и нравственныхъ наукахъ, не понимаютъ истинную природу результатовъ этихъ наукъ и тонкость, деликатность ихъ началъ“¹⁾.

Итакъ, взгляды Ренана—чисто національные: они выработались подъ вліяніемъ идей національной философіи, принявъ, впрочемъ, и иностранные элементы. Но вслѣдствіе широкой, свободной фантазіи, случилось, то, что „собственною стихіею Ренана сдѣлалась окрашенная поэтическимъ колоритомъ, прихотливая, хотя и блестящая игра въ парадоксы,—то сдержанные и красивые, то развязные, а иногда необузданно свободные и переходящіе въ рѣшительное кощунство“²⁾.

* * *

1) Русская мысль 1898 г. стр. 105.

2) „Ира и Разумъ“ 1898 г. стр. 51.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9 1906 года.

Содержаніе. I. Именные Высочайшіе указы.—Высочайшій приказъ.—Опрезвѣненія Святѣйшаго Синода.—Списокъ священниковъ церквей Харьковской епархіи, удостоенныхъ Его Высокопреосвященствомъ награжденія скуфьею и набедренникомъ къ 6 мая 1906 года за усердную ихъ службу.—Епархіальныя извѣщенія.—Пріемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей въ продолженіе мѣсяца 1906 года у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

I.

Именные Высочайшіе Указы.

данные Правительствующему Сенату:

Апрѣля 26-го. „Двора Нашего гофмейстеру, сенатору князи *Ширинскому Шижматову*—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ гофмейстеромъ и въ званіи сенатора“.

Апрѣля 26-го. „Двора Нашего въ званіи камергера, Саратовскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику *Столтыну*—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи“.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по Вѣдомству Православнаго исповѣданія 6-го мая, награждаются орденами: *св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени* преподаватель Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ *Николай Протопоповъ*; *св. Анны 2-й степени* преподаватель Харьковской духовной семинаріи, статскій совѣтникъ *Николай Гогинъ*; *св. Анны 3-й степени* учителя духовныхъ училищъ, надворные совѣтники: *Купянскаго, Иванъ Гогинъ* и *Харьковскаго, Иванъ Лихниукій*, столоначальникъ Харьковской духовной консисторіи, коллежскій ассесоръ *Павлинъ Козловскій*; *св. Станислава 3-й степени* надзиратель за воспитанниками въ *Купянскомъ* духовномъ училищѣ, надворный совѣтникъ *Виссаріонъ Смирнскій*, помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи *Павель Красинъ*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I.

Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 28 апрѣля, 1906 г. за № 4781, 1) протоіерей *Іоаннъ Знаменскій* уволенъ, согласно прошенію, отъ должности ректора Харьковской Духовной Семинаріи, 2) Инспекторъ Харьковской Духовной Семинаріи священникъ *Алексѣй Юшковъ* назначенъ ректоромъ той же семинаріи, съ возведеніемъ его, на основаніи § 24 устава, въ санъ протоіерея, 3) Помощникъ инспектора Харьковской Духовной Семинаріи *Леонидъ Багрецовъ* назначенъ инспекторомъ той же семинаріи.

II.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Преосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 26-го минувшаго апрѣля, за № 62, съ ходатайствомъ объ увольненіи бывшаго ректора Харьковской Духовной Семинаріи протоіерея Іоанна Знаменскаго отъ должности редактора журнала „Вѣра и Разумъ“ и о назначеніи на сію должность бывшаго инспектора, а нынѣ ректора названной семинаріи священника Алексѣя Юшкова. *Приказали:* Во уваженіе настоящаго ходатайства Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: уволить протоіерея Іоанна Знаменскаго отъ должности редактора журнала „Вѣра и Разумъ“, назначить на сію должность ректора Харьковской Духовной Семинаріи священника Алексѣя Юшкова; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ, а въ канцелярію Оберъ-Прокурора передать выписку изъ сего опредѣленія на предметъ увѣдомленія главнаго управленія по дѣламъ печати. Мая 5 дня 1906 года. Подлинный подписанъ: Оберъ-Секретарь и Секретарь.

На подлинномъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1906 мая 6. Въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“: ректору Семинаріи о. Алексѣю Юшкову и д. с. с. Константину Е. Истомину; о. прот. Знаменскому объявить и принять отъ него редакціонныя деньги, имущество, книги, — при участіи дѣлопроизводителя редакціи Л. Багрецова. О послѣдующемъ довести мнѣ. Копію сего указа послать въ Консисторію. А. Арсеній“.

СПИСОКЪ

священниковъ церквей Харьковской епархіи, удостоенныхъ Его Высокопреосвященствомъ награжденія скуфьею и набедренникомъ къ 6-го мая 1906 года, за усердную ихъ службу.

А) Награждены скуфьею: Успенской церкви г. Ахтырки, священникъ Владиміръ *Загурскій*; Архангело-Михайловской церкви, слоб. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Дмитрій *Прокофьевъ*; Троицкой церкви, села Корбичныхъ-Ивановъ, того же уѣзда, священникъ Афанасій *Дюковъ*; Дмитріевской церкви, сл. Тарасовки, того же уѣзда, священникъ Григорій *Любинскій*; Преображенской церкви, села Колонтаева, того же уѣзда, священникъ Поликарпъ *Бугуцкій*; Троицкой церкви, слоб. Перекопа, Валковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Меньковскій*, Всѣхсвятской церкви, села Старога Мерчика, того же уѣзда, священникъ Адрианъ *Уманцевъ*; Покровской церкви, села Великаго, Волчанскаго уѣзда, священ. Петръ *Никитинъ*; Успенской церкви, сл. Николаевки 2-й, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Өоминъ*; Покровской церкви, села Рубленого, того же уѣзда, священникъ Александръ *Алферовъ*; Вознесенской церкви, села Скрыпаевъ, Зміевского уѣзда, священникъ Платонъ *Шивоваровъ*; Преображенской церкви, села Борокъ, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Гумилевскій*; Богородичной церкви, сл. Изюмца, Изюмскаго уѣзда, священникъ Григорій *Драновскій*; Троицкой церкви, сл. Гусаровки, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Соколовскій*; Успенской церкви сл. Камаровки, того же уѣзда, священникъ Александръ *Ковалевъ*; Воскресенской церкви г. Славянска, того же уѣзда, священникъ Григорій *Навродскій*; Васильевской церкви, села Сергѣевки, того же уѣзда, священникъ Анатолій *Бѣлоусовъ*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Волосской-Балаклейки, Кунянскаго уѣзда, священникъ Василій *Мухинъ*; Іоанна-Богословской церкви, с. Ново-Александровки, того же уѣзда, священникъ Сергій *Чугаевъ*; Успенской церкви, сл. Сватовой-Лучки, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Дементьевъ*; Крестовоздвиженской церкви, сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Александровъ*; Николаевской церкви, сл. Мартыновки, того же уѣзда, священникъ Александръ *Заграфскій*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Ольшановой, того же уѣзда, священникъ Алексій *Грищенко*; Успенской церкви, с. Лучки, Сумскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Рубинскій*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Дмитрій *Шичловъ*; Владимірской церкви, села Лознаго, того же уѣзда, священникъ Василій *Твердохльбовъ*; Вознесенской церкви, сл. Осинової, того же уѣзда, священникъ Поликарпъ *Пестряковъ*; Георгіевской церкви,

села Можнякова, того же уѣзда, священникъ Николай *Поповъ*; Рождество-Богородичной церкви, сл. Штормовой, того же уѣзда, священникъ Петръ *Любарскій*; Иоанно-Предтечянской церкви, сл. Варваровка, того же уѣзда, священникъ Анатохій *Мухомъ*; Николаевской церкви, с. Жихора, Харьковскаго уѣзда, священникъ Иоаннъ *Колужный*; Покровской церкви, с. Островерховки, того же уѣзда, священникъ Елеазаръ *Черняевъ*; Рождество-Богородичной церкви, сл. Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Александръ *Захарьевъ*; Рождество-Богородичной церкви, села Удѣ, того же уѣзда, священникъ Иоаннъ *Дикаревъ*; Крестовоздвиженской церкви, с. Русскихъ-Тишковъ, того же уѣзда, священникъ Иоаннъ *Ильинскій*; Амвросіевской церкви при Епархіальномъ Оиротскомъ Приютѣ, священникъ Феодоръ *Домнижскій*; Еватериненской церкви, сл. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, священникъ Митрофанъ *Щербина*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Лимана, Зміевскаго уѣзда, священникъ Сергій *Павловскій*; Троицкой церкви, слоб. Малой Комышевахи, Изюмскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Шокотовъ*; Покровской церкви, села Купьяго, того же уѣзда, священ. Митрофанъ *Лазаревскій* и Б) набедренникомъ: Александро-Невской церкви г. Харькова, свящ. Александръ *Сокольскій*; Рождество-Богородичной церкви, сл. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Викторъ *Пономаревъ*; Николаевской церкви, г. Краснокутска, того же уѣзда, священникъ Анатохій *Снѣсаревскій*; Благовѣщенской церкви, сл. Шаровки, того же уѣзда, священникъ Иоаннъ *Кулешовъ*; Николаевской церкви, с. Болонтаева, того же уѣзда, священникъ Феодоръ *Томариновъ*; Рождество-Богородичной церкви, слоб. Волоховки, Волчанскаго уѣзда, священникъ Іаковъ *Власовскій*; Вознесенской церкви, села Грачевки, того же уѣзда, священникъ Николай *Васютинъ*; Троицкой церкви, сл. Охотѣй, того же уѣзда, священникъ Иоаннъ *Федоровъ*; Воскресенской церкви, сл. Андреевки, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Рубинскій*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Шебелянки, того же уѣзда, священникъ Григорій *Мураховскій*; Космо-Даміановской церкви, слоб. Лозовеньки, того же уѣзда, священникъ Веніаминъ *Богдановъ*; Архангело-Михайловской церкви, с. Верхняго Бишвина, того же уѣзда, священникъ Феодоръ *Сильванскій*; Преображенской церкви, села Преображенскаго, того же уѣзда, священникъ Василій *Башиинскій*; Архангело-Михайловской церкви, сл. Малиновой, того же уѣзда, священникъ Василій *Бедошльбовъ*; Соборной Преображенской церкви, г. Изюма, священникъ Александръ *Рубинскій*; Покровской церкви, г. Изюма, священникъ Сергій *Свиридовъ*; Григоріевской церкви, сл. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, священникъ Сергій *Любичскій*; Рождество-Богородичной церкви, села Щурова, того же уѣзда, свящ. Сергій *Шипулинъ*; Предтеченской церкви;

с. Пашкова, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Полмикий*; Воскресенской церкви, с. Гороховатки, Купянскаго уѣзда, священникъ Петръ *Новгородскій*; Николаевской церкви, с. Наугольновки, того же уѣзда, священникъ Лаврентій *Раевскій*; Покровской церкви, сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Георгій *Курячій*; Іоанно-Богословской церкви, с. Лубянки, того же уѣзда, священникъ Алексій *Смирновъ*; Петро-Павловской церкви, сл. Шаровой, того же уѣзда, священникъ Прокопій *Поповъ*; Рождество-Богородичной церкви, сл. Ново-Бѣленькой, того же уѣзда, священникъ Владиміръ *Краснокутскій*; Іоанно-Богословской церкви, с. Павленкова, того же уѣзда, священникъ Алексій *Макаровскій*, Вознесенской церкви, сл. Семезовки, того же уѣзда, священникъ Григорій *Карновъ*; Николаевской церкви, с. Николаевки, того же уѣзда, священникъ Іоанъ *Грабовскій*; Вознесенской церкви, с. Чебановки, того же уѣзда, священникъ Іоанъ *Жуковъ*; Іоанно-Предтеченской церкви, с. Озерянки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Константинъ *Владиковъ*; Покровской церкви, с. Безлюдовки, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Горанъ*; Николаевской церкви, с. Синолицевки, того же уѣзда, священникъ Евфимій *Поповъ*; Покровской церкви, села Полеваго, того же уѣзда, священникъ Николай *Водановъ*; Рождество-Богородичной церкви, с. Удѣ, того же уѣзда, священникъ Григорій *Поповъ*; Христо-Рождественской церкви, с. Одноробовки, того же уѣзда, священникъ Петръ *Жадко-Базилевичъ*; Митрофаніевской церкви, сл. Данцловки, Изюмскаго уѣзда, священникъ Николай *Рубинскій*; Воскресенской церкви г. Лебедина, священникъ Іоанъ *Исиченковъ*; Знаменской церкви, сл. Протопоповки, Лебединскаго уѣзда, священникъ Григорій *Филевскій*; Николаевской церкви, сл. Веревкиной, Изюмскаго уѣзда, священникъ Платонъ *Базилевичъ*; Александро-Невской церкви, с. Александровки, того же уѣзда, священникъ Венедиктъ *Филевскій*; Рождество-Богородичной церкви, сл. Поповки, Купянскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Николаевскій*; Рождество-Богородичной ц., с. Лозовато, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Василій *Кыновскій*; Васи́левской ц., с. Дорожнаго, Зміевскаго уѣзда, священникъ Іоанъ *Василевскій*; Покровской ц., с. Раздолья, того же уѣзда, священникъ Евлампій *Черняевъ*; Крестовоздвиженской ц., сл. Лимана, того же уѣзда, священникъ Матвій *Любимій*; Софійской ц., сл. Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда, священникъ Димитрій *Журиченко*; Покровской церкви, сл. Рѣздодуба, того же уѣзда, священникъ Василій *Сукачевъ*; Казанско-Богородичной церкви, с. Ильмовѣ, Сумскаго уѣзда, священникъ Евгений *Тереню*; Успенской церкви, сл. Малой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Талмачевъ* и Софійевской церкви, села Малой-Алексѣевки, того же уѣзда, священникъ Григорій *Егоровъ*.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Бывшій Ректоръ Харьков. Духов. Консисторіи, протоіерей Іоаннъ *Знаменскій* опредѣленъ 1-го мая с. г. на 2-е священническое мѣсто при Іоанно-Усѣкновенской церкви, Харьковскаго городского кладбища.

б) Учитель церковно-приходской школы Александръ *Караичевъ* опредѣленъ 21 апрѣля на діаконское мѣсто при Троицой церкви, слоб. Черняговки, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Мѣщанинъ Алексѣй *Мацеторовъ* опредѣленъ 21 апрѣля н. г. н. д. псаломщика къ церкви села Старога-Мерчика, Валковскаго уѣзда.

г) Учитель двухкласснаго сельскаго училища Максимъ *Орленко* опредѣленъ 16 апрѣля н. г. н. д. псаломщика къ Іоанно-Предтечевской церкви, села Основы, Харьковскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

Діаконъ Архангело-Михаиловской церкви, слободы Шебелинки, Зміевского уѣзда, Свмеонъ *Власовскій* перемѣщенъ 21-го апрѣля н. г. на діаконское мѣсто къ церкви, сл. Линивки, Зміевского уѣзда.

б) Псаломщикъ церкви Булацеловки, Зміевского уѣзда, Иванъ *Кучеренко* перемѣщенъ 21 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при вновь устроенной церкви села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

3. Обь увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Благовѣщенской церкви, села Богославскаго, Изюмскаго уѣзда, Феодоръ *Приходьковъ* уволенъ за штатъ 22 апрѣля.

б) Псаломщикъ Іоанно-Предтечевской церкви, села Основы, Харьковскаго уѣзда, Николай *Шишкинъ* уволенъ за штатъ 16 апрѣля 1906 г.

4. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Алексѣй *Пономаревъ*, умеръ 28 апрѣля.

б) Діаконъ Александро-Невокой церкви, села Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда, Андрей *Шивоваровъ* умеръ 21 апрѣля 1906 года.

в) Псаломщикъ Георгіевской церкви, слоб. Павловки, Богодуховскаго уѣзда, Иванъ *Романцовъ* умеръ 16 апрѣля сего года.

5. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ церкви, сл. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, *Василій Зеленскій* утвержденъ 21 апрѣля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

б) Священникъ Успенской церкви, слоб. Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, Викторъ *Евфимовъ* утвержденъ 24 апрѣля н. г. законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Діаконъ церкви села Рубленаго, Волчанскаго уѣзда, Іоаннъ *Феодоровъ* утвержденъ 25 апрѣля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

6. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Малыхъ Приходовъ, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою крест. Трофимъ *Бьлозеровъ*.

б) Къ церкви при станціи Люботанъ Х.-Н. жел. дор. утвержденъ 5 мая старостою инженеръ Павелъ *Глазковъ*.

в) Къ церкви слоб. Ординки, Валковскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою кр. Максимъ *Бьлоцерковскій*.

г) Къ Успенской церкви, слоб. Заводы, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая н. г. старостою кр. Федоръ *Тюфоровскій*.

д) Къ церкви, слоб. Верхней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда утвержденъ 5 мая н. г. старостою крестьянинъ Павелъ *Домаревъ*.

е) Къ Сергіе-Анастасіевской церкви, слоб. Ольшаны, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою кр. Григорій *Изъеменко*.

ж) Къ церкви слоб. Александровки, Изюмскаго уѣзда, 5-го мая старостою кр. Стефанъ *Литвиновъ*.

з) Къ церкви слоб. Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда утвержденъ 6 мая старостою кр. Дмитрій *Бондарь*.

і) Къ церкви сл. Лимапа, Изюмскаго уѣзда утвержденъ 5 мая старостою кр. Павелъ *Омякъ*.

н) Къ церкви села Долгинькаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 5 мая старостою кр. Евфимъ *Коноваловъ*.

7. Обь утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Бывшій ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, протоіерей Іоаннъ *Знаменскій* назначень, 1-го мая, цензоромъ проповѣдей.

б) Священникъ Харьковскаго кафедральнаго, собора, Григорій *Виноградовъ* назначень, 1 мая, членомъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства.

в) Священникъ Харьковской, Преображенской церкви Пётръ *Оминъ* (онъ же членъ консисторіи) назначенъ, 1-го мая, членомъ Харьковского Епархіального миссіонерскаго Совета.

г) Преставленъ Харьковской Рождество-Богородичной церкви Василій *Добровольскій* назначенъ 1-го, мая благочиннымъ 2 округа гор. Харькова.

8. Объ открытіи приходоу и причтовыхъ вакансій.

а) При вновь устроенной Θεодосіевской церкви, въ селѣ Михайловкѣ, Старобѣльскаго уѣзда открыть, Св. Синодомъ самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика, съ назначеніемъ причту жалованья отъ казны по 400 руб. въ годъ.

б) При церквяхъ: Василіевской, слоб. Елифановки, Старобѣльскаго уѣзда и Николаевской церкви, слоб. Богодаровой того же уѣзда упразднены Св. Синодомъ (21 апрѣля вторыя псаломщицкія вакансіи и открыты вмѣсто оныхъ, штатныя діаконскія вакансіи).

в) При Вознесенской церкви, слоб. Люботина, Валковскаго уѣзда, одна священническая и одна псаломщицкая вакансія упразднена и открытъ взаимѣнъ сего самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика при церкви хутора Яловенкова, Валковскаго уѣзда.

9. Вакантныя мѣста.

а) Священническая.

При Сергіевской церкви Харьковской 2-й гимназіи.

- Θεодосіевской церкви, села Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, слоб. Михайловки, Старобѣльскаго у.
- Преображенской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.
- Благовѣщенской церкви, села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, слоб. Баллуновки, Богодухов. уѣзда.

б) Діаконскія.

При Преображенской церкви на мѣстѣ чудеснаго событія 17 октября 1888 г.

- Николаевской церкви, слоб. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда.
- Александро-Невской церкви, села Рай-Александровки, Изюмскаго у.

в) Псаломщицкія:

При Харьковской Институтской Маріе Магдалинской церкви.

- Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
- Осіе-Андреевской церкви Харьковскаго Реального училища.
- Братоволадимиренской церкви города Харькова.
- Георгіевской церкви, слоб. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.

П Р І Е М Ъ

должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей въ продолженіе лѣта 1906 года у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, возвращается изъ С.-Петербурга въ Харьковъ къ 20-му мая сего года.

Въ продолженіе настоящаго лѣта (1906 г.) Его Высокопреосвященство, принимаетъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ лицъ, имѣющихъ надобность, *два раза въ недѣлю—по Вторникамъ и Пятницамъ, въ городскомъ Архіерейскомъ домѣ:* въ 10 час. утра должностныхъ лицъ, въ—12 час. дня просителей и другихъ лицъ—до 2-хъ час. по полудни.

Въ загородномъ домѣ (въ Всѣхсвятскомъ) приема не бываетъ.

II.

Содержаніе. II. День обновленія нравственнаго облика земли русской. (По поводу открытія Государственной Думы). В.—17-е октября 1888 года и 17-е октября 1905 года. Священника Д. Ромашкова.—Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. (Продолженіе). Священника П. Вознесенскаго.—Епархіальная хроника.—Примѣчательный случай.—Какъ исповѣдуется кѣра простымъ народомъ въ глухихъ и мало просвѣщенныхъ мѣстахъ Россіи.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Предложеніе Преосвященнаго Серафима, епископа Орловскаго, Духовной Консисторіи.—О содѣйствіи духовенства корпораціямъ духовно-учебныхъ заведеній въ дѣлѣ улучшенія учебно-воспитательной части.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Гербовый сборъ.—О преобразованіяхъ въ жизни монастырей.—Объявленія.

ДЕНЬ ОБНОВЛЕНІЯ ПРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

(По поводу открытія Государственной Думы).

27-го апрѣля текущаго года исполнилось то, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ждала вся Россія. „Лучшіе люди земли Русской“ встали лицомъ къ лицу съ Царемъ. Насталъ великій день новой жизни Россіи!....

Съ ранняго утра въ Петербургѣ народъ устремился къ Зимнему дворцу. Длинными веренищами тянулись ко всѣмъ его, подъѣздамъ авицажи съ сановниками и выборными Русской земли. Къ 11 часамъ оживленіе увеличивается. Залы дворца,

куда съѣхались всѣ, имѣвшіе право быть тамъ въ этотъ день, представляли красивую картину. Здѣсь въ полномъ составѣ были: Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Государственная Дума. Эти учрежденія заняли Георгіевскій залъ. Тутъ же находился въ полномъ составѣ совѣтъ министровъ, во главѣ съ И. Л. Горемыкинымъ. Рядомъ съ нимъ стояли министръ финансовъ ст. секр. Коковцовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ, министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Кауфманъ, морской министръ А. А. Бирилевъ, военный министръ Редигеръ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствъ Стишинскій, министръ юстиціи П. Г. Щегловитовъ.—Общее вниманіе обращено на присутствіе недавно еще властныхъ министровъ С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

Въ концѣ Георгіевскаго зала былъ поставленъ царскій тронъ. Для Государынь Императрицъ, когда Онѣ прибыли и Императоръ изволилъ занять свое мѣсто, были поданы два кресла. По правую сторону отъ Государя размѣстился Государственный Совѣтъ. По лѣвую Сенатъ и Государственная Дума, съ временнымъ предсѣдателемъ д. т. с. Фришемъ во главѣ. Тутъ же въ залѣ находились: с.-петербургскій губернаторъ, городскіе головы Петербурга и Москвы Рѣзцовъ и Гучковъ, губ. пред. дворянства гр. Гудовичъ. Военные заняли громадный Гербовый залъ. Напротивъ военныхъ расположились придворныя дамы и дамы, имѣющія пріѣздъ ко Двору, въ великолѣпныхъ русскихъ платьяхъ. Концертный и Николаевскій залъ также были заняты собравшимися на Высочайшій выходъ.

Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Петербургъ изъ Петергофа на императорской яхтѣ „Александрія“ и сперва посѣтили Петропавловскій соборъ, а затѣмъ прослѣдовали въ Зимній Дворецъ.

Когда все было готово въ шествію, министръ Императорскаго Дворца доложилъ объ этомъ Его Величеству. Послѣдовалъ Высочайшій выходъ.

Выходъ начинали скороходы, за ними по два въ рядъ шли гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры. Два церемоніймейстера съ жезлами и оберъ-церемоніймейстеръ съ золотымъ жезломъ начинали шествіе придворныхъ чиновъ.

Статсъ секретарь Мансуровъ несъ государственную печать; генераль-адъютантъ, графъ Игнатьевъ несъ государственное знамя; ген. адъют. Рихтеръ—корову; ген.-отъ-инфант. Роопъ—государственный мечъ на золотой подушкѣ; ген.-ад. баронъ Мейендорфъ—державу; ген. ад. князь Голлицынъ I—скипертъ.

Государь Императоръ шелъ въ преображенскомъ мундирѣ; съ цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго и въ лентѣ св. Александра Невскаго. Государыни Императрицы шли рядомъ въ бѣлыхъ сарафанахъ съ длинными шлейфами, въ брилліантовыхъ ожерельяхъ и кокошникахъ, въ лентахъ ордена св. Екатерины и въ цѣпи ордена св. Андрея Первозваннаго.

За Ихъ Императорскими Величествами слѣдовали Великіе Князья и Княгини. Затѣмъ, за Царской Фамиліей, тянулась лента придворныхъ дамъ.

Со вступленіемъ Ихъ Величествъ, предшествуемыхъ первыми чинами Двора и регаліями, въ Георгіевскій тронный залъ, Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ Петербургскій началъ молебствіе. Высокопреосвященному сослужили члены Св. Синода: Митрополиты: Кіевскій и Галичскій Флавіанъ, Московскій и Коломенскій Владиміръ; Архіепископы: Экзархъ Грузинъ Николай, Харьковскій и Ахтырскій Арсеній, Воронежскій и Задонскій Анастасій, Псковскій и Порховскій Арсеній; духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ Янышевъ и военный протопресвитеръ Желобовскій, а также—придворные протоіереи и протодіаконы.

По окончаніи молебствія предъ чудотворнымъ образомъ Спасителя, духовенство, предшествуемое пѣвчими, удалилось изъ зала съ крестомъ, евангеліемъ и иконою. Высокопреосвященные же и протопресвитеры направились къ трону и стали у его подножія. Великіе Князья сгруппировались на ступеняхъ трона. Государыни Императрицы подошли къ трону и заняли уготованныя для нихъ мѣста впереди Великихъ Княгинь. Предъ трономъ шпалерами стояли съ одной стороны сановники и Члены Государственнаго Совѣта, съ другой—народные представители.

Когда все установилось, на тронъ вошелъ Государь и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Всевышнимъ промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отчества побудило Меня призвать къ содѣйствию въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ и горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя съ твердой увѣренностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія. Памятую, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнится горячее Мое желаніе видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благовѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа. Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ“.

Единодушное долго несмолкаемое „ура“ было отвѣтомъ на Царское привѣтствіе. Находящійся на хорахъ троннаго зала оркестръ Преображенскаго полка многократно исполнилъ народный гимнъ.

Подъ звуки его совершилось обратное шествіе въ томъ же

порядкѣ, какъ и прежде. Въ тотъ же день около четырехъ часовъ по полудни начался съѣздъ въ Таврической дворецъ народныхъ представителей, министровъ, нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, строительнаго комитета. Прибыль статсъ-секретарь Н. О. Дерюжинскій, его помощники М. Н. Головинъ и Всеволожскій и чины государственной канцеляріи.

Придворнымъ духовенствомъ совершенно было молебствіе предъ образомъ Спасителя. Во время молебна первенствующій членъ Св. Синода Высокопреосвященный Митрополитъ Петербургскій и Ладожскій Автоній произнесъ слѣдующее слово:

„Буди имя Господне благословенно!

Возлюбленные братія.

Насталъ великій для Россіи историческій моментъ. Еще нѣсколько мгновений, и Государственная Дума откроется. Исполнилось трепетныя ожиданія народа Русскаго. Онъ призванъ отнынѣ къ дѣятельному участию въ устроении дѣлъ русской государственной жизни. Его избранные представители собрались чтобы съ Божьей помощью положить начало новой жизни Руси святой. Буди же имя Господне благословенно! Не раздавалось еще здѣсь, братья, пока ни одного слова о строении дѣлъ государственныхъ и не слышался еще голосъ представителей народныхъ. Но въ другой разъ уже совершается здѣсь молитва и слышится имя Господне.

Итакъ, прежде всего наречено здѣсь имя Божіе. Внемлите же ему вы, избранники народа, представители Русской земли: имя Божіе есть имя святое. Предъ лицомъ Бога вы совершать будете здѣсь свое общественное служеніе родинѣ. Не ищите же своего, не ищите партійныхъ только интересовъ, а ищите блага общаго, правды, пользы довѣрителя вашего Русскаго народа.

Да не будетъ здѣсь борьба партій борьбой эгоистической, а исканіе побѣды—стремленіемъ къ удовлетворенію суетнаго тщеславія. Но да будетъ все здѣсь совершаемо во имя Божіе святое и во благо дорогой родины. Тогда будетъ миръ и свѣтъ въ душахъ вашихъ“.

Въ пять часовъ были открыты двери зала засѣданій и депутаты заняли свои мѣста. Ложи дипломатовъ, публики и

прессы переполнены. Вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта статсъ-секретарь Э. В. Фришъ, послѣ прочтенія государственнымъ секретаремъ Высочайшаго повелѣнія открыть ему (Фришу) Думу, произноситъ слѣдующую рѣчь:

„Исполняя волю Государя Императора, я счастливъ, что въ торжественный для всей Россіи день, мнѣ довелось открыть Государственную Думу и присутствовать на этомъ праздникѣ русскаго народа.

Вамъ суждено быть представителями народа и вы имѣете полную возможность работать дружно надъ водвореніемъ въ нашемъ отечествѣ порядка и законности.

Вамъ выпала завидная доля. Каждый шагъ вами сдѣланный будетъ достояніемъ всего народа, каждый шагъ вашъ при помощи печати разнесется по всей землѣ русской.

Да просвѣтитъ Господь васъ своей мудростью, дабы при помощи Государственнаго Совѣта разрѣшить тѣ вопросы, которые будутъ подлежать вашему разрѣшенію.

Да^тбудетъ трудъ вашъ—трудъ на пользу отечества.

Объявляю первое засѣданіе Государственной Думы открытымъ!...

На основаніи § 1 полож. о Госуд. Думѣ приступите къ избранію предсѣдателя Думы и подпишите обѣщаніе, замѣняющее по положенію о думѣ присягу“.

Затѣмъ было прочтено обѣщаніе и депутаты одинъ за другимъ пошли подписывать его. Когда подписаніе присяжнаго листа закончилось, приступлено было къ выбору предсѣдателя.

Подсчетъ записокъ далъ слѣдующіе результаты, оглашенные Фришемъ: за С. А. Муромцева поданы 426 избирательныхъ записокъ при 436, принимавшихъ участіе въ голосованіи (единодушные, продолжительные аплодисменты). Депутаты: Варунъ-Секретъ получилъ 3 записки, Галатинъ, Аладьинъ, Ковалевскій, Шемихинъ, Петрупкевичъ и Кузьминъ-Караевъ получили по одной. Фришъ предлагаетъ баллотировать намѣченныхъ записками кандидатовъ шарами. Получившіе по одной избирательной запискѣ отъ баллотировки отказываются; получившіи три избирательныхъ записки снялъ свою кандидатуру.

Избраннымъ оказался извѣстный юристъ, бывшій профессоръ Московскаго университета С. А. Муромцевъ.

Въ своей вступительной рѣчи г. Муромцевъ отмѣтилъ общую задачу Государственной Думы. „Клавяксь Государственной Думѣ, говоритъ онъ. Не нахожу словъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы выразить благодарность за ту честь, какую вамъ, господа, угодно было мнѣ оказать. Настоящая минута—не время для выраженія личныхъ чувствъ; избраніе предсѣлательствующаго Государственной Думы представляетъ собою первый шагъ на пути организаціи Думы въ государственное учрежденіе, призванное совершить великое дѣло. Воля народа получаетъ отнынѣ выраженіе болѣе правильное, постоянно дѣйствующее на основаніи неотъемлемыхъ законовъ и законодательныхъ учрежденій. Намъ ждетъ великое дѣло, великій подвигъ, и большая тяжелая работа досталась намъ. Надо желать другъ другу и себѣ, чтобы у всѣхъ насъ хватило достаточно силъ, чтобы вынести эту работу на своихъ плечахъ. Намъ предстоитъ долгая работа на благо выбравшаго насъ народа, на благо родинѣ“.

Слѣдующее засѣданіе Государственной Думы состоялось 29 апрѣля...

Хотѣлось бы вѣрить, что открытіе Государственной Думы является великимъ русскимъ событіемъ.—Надъ однимъ изъ великихъ христіанскихъ народовъ, подобно древнимъ народамъ исгомившимся въ духовной темнотѣ, зажглась заря свободы...

Цикль реформъ Императора Александра II закапчивается дарованіемъ Русскому народу той реформы, о которой лишь мечтали люди шестидесятыхъ годовъ...

Что-же ожидаетъ Россію на этомъ новомъ пути?

Намъ рисуются два исхода: или закономѣрная, мирная работа надъ усовершенствованіемъ нашего новаго строя, въ связи съ неотложнымъ удовлетвореніемъ нуждъ 96 милліоновъ крестьянъ, или—новая нелегальная борьба со всѣми ужа-сами той смуты и безурядицы, которыя уже намъ такъ хорошо знакомы.

Будемъ надѣяться, что тактъ, хладнокровіе и выдержка не оставятъ избранниковъ народа членовъ Государственной Думы,

и дадутъ имъ силу избрать первый изъ предстоящихъ имъ путей.

Дай Богъ, чтобы народные избранники имѣли мужество „быть предъ Государемъ его вѣрными слугами, неподкупными, безбоязненными, велицепріятными, безкорыстными свидѣтелями нуждъ и пользы народныхъ“ и готовы были принести всѣ силы своего разумѣнія на дѣло преуспѣнія Россіи...

Благослови Господи доброе начало!

Б.

17-е октября 1888 года и 17-е октября 1905 года.

Всѣмъ намъ, конечно, извѣстно, что это за день 17-го октября 1888 года. Это—день чудеснаго сохраненія жизни въ Бозѣ почившаго Великаго Государя Императора Александра III и всего Его Августѣйшаго Семейства, въ числѣ котораго былъ и нынѣ здравствующій Государь Императоръ, находившійся тогда, вмѣстѣ съ Отцемъ своимъ, въ званіи Наслѣдника Всероссийскаго Престола,—день спасенія ихъ отъ смертной опасности, при крушеніи Императорскаго поѣзда, близъ станціи „Борки“ Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Когда, на другой день послѣ этого чудеснаго событія, сдѣлалось о немъ извѣстно по всей Россіи, тогда мы, услыжавъ впервые, что стало съ Царемъ нашимъ, какая опасность грозила Ему на желѣзнодорожномъ пути, не могли и представить себѣ во всей полнотѣ и отчетливости значенія этого событія. Мысль наша, по истинѣ, оцѣниенѣла отъ ужаса. Сердце наше содрогнулось и самое чувство какъ бы притупилось тогда. И только спустя нѣсколько дней, послѣ того какъ пришли къ намъ подробности относительно этого печальнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнаго событія, мы могли дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ томъ, что произошло съ Возлюбленнымъ Царемъ нашимъ и Его Августѣйшимъ Семействомъ. И здѣсь, первымъ дѣломъ открылся въ сохраненіи жизни нашего Царя Чудесный Промыслъ Божій, *дающій* по слову Псалмопѣвца, *спасеніе царемъ* (Пс. 143, 30). Да, мы признали и, притомъ, всѣ безъ исклю-

ченія призывали, что въ этомъ спасеніи Царя нашего отъ угрожавшей Ему опасности никто, кромѣ Всесильнаго Бога, не могъ даровать Ему продолженія жизни, подобно благочестивому царю іудейскому Езекии.

Спасеніе Царя и, вмѣстѣ съ Нимъ, спасеніе всей Россіи, вотъ что волновало насъ тогда живѣйшими, радостными и благодарными чувствами! Спасеніе Царя было для насъ очевидно, потому что мы видѣли Его, вскорѣ послѣ этого событія, проездомъ чрезъ Россійскіе города въ свою постоянную резиденцію. А какое это было побѣдоносное и торжественное путешествіе Его, Виновника событія 17 го октября 1888 года! Мы живо помнимъ эту неизъяснимую радость, этотъ необычайный восторгъ, при видѣ спасеннаго изъ челюстей смерти нашего Царя. Да, это былъ, можно сказать, необыкновенно сильный подъемъ патріотическихъ чувствъ въ русскомъ народѣ! Эти чувства радости и восторга обнаружались не въ Харьковѣ только и въ Москвѣ, а и на всемъ обратномъ пути Царя, начиная со станціи Борки, гдѣ было отслужено, по поводу этого событія, благодарственное Господу Богу молебствіе, за которымъ Верховный Правитель многомилліоннаго народа русскаго смиренно преклонилъ главу Свою и облобызавъ руку простого сельскаго пастыря Церкви, и кончая сѣверной столицей нашей—Петербургомъ. Очевидцы рассказывали, что Государь, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, плакалъ горячими слезами искренно-вѣрующаго христіанина. Я лично назвалъ бы этотъ обратный путь нашего Царя, на которомъ лежала ясная печать знаменія и благоволенія Божія, вѣрующей и исповѣдующей дѣвпья дѣла Божіи домашнею церковію Христовою: такъ много было, дѣйствительно, у Государя нашего и у всѣхъ членовъ Царской Семьи вѣры въ то, что Господь, по силѣ Нерукотвореннаго Образа Своего, сотворилъ съ Ними чудо. Итакъ, чудо спасенія Царя была признано сперва Самимъ Царемъ, а затѣмъ было признано всѣми Его вѣрноподданными. Эти послѣднія, для увѣковѣченія чудеснаго и многознаменательнаго событія 17-го октября 1888 года, совершили, какъ извѣстно, множество добрыхъ дѣлъ по всей Россіи, въ видѣ

устройства храмовъ, часовенъ, иконостасовъ, колоколовъ. школы, приюты, богадѣльни и т. п...

Я сказалъ, что, вмѣстѣ съ спасеніемъ Царя, 17 октября 1888 года было и спасеніе всей Россіи. Да, мысль о спасеніи Россіи, если, можетъ быть, и не живо ощущалась тогда всѣми вѣрующими русскими людьми, вѣроятно, возникала въ головахъ многихъ изъ нихъ! Если представить себѣ теперь только то, что было бы съ Россіей, семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ случаѣ гибели Царя и всего Его Августѣйшаго Семейства, то невольно кровь застываетъ въ нашихъ жилахъ. И вся теперешняя наша смута ничто не значила бы въ сравненіи съ тою смутою, какая могла бы произойти въ этомъ случаѣ тогда. Но Господь отвратилъ отъ насъ въ то время эту смуту. Онъ чудеснымъ образомъ сохранилъ жизнь не только Царя Александра III, но и Сына Его, Наслѣдника Всероссійскаго Престола, занявшаго этотъ престолъ, послѣ смерти Отца Царя, Николая II, который, подобно Отцу своему, смотрѣлъ на это событіе такими же глазами и относился къ нему съ такимъ же чувствомъ смиренно вѣрующаго и исповѣдующаго христіанина. Вмѣстѣ съ Царемъ такія же чувства раздѣлялъ въ большинствѣ своемъ и весь народъ Его. Такъ продолжалось все время вплоть до 17-го октября 1905 года, когда Россія, охваченная повсюду политической забастовкою, особенно усердно молилась въ своихъ храмахъ о сохраненіи жизни Возлюбленнаго Царя своего для спасенія, между прочимъ, и себя самой.

Мы не говоримъ, что чувства русскихъ людей во все это время были на одинаковой степени возбужденія касательно событія 17-го октября 1888 года. Правда, взглядъ вѣрующихъ на это событіе остался одинъ и тотъ же до послѣдняго времени, но чувства ихъ, конечно, измѣнялись, то расширяясь, то ослабѣвая въ своемъ развитіи. Мы не можемъ сказать, конечно, съ увѣренностію, что произошло бы далѣе съ тѣми же чувствами русскаго народа, еслибы не случилось въ прошломъ году, въ тотъ же самый день 17-го октября, другого событія въ жизни нашего отечества. Мы разумѣемъ именно Высочайшій Манифестъ, даровавшій русскому народу права гражданской свободы. Можетъ быть, эти чувства расширились

бы въ своемъ развитіи, а, можетъ быть, со временемъ они совсѣмъ заглохнули бы въ сердцахъ русскаго варода.

Но вотъ наступило 18-е октября, когда стала извѣстно повсюду о Царскомъ Манифестѣ 17-го октября. И что-же, мы видимъ, произошло въ нашемъ отечествѣ? Въ этотъ день оно, словно, расколосось на двѣ половины. Высочайшій Манифестъ 17-го октября прошлаго года послужилъ для нѣкоторыхъ изъ насъ какъ-бы гранію, раздѣляющею жизнь нашего отечества на двѣ части: старую и новую. Я не стану дѣлать здѣсь подробную характеристику этихъ частей. Въ чемъ заключается сущность каждый изъ нихъ, я думаю, всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстно. Скажу только то, что до появленія Высочайшаго Манифеста 17 октября 1905 года вся Россія жила однообразною, старинною жизнію, безъ проявленія народной мысли. Съ появленіемъ же этого манифеста, съ обнародованіемъ, такъ называемыхъ, гражданскихъ свободъ четырехъ видовъ: свободы совѣсти, свободы слова, свободы собраній и свободы союзовъ Россія вводится въ новую жизнь, полную разумности и сознательности. Правда, какъ только возвѣщенъ былъ Высочайшій Манифестъ 17 октября, такъ тотчасъ же, вмѣсто благодарности Царю нашему за Его благое попеченіе о русскомъ народѣ, за Его милости и щедроты, излитыя Имъ на него въ столь большомъ количествѣ, въ продолженіе одиннадцати лѣтняго царствованія Своего, послышались крики людей злонамѣренныхъ, съ требованіемъ русской конституціи, съ ограниченіемъ, конечно, Царскаго Самодержавія. А что происходило потомъ, въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ, на всемъ пространствѣ нашей матушки святой Руси, какія кощунства, насилія и всякаго рода безобразія творились въ ней повсюду и въ городахъ и въ селахъ, объ этомъ лучше и не упоминать здѣсь. Наши сердца и до сихъ поръ не могутъ придти въ себѣ отъ страшнаго впечатлѣнія, полученнаго нами тогда, не могутъ освободиться отъ того, что мы видѣли и слышали; однимъ словомъ, что мы пережили за все это страдное время. Такъ омраченъ былъ день 17 октября, воспоминанія чудеснаго избавленія Государа Императора отъ смертной опасности. Вотъ

чѣмъ озаменовался новый историческій день 17-го октября 1905 года.

Но вотъ вопросъ: какъ-же будутъ относиться къ этому событію тѣ же русскіе люди впредь? какъ они встрѣтятъ его, напр. въ нынѣшнемъ году, если Богъ дастъ имъ дожить до него? Несомнѣнно, что большинство изъ нихъ, стоящихъ за такъ называемую полную гражданскую свободу и, вообще, стоящихъ за проведеніе конституціи въ нашемъ государствѣ, не разстанутся съ своими злыми мечтаніями и, быть можетъ, будутъ смущать православный русскій народъ своими антирусскими домогательствами, къ великой скорби всѣхъ русскихъ людей и въ томъ числѣ и любвеобильнаго сердца нашего русскаго Царя. Но да не будетъ этого!

Ну, а мы, монархисты, стоящіе за Самодержавнаго Неогреченнаго Царя, какъ отнесемъ къ событію 17 октября 1905 года, если Богъ дастъ, доживемъ до первой годовщины его? Какъ мы встрѣтимъ этотъ день въ своей домашней и общественной жизни? Конечно, вспоминая о томъ, что произошло въ этотъ день годъ тому назадъ въ нашемъ отечествѣ, мы истинно порадуемся величію дара нашего Царя. Нашъ Всемилостивѣйшій Государь благоволилъ въ этотъ день даровать своему народу не только законную свободу, но и сохранилъ все величіе своей державной власти. Это такая черта, которая отдѣляетъ новую Россію отъ старой. Черта эта заключается именно въ томъ, что Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября, не смотря на нѣкоторыя уступки, сдѣланныя Царемъ нашимъ русскому народу, сохранено было Царское Самодержавіе во всей своей силѣ. Да, Царское Самодержавіе, говоримъ, осталось незыблемымъ тогда, какъ оно остается незыблемымъ и до сихъ поръ, не смотря на цѣлое полчище враговъ его, людей всякаго званія и состоянія, въ особенности же нѣкоторыхъ газетныхъ писаковъ—этихъ разбойниковъ пера и мошенниковъ печати, обрушившихся на него со всѣхъ сторонъ и, тѣмъ самымъ, хотѣвшихъ своими нечестивыми писаніями умалить величіе нашего Царя! И вотъ, при встрѣчѣ грядущаго 17 октября, мы будемъ праздновать его не въ духѣ печали и унынія, а въ духѣ

радости и благодарности, за то что Господь сохранилъ намъ не только нашего Царя цѣлымъ и невредимымъ, но и Царскую Его власть Самодержавною и Неограниченною, сохранилъ власть Его такую, какою она была по Его собственнымъ словамъ, „встарь“ ¹⁾).

Отселѣ день 17-го октября получаетъ для всѣхъ истинно-русскихъ людей глубоко знаменательное значеніе. Онъ является для нихъ днемъ сугубо торжественнымъ и, такъ сказать, печально радостнымъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ этотъ день, семнадцать лѣтъ тому назадъ, нашъ Государь Императоръ сохраненъ былъ отъ тѣлесной смерти. Волею Божіею Ему дарована была тогда жизнь, можетъ быть не столько для Него Самого, сколько для Его вѣрноподданныхъ, для блага и счастья всей Россіи. Но, зная это, не забудемъ также и того, что, когда Государь вышелъ цѣлымъ и невредимымъ изъ обломковъ разбитаго вагона, сколько загублено было вокругъ Него жизней человѣческихъ, сколько вѣрныхъ слугъ легло за Него костью своими при этой страшной желѣзнодорожной катастрофѣ. Во-вторыхъ, въ этотъ день нашъ Государь Императоръ сохраненъ былъ отъ духовной смерти. По той же Волѣ Божіей, съ сохраненіемъ во всей цѣлости и неприкосновенности Царскаго Самодержавія, сохранена была нашему Царю свобода духа, свобода дѣйствія. А въ этой свободѣ заключается, можно сказать, залогъ Царской власти и силы. Но если Государь нашъ и сохраненъ былъ въ прошломъ году отъ духовной смерти, то не сохранены были отъ духовной смерти, а также и отъ тѣлесной, многіе русскіе люди, погибшіе при всеобщей Россійской катастрофѣ, особенно разыгравшейся на почвѣ Манифеста 17-го октября. И какъ въ событіи 17-го октября 1888 года мы не могли не видѣть чудеснаго Промысла Божія въ жизни нашего Царя: такъ того же чудеснаго Промысла Божія мы не можемъ не видѣть и въ событіи 17-го октября 1905 года, по

---

¹⁾ Слова Государя Императора, сказанныя при приѣмѣ депутаціи самодержавно монархической партіи изъ города Иваново-Вознесенска, 18 февраля текущаго года.

случаю изданія Высочайшаго Манифеста. Мы не можемъ сказать, конечно, съ увѣренностью, чѣмъ руководился Государь нашъ въ изданіи этого Своего Манифеста, почему онъ изданъ былъ именно 17-го октября, а не 16 или 18 или какого-либо другого числа. Не говорило-ли Ему въ этомъ случаѣ нѣкоторое тайное предчувствіе, что Онъ будетъ спасенъ въ этотъ день вторично, что, не смотря на всѣ козни и злоухищренія враговъ Его, на всѣ тайные и явные подкопы къ Его Царской власти, эта власть Его будетъ сохранена цѣлою и несокрушимою, на радость и счастье всего русскаго народа?..

Такова, по нашему мнѣнію, тѣсная и неразрывная связь этихъ двухъ историческихъ и знаменательныхъ въ жизни нашего отечества годинъ. Живо сознавая и чувствуя эту связь, воскликнемъ всѣ мы, православные русскіе люди, единымъ сердцемъ и едиными устами: „Боже, Царя храни! „Приложи дни ко днямъ Царя; лѣта Его *продли* въ родъ и родъ“ (пс. 60, 7)! Ура, нашему Великому Царю, чудесно спасенному отъ смерти двоякимъ образомъ!..“

Священникъ Димитрій Ромашковъ.

Къ вопросу о преобразованіи учебныхъ курсовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

(Продолженіе *).

III.

При разсмотрѣніи проекта духовно-учебной реформы, мы наталкиваемся на одно положеніе, которое, вѣроятно, имѣло рѣшающее значеніе при выработкѣ его, и къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ—на нашъ взглядъ,—въ печальную сторону. Это—общее убѣжденіе, повидимому,—всѣхъ членовъ Комитета, убѣжденіе въ томъ, что новое построеніе учебно-воспитательнаго курса въ намѣчаемой ими реформѣ училищъ и семинарій необходимо производить въ тѣсной „исторической связи

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 7 за 1906 г.

съ существовавшей до сего времени и нынѣ существующей духовною школою¹⁾, безъ „коренной ея ломки“²⁾. Во имя этой-то связи и сохраняется, елико возможно, въ духовной школѣ ея прежній обликъ, съ тѣми же способами достиженія ставимыхъ ей двойственныхъ цѣлей; подраздѣленіемъ ея на училища и семинаріи; разраниченіемъ въ семинаріи трехъ основныхъ ступеней (словесности—былой реторики, философіи и богословія)³⁾. Этотъ намѣренный и сознательный консерватизмъ проводится здѣсь на столько далеко, что самое преобразование всей духовной школы, въ особенности въ богословской ея части, представляется по существу не столько реформой, сколько реставраціей ея, восстановленіемъ строя устава 1867 года.

Безспорно, этотъ консерватизмъ, эта принципиальная осново-посылка разбираемаго проекта представляетъ собою солидную и крупную реальную силу, и съ идейной, и съ практической стороны, въ особенности же по своей близости къ историческому Православію, въ пониманіи большинства ревнителей Церкви. Необходимо, поэтому, и считаться съ ними не менѣе серьезно.

Да, что и говорить, всякому, кто желаетъ оцѣнивать тѣ или инныя явленія наличной жизни, нельзя не относиться съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ своему историческому прошлому, и ни одного факта, ни одного учрежденія не слѣдуетъ отрывать отъ ихъ исторической перспективы.

Но прилагая это общее положеніе къ современнымъ условіямъ жизни, нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ нашей духовной школѣ особенно нужно бояться ультра—консерватизма.

И прежде всего, теперь напр. уже отошло время той практики внѣшняго отгораживанія отъ соблазна отрицательной литературой, которою до сихъ поръ старались отдѣлаться отъ ея вліянія въ заботахъ о семинаристахъ. При новыхъ условіяхъ политической и общественной жизни, при свободѣ вѣры, биб-

1) Тихомировъ. Стр. 56.

2) Церк. Вѣст. № 46. Стр. 1948—1949.

3) Ibidem.

біотеки и читальни, всевозможныя народныя чтенія становятся несравненно менѣ цензурованными и въ данномъ случаѣ—прямо опасными. Литература научная и особенно популярно—научная, съ ея отмѣченнымъ характеромъ, слишкомъ неблагопріятнымъ для положительной вѣры, какъ мы сказали, неизмѣримо расширилась, удешевилась. Издавія либеральнаго типа *уже нашимъ* себѣ широкій доступъ и распространеніе во всѣхъ среднихъ школахъ, не исключая и семинарій; „вкусъ къ нимъ многими и многими уже пріобрѣтенъ. Нельзя думать, что это безслѣдно или съ малымъ слѣдомъ пройдетъ въ будущемъ для нашей молодежи.

Нормой для всякой школы нужно ставить, безъ сомнѣнія, не наши доктринерскія тенденціи, а естественное, надлежащее функционированіе ея въ соотвѣтствіи даннымъ педагогической науки и обычнаго человѣческаго опыта.

Пастырское образованіе не есть, не должно быть *придаткомъ, внѣшнею надстройкою надъ образованіемъ общимъ*—безъ опредѣленной духовной окраски. *Самые богословскіе классы должны являться завершеніемъ, высшимъ моментомъ всего 10 или 11-лѣтняго курса, послѣдними годами, заключающими собою непремѣнно органическое, обединенное одною основною идеею, христіанское воспитаніе и образованіе.* Именно „измлада“ (см. выше) долженъ воспитываться, пріуготовляться къ той высшей цѣли питомецъ духовной школы. И въ училищѣ, и въ семинаріи, и въ младшихъ, и въ среднихъ, и въ старшихъ классахъ послѣдней—всюду должна имѣться въ виду эта цѣль, всюду должна быть соотвѣтственная постановка воспитательной и учебной стороны дѣла.

Здѣсь, въ этомъ основномъ положеніи, и заключается по нашему убѣжденію, корень всей требуемой жизнью духовно-учебной реформы. Разбираясь въ немъ, мы безъ труда отыщемъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ, связанныхъ съ нею, главнѣйшихъ вопросовъ. Слѣдуя этому началу, мы вполне можемъ примирить между собою тѣ двѣ основныя задачи, которыя, какъ мы видѣли, неустранимо ставятся духовной школѣ самой жизнью: задачи—общееобразовательную, сословную, и церковно-пастыр-

скую. Обѣ онѣ, въ этомъ случаѣ, будутъ достигаться рука объ-руку, одновременно, не заслоняя и не подавляя одна другую. *Только этимъ путемъ, и возможно установить нормы такого курса, который явится дѣйствительно цѣлостнымъ, органически-объединеннымъ, а не внѣшне-механическими наслоеніями, изъ которыхъ одно въ корнѣ отлично отъ другого, и лишь нарушаетъ собою гармонію составныхъ частей его. Здѣсь, такимъ образомъ, мы можемъ получить надежду уже на дѣйствительное уращеваніе нашихъ семинарій, а съ ними, что еще важнѣе, на подъемъ и улучшеніе самаго нашего народнаго русскаго пастырства.*

IV.

На первомъ планѣ въ преобразовываемыхъ такимъ образомъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по нашему глубокому убѣжденію, необходимо поставить коренное преобразование собственно-воспитательной стороны въ нихъ. Однако, такъ какъ вопросъ этотъ въ выдвинутыхъ теперь проэктахъ не затрогивается вовсе, а между тѣмъ насъ онъ задержалъ бы на себѣ надолго, то мы и не считаемъ удобнымъ касаться его здѣсь, не позволяя себѣ излагать здѣсь давно уже у насъ сложившіеся взгляды по этому пункту. Теперь же обращаемся къ учебной части.

Но напередъ—нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ нужнымъ заявить здѣсь, что мы—далеко не сторонники католической системы образованія. При всей ея неоспоримой практической цѣлесообразности, она представляется намъ крайностію и узкостью, противорѣчащими и національному нашему духу, и широтѣ вселенскаго сознанія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ вопросахъ, и пезыблемымъ въ данномъ случаѣ лучшимъ традиціямъ нашихъ семинарій, и наконецъ—не отвѣчающими назрѣвшимъ запросамъ нашей общественной жизни. Нѣтъ, основнымъ положеніемъ для реформируемыхъ училищъ и семинарій, по нашему убѣжденію, должно быть слѣдующее: *широта и серьезность общаго образованія, на ряду съ указан-*

ными постоянствомъ и глубокимъ проведеніемъ началъ образованія христіански-церковнаго. Училища и семинаріи дѣйствительно должны стать гимназіями,—въ томъ, что въ послѣднихъ дѣйствительно цѣнно и отвѣчаетъ научно-образовательнымъ потребностямъ этихъ нашихъ школъ,—но гимназіями духовными, отъ перваго класса училища и до послѣдняго класса семинаріи. Достигнуть такого преобразования ихъ вовсе не такъ трудно, какъ это, можетъ быть, кажется съ перваго взгляда.

Но при этомъ, для ясности представленія дѣла, мы, опять-таки напередъ, должны сказать, что уже а priori мы считаемъ необходимымъ увеличить общее количество недѣльных уроковъ сравнительно съ наличными ихъ нормами. Правда, составители устава 1884 г. руководились въ данномъ случаѣ бесспорно-гуманными и педагогически-здравыми соображеніями: не переутомлять чрезмѣрно учащихся и больше простора оставить ихъ самодѣтельности. Но за этотъ періодъ времени въ самыхъ основныхъ понятіяхъ о постановкѣ обученія произошли существенныя перемѣны, и тѣ же самыя соображенія могутъ привести совсѣмъ къ иной схемѣ занятій. Такъ, безусловно, что теперь въ цѣляхъ того же облегченія учащихся можно требовать не уменьшенія, а *увеличенія* числа дневныхъ и недѣльных часовъ на классныя уроки. Всѣмъ извѣстно, что педагогикою въ настоящее время настойчиво рекомендуется и для средней школы не домашнее, а *классное разучиваніе* уроковъ. Безспорно, что такое ихъ разучиваніе, значительно усиливая для учениковъ количество ихъ утреннихъ занятій, въ то же время должно лишь несоизмѣримо больше облегчать имъ трудность ученія, давая имъ возможность—болѣе чѣмъ на половину выполнять въ классѣ, съ помощію преподавателя, ту работу, которую раньше, неумѣло и порой съ непомѣрными усиліями, должны были они сами дѣлать дома. Поэтому, хотя на практикѣ оно примѣняется довольно рѣдко, но въ нормативныхъ указаніяхъ ставится, кажется всюду. Впереди другихъ идутъ, въ этомъ случаѣ, кадетскіе корпуса—извѣстно, что еще съ 60-хъ годовъ Управленіе Военно-учебныхъ заведеній особенно чутко при-

слушивается къ послѣднему слову педагогической науки,— модныя въ наше время училища новыхъ типовъ, главнымъ образомъ вѣдомства Министерства Финансовъ, да еще—низшія наши, начальныя школы.—Думаемъ, что теперь, когда волей-неволей приходится перестраивать духовную школу, слѣдовало-бы воспользоваться въ этомъ отношеніи даннымъ моментомъ и нашему Вѣдомству. Нужно поставить на будущее время классное разучиваніе уроковъ, и въ училищѣ и въ семинаріи, не только *ria desideria*ми, но и положительнымъ, безусловно-обязательнымъ правиломъ. Для проведенія его въ жизнь необходимо требуется здѣсь лишь одно: дать преподавателю достаточное количество учебныхъ часовъ для такой классной работы,—но это, какъ мы видѣли, и было у насъ точкой отпращиванія при уставовкѣ даннаго требованія.

Къ этому должно прибавить и еще одно пожеланіе, которое представляется намъ существеннымъ восполненіемъ предлагаемой мѣры. Безусловно,—увеличивая количество часовъ утреннихъ занятій, необходимо дать дѣтямъ соотнормительный промежуточный отдыхъ. Необходимо, чтобы голова ребенка могла достаточно освѣжиться уже послѣ 3 часовыхъ занятій, его тѣло размяться—въ бѣготнѣ, играхъ и т. п., его желудокъ—получить потребную питательную пищу. Въ этомъ случаѣ можно указать на провѣренную жизнію практику нѣкоторыхъ уже существующихъ школъ, въ томъ числѣ—опять-таки тѣхъ же кадетскихъ корпусовъ. Тамъ обычное дневное количество уроковъ—6 (36 уроковъ въ недѣлю), при одномъ легкомъ, не требующемъ подготовки напр.,—рисованіи, фронтѣ и т. п. А между тѣмъ дѣти тамъ на 4-мъ и 5-мъ урокахъ являются гораздо болѣе внимательными и освѣженными, чѣмъ на 3-мъ и самому преподавателю, знаемъ по опыту, легче дать тамъ 6 уроковъ, чѣмъ въ гимназій или семинаріи—5 ихъ. Объясняется это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ корпусахъ существуетъ послѣ третьяго урока общая *часовая* (или даже 1 ч. 10 мин.) перемѣна, когда всѣ успѣютъ позавтракать и отдохнуть и прогуляться на воздухѣ.—Далѣе продолжительность урока, въ тѣхъ же цѣляхъ вполне достаточная д. б.

50 минутъ, съ 10 минутной перемѣной. Такъ офиціально и принято въ корпусахъ въ настоящее время; да такъ оно было въ большинствѣ и тѣхъ заведеній, гдѣ номинально—уроки часовые ¹⁾. Важно (особенно въ воспитательномъ отношеніи), чтобы это было *законенной нормой*, сильной для каждаго, а потому всюду въ точности легко осуществимой.

Единственнымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ этихъ, рекомендуемыхъ нами, нововведеній, представляется намъ возможная ссылка на необходимость сохраненія за семинаристами самостоятельности въ усвоеніи ими проходимыхъ учебныхъ курсовъ. И дѣйствительно, мы также убѣждены, что съ заботами объ облегченіи ученія для самихъ учащихся отнюдь не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко. Такъ, безусловно нельзя одобрить въ этомъ случаѣ тѣхъ же не разъ поминавшихся нами кадетскихъ корпусовъ, гдѣ при указанномъ увеличеніи утреннихъ, по существу-несамостоятельныхъ, занятій, у кадетъ отнята самая возможность самостоятельной работы домашней, такъ какъ все время у нихъ разобрано, и на вечернія занятія отведено всего около 1½ часа на всѣ, и устные и письменные уроки, да и то имъ помогаетъ готовить эти уроки отдѣленный (классный) офицеръ—воспитатель. Но мы и не имѣли въ виду стремиться къ тому, чтобы изъ уроковъ дѣлали ученикамъ конфетку, которую преподносятъ имъ для того, чтобы они ее лишь посмаковали да проглотили. По нашему убѣжденію, необходимо, чтобы сами уроки въ классѣ разучивались именно на половину, т. е. чтобы преподаватель только разъяснял, раскрывалъ, отгѣнялъ ихъ, дѣлалъ для ученика вполне понятными закладываясь въ сознаніи послѣдняго самая ихъ схема. Но ученикъ все же долженъ у себя дома *выучить* этотъ урокъ, напряженіемъ памяти и вниманія усвоить, запомнить его, съ тѣмъ, однако же чтобы въ этомъ дѣлѣ не могъ онъ встрѣтить никакихъ стороннихъ, антипедагогическихъ трудностей.

Но и помимо уроковъ у нашихъ воспитанниковъ и было и

¹⁾ Какъ отражалась въ этомъ случаѣ излишняя пунктуальность на самомъ учебномъ дѣлѣ, —объ этомъ лучше всего справиться у преподавателей слишкомъ строгихъ и исполнительныхъ реальныхъ училищъ и гимназій...

будетъ всегда не мало самостоятельной работы: чтеніе, свободное самообразованіе по любимымъ наукамъ, и въ особенности — сочиненія. Все это, по нашей мысли, должно не только сохраниться, но и усилиться для нихъ (не по количеству, напримѣръ, сочиненій, а по ихъ болѣе сорьезной, несоизмѣримо болѣе нормальной постановкѣ, что опять-таки зависитъ, прежде всего, отъ полноты и обстоятельности той же классной работы). Чтобы сдѣлать наше представленіе дѣла болѣе понятнымъ, переведемъ его на языкъ грубыхъ, но наглядныхъ подсчетовъ. Допустимъ, что прежде ученикъ на приготовленіе 4-хъ обычныхъ уроковъ долженъ былъ затрачивать, при данныхъ условіяхъ, около 2¹/₂ часовъ: теперь при классномъ разучиваніи ихъ и связанныхъ съ тѣмъ меньшихъ порціяхъ заданія ¹⁾, онъ по нашей мысли можетъ приготовить ихъ уже приблизительно въ 1 ч. 40 мин. и въ 2 часа можетъ выучить 5 ихъ. Такимъ образомъ предлагаемымъ нами увеличеніемъ утреннихъ уроковъ мы у вечернихъ занятій ничего не отнимаемъ, никакого новаго бремени на нихъ не налагаемъ, —напротивъ. И во всякомъ случаѣ, на всѣ самостоятельныя работы, начиная съ сочиненій, ученикъ будетъ располагать временемъ—по меньшей мѣрѣ по прежнему...

Наконецъ, послѣднее предварительное замѣчаніе. И такъ, основнымъ положеніемъ для своей реформы мы ставимъ требованіе, чтобы общее образованіе въ духовной школѣ было основательнымъ и серьезнымъ, такъ чтобы наши духовныя училища и семинаріи имѣли бы въ этомъ случаѣ полное право на наименованіе духовныхъ гимназій и лишь возвышались бы надъ ними своею спеціальною частью курса. Однако это требованіе вовсе не обозначаетъ того, чтобы мы должны были, подобно г. Тихомирову, на какой либо изъ ступени копировать то иль иное расписаніе министерскихъ гимназій. Все

¹⁾ Прибавляя новыя недѣльные уроки по нѣкоторымъ предметамъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду увеличивать самыя ихъ учебныя курсы. И такъ, если прежде извѣстный предметъ раскладывался при 3-хъ недѣльныхъ урокахъ приблизительно на 75 заданій, то теперь, при 4-хъ урокахъ, онъ будетъ разбиваться на 100 ихъ: очевидно, каждое отдѣльное заданіе окажется значительно меньше.

существенное, все важное изъ ихъ курса необходимо должно быть взято, но именно въ мѣру такой важности и необходимости для нашей духовной школы, долженъ быть взятъ оттуда тотъ минимумъ, безъ котораго послѣдняя не можетъ обладать правами гимназій. Но выше всего должна быть поставлена спеціальная задача нашихъ семинарій, какъ сословно пастырской школы, и поэтому увлекаться подражаніемъ свѣтскимъ гимназіямъ, до рабскаго слѣдованія ихъ составу и плану, по нашему убѣжденію, и нежелательно, и неисполнимо. Если ввести эти гимназіи въ нашу духовную школу въ качествѣ простого слагаемаго ея курса въ полномъ почти ихъ составѣ, то какъ бы мы ни распредѣляли затѣмъ въ ней порядокъ и составъ предметовъ, отвѣчающая основной ея задачѣ и насущнымъ нуждамъ, спеціальная ея постановка, безусловно неосуществима.

Теперь переходимъ къ самому составу и нормальному распорядку того учебнаго курса, который мы бы съ своей стороны предложили для нашихъ училищъ и семинарій.

V.

Опредѣлимъ прежде всего общій составъ необходимыхъ для тѣхъ и другихъ *общеобразовательныхъ* предметовъ. Остановимся пока лишь на главнѣйшихъ.

1. *Математика.* Она безусловно должна быть всего прежде расширена и поднята въ нашей духовной школѣ. Несомнѣнно и то, что преподаваніе ея, и по внѣшне-практическимъ, и по научно-педагогическимъ соображеніямъ, должно быть сосредоточено главнымъ образомъ въ первой половинѣ училищно-семинарскаго курса. По проекту Учебнаго Комитета на нее отведено 22 урока (12—въ духовномъ училищѣ, 10—въ семинаріи); по проекту г. Тихомирова—23 (19—въ пятиклассномъ духовномъ училищѣ, 4—въ семинаріи). Съ своей стороны мы отводимъ на нее вмѣстѣ съ Учебнымъ Комитетомъ 22 *ур.*, но сосредоточиваемъ ихъ, даже болѣе, чѣмъ г. Тихомировъ, *въ первыхъ 6-ти классахъ* этого цѣлостнаго курса, такъ какъ именно они должны быть, несомнѣнно, наиболѣе близки къ гимназіямъ министерскимъ.

2. *Древніе языки.* Безспорно, въ нашей духовной школѣ они должны быть оставлены оба. Языкъ латинскій оставляется и въ гимназіяхъ, какъ средство связи ихъ съ классическимъ образованіемъ древности; греческій языкъ для духовныхъ воспитанниковъ еще важнѣе, какъ языкъ Восточной Церкви, какъ языкъ нашего оригинала свящ. Писанія, святоотеческой литературы, книгъ богослужебныхъ, церковно-бытовыхъ наименованій. Можетъ быть вопросъ лишь о постановкѣ ихъ преподаванія, ихъ основной цѣли, которою опредѣляется методъ и система обученія имъ. По вашему убѣжденію, желательнѣе было бы, и несравненно выше по значенію,—классическое преподаваніе ихъ, когда изученіе этихъ языковъ вводило бы учащагося въ самое горнило, въ которомъ выковывается словесная оболочка нашего мышленія. Къ сожалѣнію, печальный опытъ прошлаго показалъ во-очію, что при данныхъ условіяхъ это совершенно недостижимо, и весь классицизмъ сводится тогда на зубрежку сухихъ правилъ грамматики, разныхъ *ut finale* да исключеній на исключенія, да на воспитаніе въ учащейся молодежи чувства острой и общей ненависти къ самому классицизму, какъ системѣ. Поэтому, по необходимости мы должны остановиться на практически-служебномъ изученіи этихъ языковъ, въ особенности греческаго, и основною задачею поставить—практическое владѣніе ими въ цѣляхъ возможнаго пользованія подлиннымъ текстомъ указанныхъ духовныхъ сокровищъ.

— По проекту Учебнаго Комитета, на оба древніе языка отведено по 22 урока (12 въ дух. уч. и 10—въ семинаріи), по проекту г. Тихомирова 21—на латинскій (15 въ его дух. училищѣ, 6—въ сем.) и 20—на греч. (8—въ дух. училищѣ, 12—въ сем.). Количество уроковъ опять представляется намъ близкимъ и къ нашей нормѣ, особенно въ послѣднемъ проектѣ. Но только предпочтеніе, но крайней мѣрѣ, въ разстановкѣ предметовъ, должно быть отдано не латинскому, а греческому языку. Помимо указанныхъ его преимуществъ, предпочтительное изученіе его въ духовной школѣ желательно и въ тѣхъ видахъ, чтобы еще болѣе солидно выдѣлить ее изъ ряда общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ другой

стороны, довести учениковъ до старшихъ классовъ съ тѣмъ, чтобы они достаточно владѣли обоими этими языками,—невозможно, практически неосуществимо. Поэтому, заложивъ знаніе лат. языка въ началѣ прочно, въ цѣляхъ еще и общей его службы для ознакомленія съ структурой новыхъ языковъ и частію современнаго словооборота самаго нашего русскаго, его затѣмъ безъ особаго ущерба для дѣла можно оставить въ среднихъ классахъ (2-мъ классѣ семин.), удержавъ дальше болѣе важный—греческій ¹⁾.

3) *Новые языки*. По проэку Уч. Ком. изъ нихъ изучается собственно одинъ, въ духовномъ училищѣ—необязательно, въ семинаріи—обязательно (съ 10-ю уроками). По проэку г. Тихомирова въ духовномъ училищѣ изучаются обязательно оба (нѣмецкій языкъ—17 уроковъ, французскій—14 уроковъ); въ семинаріи, обязательно же, одинъ (6 уроковъ)—по выбору учащихся. Наконецъ, при проэктѣ Учебнаго Комитета приложена особая записка еще одного его члена, проф. Титова, ²⁾ о необходимости изученія обоихъ новыхъ языковъ и въ училищѣ, и во всѣхъ классахъ семинаріи, безъ указанія общаго количества предлагаемыхъ уроковъ и распредѣленія ихъ по классамъ. Ни одно изъ этихъ предначертаній мы безусловно принять не можемъ. Мы вполне согласны съ о. прот. Титовымъ, что въ настоящее время знаніе новаго языка для оканчивающихъ семинарію *прямо необходимо*, и потому рѣшительно не можетъ принять въ этомъ случаѣ расписанія Учебнаго Комитета. Но не можемъ мы признать осуществимымъ требуемое о. протоіереемъ изученіе *обоихъ* языковъ, когда въ духовной школѣ, безспорно, не избытокъ, а—недостатокъ потребныхъ часовъ для занятій,—да и не видимъ въ этомъ и особой необходимости. Мы убѣждены, что для образованнаго человѣка на всѣхъ ступеняхъ, а ужъ тѣмъ болѣе—въ средней школѣ, вполне достаточно знаніе *одного* новаго языка; другой же

1) Но зато преподаваніе грамматики этого послѣдняго нельзя всецѣло отнести у насъ, какъ намѣчено въ проэктѣ комитета, къ курсу духовныхъ училищъ, придется заканчивать въ I-мъ классѣ семинаріи.

2) Церк. Вѣдом. № 47.

языкъ подь силу усвоить въ ней только немногимъ, для которыхъ и нужно дать возможность —познакомиться, но уже на добровольныхъ урокахъ, лишь съ основными его элементами, предоставивъ дальнѣйшее изученіе его вполнѣ на ихъ самостоятельную работу (какъ это и дѣлается лучшими семинаристами въ настоящее время). Тѣмъ меньше можемъ мы принять то поверхностное, совершенно безплодное для образованія учащихъся, изученіе этихъ языковъ, какое предлагаетъ въ своемъ проэктѣ г. Тихомировъ, въ исключительныхъ цѣляхъ приравненія младшихъ классовъ духовной школы къ таковымъ же классамъ гимназій.

Итакъ, необходимою составною частью будущаго училищно-семинарскаго курса должно быть изученіе одного языка, но основательное и надежное, проводимое почти чрезъ всѣ ихъ классы, въ количествѣ не менѣе 22 уроковъ. Языкъ этотъ долженъ быть *одинъ* для всѣхъ учащихъся, такъ какъ предлагаемый обычно, свободный выборъ между французскимъ или нѣмецкимъ, создавая крупныя практическія затрудненія, въ томъ возрастѣ, когда онъ производится (12—13 лѣтъ), является чисто случайнымъ и мелкимъ, да и легко со временемъ, при добромъ желаніи, можетъ быть восполненъ. Такимъ общеобязательнымъ языкомъ мы предложили бы—*нѣмецкій*, какъ языкъ научной (и въ томъ числѣ богословской) литературы. Французскій же языкъ остается для желающихъ, но только въ семинаріи, въ трехъ классахъ, какъ было доселѣ.

4. *Русскій языкъ*. Этотъ предметъ, безусловно, являлся (наравнѣ съ ариѳметикой и географіей) неисцѣльно большимъ мѣстомъ въ нашихъ училищахъ, особенно въ послѣднее время, когда было обращено въ немъ особое вниманіе на языкъ церковно-славянскій. Для исцѣленія его, прежде всего необходимо выдѣлить на особое, самостоятельное мѣсто этотъ послѣдній его придатокъ, и не обманывать, какъ это видимъ мы и въ данныхъ проэктахъ, общимъ значительнымъ количествомъ уроковъ (19—20 ур.). Для изученія церковно-славянскаго языка, въ намѣчаемой ниже постановкѣ, должно быть отведено особо до 5 уроковъ, а съ Церковнымъ Уставомъ—6 ур. Русскій же

языкъ самъ по себѣ долженъ имѣть въ училищѣ не менѣе 18 уроковъ.

Въ ряду поставляемыхъ ему цѣлей особенно должно быть выдѣлено наученіе учащихся писательству—умѣнью писать работы не только въ *грамматическомъ* отношеніи, но и со стороны *изложенія*. Здѣсь уже, въ духовномъ училищѣ, ученикъ долженъ приобрѣсть навыкъ выдѣлять и составлять планы, писать переложенія, а затѣмъ и простыя описанія и повѣствованія. Дѣло семинаріи—научить уже писать самостоятельныя сочиненія, въ формѣ—научныхъ описаній, м. б. хриій разсужденій и проповѣдей.—Въ послѣднее время всѣ въ одинъ голосъ жалуются на упадокъ бывшей гордости семинаріи—письменныхъ работъ семинаристовъ. Но кого же теперь винить въ этомъ?—Не ихъ же самихъ: вѣдь ихъ по правдѣ, этому *не учили*. Не преподавателей: они на это не имѣли ни времени, ни прямо физической возможности. Да и никому изъ нихъ вѣдь спеціально это дѣло и не поручалось, а известно, что „у семи нянекъ—дитя всегда безъ глазу“. (Взваливать все на преподавателя словесности, при 3—4 сочиненіяхъ въ годъ по его предмету, но съ общей очень почтенной ихъ массой,—было прямо не справедливо. Практически, и онъ въ этомъ случаѣ вѣдь мало чѣмъ отличается отъ другихъ преподавателей, и волей-неволей трактуетъ своихъ учениковъ, какъ обладающихъ уже необходимымъ навыкомъ, чего на самомъ дѣлѣ далеко, однако же, не бываетъ).

б. Объ остальныхъ предметахъ общеобразовательнаго характера, такъ-же общихъ съ гимназіями, ограничимся въ этомъ случаѣ краткими замѣчаніями. *Исторію* необходимо пополнить пропедевтическимъ курсомъ (въ намѣчаемой ниже его постановкѣ) при 6 урокахъ. *Географію* пополнить краткимъ курсомъ природовѣдѣнія и отвести на нихъ не менѣе 9 уроковъ. *Физику* пополнить основаніями химіи и космографіей, отведя на все 7 уроковъ.—Наконецъ, такіе предметы, какъ рисованіе съ черченіемъ, музыка, ручной трудъ и физическія упражненія, должны быть введены и въ училищѣ и въ семинаріи, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій,—не столько для обученія,

сколько для разнообразія утреннихъ занятій и отдохновенія, въ цѣляхъ возможно-гармоническаго и всесторонняго развитія питомцевъ духовной школы.

VI.

Переходимъ теперь отъ общей къ спеціальной составной части духовно-учебнаго курса, къ христіанско-пастырской сторонѣ училищно-семинарскаго образованія. Какъ двѣ противоположныя, крайнія грани этого курса, охватывающаго съ одной стороны—11 лѣтняго мальчика, съ другой—20 лѣтняго юношу, мы бы могли намѣтить въ данномъ случаѣ такія На первой ступени—*предметно-повѣствовательное* обученіе, обученіе по преимуществу *евангельско-церковной* исторіи; на послѣдней—*идейно-богословское освѣщеніе истинъ христіанской вѣры*, вмѣстѣ съ основными началами *пастырской практики*. Сердцу этого курса, *центръ* и *корень* всего спеціального образованія должно занимать изученіе Священнаго Писанія, на церковныхъ началахъ его пониманія. Разсмотримъ теперь и этотъ курсъ шагъ за шагомъ.

А. *Духовное училище*. Курсъ 1-го класса дух. учил. долженъ начаться, какъ и теперь начинается, Священной Исторіей Вѣхаго завѣта (3 ур.), какъ по научнымъ, такъ и по воспитательнымъ соображеніямъ. Параллельно ему долженъ быть изучаемъ *языкъ церковно-славянскій* (2 урока), въ этомъ классѣ—какъ простѣйшій языкъ гл. обр. Священнаго Писанія и молитвъ домашнихъ. Понятно, что изученіе его должно быть по преимуществу практическимъ, и грамматику слѣдуетъ читать возможно болѣе кратко и послѣ изученія соотвѣтствующихъ отдѣловъ языка русскаго, начиная съ ознакомленія (практическаго) дѣтей съ отдѣльными затруднительными словами и внѣшними особенностями славянскаго текста.

Во 2-мъ классѣ—въ изученіи *церк.-славянскаго языка* переходятъ къ ознакомленію съ языкомъ книгъ богослужебныхъ (2 урока). Основнымъ же церковнымъ предметомъ является здѣсь *Священная Исторія Новаго Завѣта*, но уже съ значительно расширеннымъ курсомъ. Именно, сюда должна войти

и исторія христіанской церкви, по отдѣламъ: церковь временъ апостольскихъ, эпоха гоненій и вселенскихъ соборовъ, главнѣйшіе эпизоды и лица изъ послѣдующей исторіи Восточной церкви. Курсъ этотъ долженъ и вообще представлять собою живыя эпизодическія характеристики, и преимущественно жизнеописанія великихъ святыхъ.—Уроковъ на этотъ предметъ должно быть удѣлено не менѣе 5-ти.

Въ 3-мъ классѣ—продолжая изученіе языка книгъ богослужебныхъ, заканчиваютъ курсъ, по связи, изученіемъ *Церковнаго Устава* (2 урока). Далѣе, въ этомъ классѣ начинается изученіе *русской исторіи*. Какъ извѣстно, эта исторія долгое время, чуть не до Петра Великаго, была по преимуществу исторіей *Русской церкви*. Какъ именно, главнымъ образомъ—этотъ послѣдній курсъ, она и будетъ преподаваться въ Училищѣ съ 3 го класса, опять таки въ эпизодическомъ изложеніи, живыхъ характеристикахъ и жизнеописаніяхъ отдѣльныхъ лицъ. Ей должно быть отведено здѣсь 3 урока въ недѣлю. Наконецъ, основнымъ предметомъ церковнымъ въ этомъ классѣ по прежнему долженъ быть *Катихизисъ*, также при 3-хъ урокахъ въ недѣлю.

Въ 4-мъ классѣ заканчивается изученіе *Русской церковно-гражданской исторіи* (3 ур.), а также заканчивается и изученіе *Катихизиса* (3 урока).

Не можемъ не высказать здѣсь своихъ *ria desideria* относительно постановки преподаванія этого послѣдняго, завершающаго курсъ духовныхъ училищъ, предмета. Въ настоящее время, какъ извѣстно, изученіе его заключается почти исключительно въ заучиваніи Катихизиса приснопамятнаго митр. Филарета. Нечего и напоминать, какими выдающими достоинствами обладаетъ эта почти символическая наша книга по точности, краткости и отчетливости изложенія истинъ православно-христіанскаго ученія. Но мы бы желали, чтобы въ училищномъ преподаваніи сохранена была именно эта точность гл. обр. въ неподражаемыхъ „Филаретовскихъ“ опредѣленіяхъ важнѣйшихъ катихизическихъ понятій, напр. Церкви, промысла Божія и т. п. Но въ то же время для пользы дѣла, для установленія

надлежащаго положенія этого предмета въ курсѣ училищъ и педагогической приспособленности преподаванія его къ возрасту учащихся, для насъ представлялось бы важнымъ, даже прямо необходимымъ, значительно видоизмѣнить здѣсь самую его постановку.

Священникъ Н. Вознесенскій.

(Продолженіе будетъ).

Примѣчательный случай.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года у насъ, на сахарномъ заводѣ въ селѣ Рогозномъ, былъ слѣдующій печальный случай, оскорбляющій религіозное чувство вѣрующаго человѣка. Рабочіе завода, жители разныхъ селъ, зараженныхъ штундою, нѣсколько дней подъ рядъ устраивали кощунственныя похоронныя процессіи. Одинъ изъ нихъ изображалъ собою священника: надѣвалъ на себя одѣяло въ видѣ ризы, на голову нахлобучивалъ бумажный колпакъ въ формѣ камилавки, а въ руки бралъ кружку на подобіе кадвля. За нимъ несли на туфликѣ своего товарища, который изображалъ покойника. Далѣе шла толпа рабочихъ съ кощунственнымъ пѣніемъ: „Святый Боже“... и „отчаянная память“..., прамѣшивая сюда плоскія шутки, громкій смѣхъ и грубыя остроты. Скорбно еще и то, что продѣлывались эти безобразія, какъ уже мы сказали, не одинъ, а нѣсколько разъ, и не нашлось благоразумнаго человѣка, который бы останавливалъ кощунниковъ, разъяснилъ бы имъ всю преступность и безобразіе этого поступка. Напротивъ, даже съ любопытствомъ лицезрѣли эти похороны и злорадствовали.

Я узналъ о нихъ тогда, какъ онѣ прекратились уже; и мнѣ пришлось говорить съ ними какъ уже о совершившемся фактѣ и убѣждать, чтобы привести къ сознанію грѣховности этого поступка ихъ и къ раскаянію въ немъ.

Послѣ остановки завода на праздникахъ Р. Хр. работы возобновились съ 4 генваря. И вотъ на первыхъ же дняхъ случилось не-

счастіе. Рабочій былъ обваренъ паромъ—вся нижняя часть туловища и спина. И кто же это пострадалъ? Это тотъ самый, который изображалъ собою покойника. Его, едва живого, въ страшныхъ мукахъ несутъ въ больницу. Иду къ нему съ словомъ утѣшенія и съ врачевствомъ духовнымъ—Тайнами Христовыми. Съ глубокою скорбію, со слезами раскапывается онъ въ своемъ кошунствѣ. „А что, батюшка, не понесутъ ли меня и въ правду на кладбище“? спрашиваетъ меня. Я успокоилъ, утѣшилъ его, что Богъ на сколько правосуденъ, на столько же и милостивъ. Наказавъ за грѣхъ для вразумленія другихъ, „Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти“. Теперь больной уже на пути къ выздоровленію, и чистосердечно обѣщаетъ, по выздоровленіи, „провозгласить и рассказать о происшедшемъ“ (Мар. 1 45).

Случай этотъ, намъ кажется, поразителенъ. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить, что пострадалъ не кто другой, а онъ, хулившій имя Божіе. Пусть иные объясняютъ это дѣломъ случая, а мы, вѣрующіе, признаемъ здѣсь перстъ Божій и утверждаемъ: „Богъ поругаемъ не бываетъ“ (Гал. 6. 7).

Священникъ Михаилъ Добреинскій.

Какъ исповѣдуется вѣра простымъ народомъ въ глухихъ и малопросвѣщенныхъ мѣстахъ Россіи?

Въ настоящей замѣткѣ намъ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями своими наблюденіями надъ религіозною жизнью монаховъ приходжанъ.

Въ послѣднее тяжелое время, трудно переживаемое Россіей, когда кажется религія падаетъ, вѣра и нравственность тускнѣютъ, въ нѣкоторыхъ темныхъ уголкахъ обширнаго русскаго государства еще сильна вѣра, и не гаснетъ свѣточъ истины, добра и правды.

Какъ на доказательство справедливости моихъ словъ я, какъ священникъ, не могу не указать на слѣдующій заслуживающій вниманія фактъ. На 2-й недѣли Великаго поста въ текущемъ году въ нашей приходской Рождество-Вогородичной церкви сл. Н.-Вѣленской, Староб. уѣзда, собралось около тысячи душъ говѣющихъ. Въ эту недѣлю, сверхъ ожиданія, появилась оттепель и, къ концу недѣли, протекающая черезъ слободу рѣка разлилась и затопила почти всю площадь, на которой стоитъ церковь. Доступъ къ церкви для всѣхъ и со всѣхъ сторонъ былъ отрѣзанъ. Въ пятницу въ 2 часа дня я (живу я за рѣчкой) направился изъ дому въ цер-

ковъ исповѣдывать говѣющихъ и что же? подъѣзжаю къ ней, а мостъ уже залитъ водою. Къ церкви можно переправиться только на лодкѣ.

Между тѣмъ возлѣ церкви собралось много говѣющихъ, желающихъ исповѣдываться. Усѣявъ все обширное крыльцо церкви, они умоляющимъ образомъ смотрѣли на ту сторону рѣки, гдѣ я стоялъ въ нерѣшимости: ѣхать ли мнѣ къ нимъ на лодкѣ или нѣтъ? А ѣхать было дѣйствительно опасно, такъ какъ вода шла очень быстро, ломала и несла большіе куски льда,—лодка могла всякую минуту легко опрокинуться. Испытывая тяжелое чувство, съ одной стороны боязнь лишиться жизни, чѣмъ доставить тяжкое горе для семьи, а съ другой стороны, видя такую сильную духовную жажду прихожанъ и сознавая ихъ душевную скорбь, если прійдется имъ остаться безъ исповѣди и Св. Причастія, я, памятуя свои пастырскія обязанности: готовность идти за вѣру и благополучіе пасомыхъ даже на смерть, помолясь Отцу Небесному, выбралъ то время, когда показалось мѣсто свободное отъ льда для проѣзда лодкой, сѣлъ въ лодку в благополучно доѣхалъ на другую сторону, а оттуда уже кое какъ съ трудомъ добрался до церкви. Велка была радость пасомыхъ, когда я явился къ нимъ для того, чтобы совершить великое таинство исповѣди! Но радость ихъ не долго продолжалась: пока я ихъ исповѣдывалъ, вода успѣла залить уже всю площадь и окружила церковь со всѣхъ сторонъ. Послѣ исповѣди нѣкоторые остались ночевать въ тѣсной церковной сторожкѣ, а остальнымъ пришлось идти черезъ площадь по водѣ почти до коленъ и ночевать въ ближайшихъ домахъ крестьянъ, гдѣ и какъ кому пришлось.

Я остался ночевать у своего отца діакона, квартира котораго стоитъ не далеко отъ церкви на возвышенномъ мѣстѣ. За ночь вода еще больше увеличилась. И тутъ то утромъ, когда я велѣлъ благоговѣтнѣ къ утренѣ, и воочію убѣдился, насколько сильна еще вѣра среди простого народа и на сколько онъ свято чтить возлагаемыя на него церковію обязанности, что для достиженія святой цѣли онъ не щадитъ ни силъ, ни здоровья. Я видѣлъ, какъ многіе брели по водѣ выше колѣнъ, рискуя всякую минуту быть сбитыми, снесенными и даже потопленными водою. При этомъ, вслѣдствіе плохой обуви, многіе набирали воду въ сапоги, а о женщинахъ я говорить нечего, а тутъ еще предстояло въ такомъ состояніи выстоять утреню и литургію... Съ помощью Вожіею, всѣ собравшіеся выстояли службу и удостоились приоб-

щаться Св. Тавнѣ, послѣ чего тѣмъ же путемъ, но уже будучи подкрѣплены и утѣшены првнатиємъ Святыхъ Тавнѣ, они съ миромъ разошлись въ свои мѣста.

Что же какъ не вѣра, и вѣра глубокая, правая и искренняя руководила и управляла народомъ въ данномъ случаѣ? По вѣрѣ вашей будетъ вамъ (Мѣ. 9, 29), такъ сказалъ Спаситель. Такъ и пасомые мои по вѣрѣ своей, хотя съ большими лишеніями и опасностію для жизни и здоровья, удостоились првнать тѣла и кровв Самого Господа.

Приобщивъ народъ и осѣнивъ вхъ Св. крестомъ, я опять съ упованіемъ на помощь Божию сѣлъ въ лодку съ крыльца церковнаго и благополучно првбылъ домой.

Священникъ Владиміръ Краснокутскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Предложеніе Преосвященнѣйшаго Серафима, епископа Орловскаго, Орловской Духовной Консисторіи.

Въ городахъ интеллигенція, сочувственно относящаяся къ возрожденію приходской жизни и состоящая членами приходскихъ совѣтовъ, обратилась ко мнѣ съ просьбою относительно просвѣтительной дѣятельности приходовъ. Дѣло въ томъ, что не всѣ священники бываютъ способны проповѣдывать живымъ словомъ, вести собесѣдованія и даже читать прозведенія св. отцевъ, а многіе очень заняты трудами. Поэтому необходима имъ помощь. Прихожане очень желали-бы слушать религіозно-нравственныя чтенія.

Поэтому прошу разъяснить чрезъ благочинныхъ всѣмъ священникамъ, что я разрѣшаю чтеніями заниматься не только клиру, но и мірянамъ, членамъ приходскихъ совѣтовъ и боголюбивымъ прихожанамъ, съ благословенія о.о. благочинныхъ и подъ наблюденіемъ настоятелей церквей. Есть міряне, которые съ любовію читаютъ въ церквахъ св. Апостолъ и Дѣянія; почему же имъ не читать на собраніяхъ творенія св. отцевъ, св. Тихона Задонскаго, св. Іоанна Златоустаго, Святителя Теофана или тавіи книги, какъ

„Духовныя основы жизни“ В. С. Соловьева. Это необходимо для поднятія интереса въ обществѣ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Но только эти чтецы должны быть люди, пользующіеся довѣріемъ духовенства. Собранія должны происходить разъ въ недѣлю.

Серафимъ, Еп. Орл.

Орловская Духовная Консисторія, по заслушаніи сего предложенія, постановила: Содержаніе предложенія Его Преосвященства о допущеніи способныхъ и благочестиво настроенныхъ прихожанъ къ чтенію въ церквахъ твореній св. отцевъ и другихъ религіозно-нравственныхъ книгъ объявить о.о. благочиннымъ и настоятелямъ церквей къ должному исполненію.

О содѣйствіи духовенства корпораціямъ духовно-учебныхъ заведеній въ дѣлѣ улучшенія учебно-воспитательной части.

Въ видахъ лучшей постановки учебно-воспитательной части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Костромской епархіи, Правленіе Костромской семинаріи постановило просить Преосвященнаго принять мѣры къ тому, чтобы само епархіальное духовенство въ семьяхъ и школахъ строго соблюдало уставы святой церкви, содѣйствовало тѣмъ начальству заведеній въ ихъ трудномъ дѣлѣ и не шло въ разрѣзъ съ уставной практикой д.-уч. заведеній. (Костр. Епар. Вѣд., № 24).

О преобразованіяхъ въ жизни монастырей.

Въ связи съ вопросами о церковной реформѣ высказываются пожеланія о преобразованіяхъ въ жизни монастырей. Свящ. Мих. Аполосовъ въ Воронежскихъ Епарх. Вѣд. находитъ нужнымъ ввести въ монастырскую жизнь преобладаніе *дѣятельнаго* благочестія надъ господствующимъ нынѣ *созерцательнымъ*. Устройство больницъ, пріютовъ, школъ, пансіоновъ и яслей (въ женскихъ монастыряхъ), домовъ трудолюбія, странно-пріимныхъ и проч. должно быть обязательнымъ для монастырей.

Гербовый сборъ.

Въ виду поступившихъ запросовъ о томъ, распространяется ли изъятіе отъ гербоваго сбора на росписки по вкладамъ на храненіе капиталовъ, принадлежащихъ церквамъ, монастырямъ и существующимъ при нихъ благотворительнымъ и другимъ учрежденіямъ, государственный банкъ разъяснилъ по своему вѣдомству, что выдаваемые церквамъ и монастырямъ выданные и другіе документы (росписки, книжки, свидѣтельства, квитанціи и т. п.) свободны отъ оплаты гербовымъ сборомъ, какъ документы по сдѣлкамъ, заключаемымъ казенными управленіями между собою. Что же касается документовъ, выдаваемыхъ учрежденіями банка, состоящимъ при церквахъ и монастыряхъ, благотворительнымъ и другимъ учрежденіямъ, то таковыя отъ оплаты гербовымъ сборомъ не освобождаются.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА
АРХИМАНДРИТА МИХАИЛА
(**Вогданова**):

„ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА,

Его предсказаніе о Своей смерти и воскресеніи и наставленіи ученикамъ въ Капернаумъ“.

Опытъ эзегетическаго изслѣдованія XVII и XVIII главъ св. Маттея.

Казань, 1906 г. 1+412 стр. Цѣна 2 руб.

Новыя изданія Н. Н. Страхова:

Грамотка — Первинка (букварь). . . . . цѣна 20 к.

Руководство къ обученію грамотѣ . . . . . „ 40 „

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. объ эти книжки *допущены: первая — къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ и въ учительскія бібліотеки этихъ училищъ.*

(Харьковъ, Духовная Семинарія).

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсевія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гегте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованіе евреевъ въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ульрамонганское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрїи“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Вѣляова.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія мопизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матеріалъ, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ливницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святѣй Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. А. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

(А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

☞ Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

☛ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ КОТОМИЦЪ.